

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Шестопалова Анна Сергеевна

ОБРАЗ ОФИЦЕРА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ
И ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ (1904–1917 гг.)

07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание
ученой степени кандидата
исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук, доцент
Шевцов Вячеслав Вениаминович

Томск – 2019

Оглавление

Введение.....	3
1 Образ офицера в отражении отечественной публицистики и периодической печати в условиях войны и мира	46
1.1 Трансформация представлений о профессии военного и социальное самочувствие офицерства во время Русско-японской войны.....	46
1.2 Общественная критика офицерства в контексте изменений российской государственности в 1905–1907 гг.	72
1.3 Попытки и способы восстановления статуса русского офицера в общественных представлениях накануне Первой мировой войны	90
2 Образ русского офицера в отечественной публицистике и периодической печати в условиях Первой мировой войны и революции 1917 г.....	104
2.1 Первая мировая война и русский офицер в представлениях российского общества.....	104
2.2 Изменение общественных представлений об офицерах в прессе после свержения самодержавия	128
2.3 «Борьба дискурсов» за офицерский корпус в условиях кризиса власти: от офицера-контрреволюционера к офицеру-мученику	148
2.4 Корниловский мятеж: «Все офицеры, без исключения, взяты под подозрение только потому, что они офицеры...»	167
Заключение	190
Список использованных источников и литературы	195

Введение

Актуальность исследования. История Российской империи начала XX в. неразрывно связана с чередой внутренних и внешних конфликтов, решение которых во многом зависело от позиции офицерского корпуса. Отечественные публицисты и корреспонденты периодических изданий своевременно знакомили общественность с происходящими событиями и ролью в них российских офицеров. Особое внимание в публицистике в это время уделялось морально-нравственному состоянию офицерского корпуса, его службе и положению в обществе. Публицистические работы не только освещали актуальные вопросы жизни и службы российского офицера, но и служили одним из источников формирования его образа. Прибегая к анализу публицистических работ и материалов периодической печати, можно проследить динамику изменений общественного мнения и представлений об офицерстве в дореволюционной России.

Воссоздание образа офицера в 1904–1917 гг. представляется актуальным еще и потому, что этот период является одним из самых трагичных в истории Российской империи и армии. Возрастание социально-политической напряженности и политизация всех сфер общественной жизни способствовали изменению не только положения и статуса русского офицера, но и его образа в сознании российской общественности. Без осмысления этих сюжетов невозможно в полной мере изучить, как складывался диалог между миром военных и миром штатских лиц в 1904–1917 гг.

Трансформационные процессы, характеризующие положение и состояние офицерского корпуса накануне 1917 г., имеют много схожих черт с процессами, происходящими в армии накануне и в период распада Советского Союза. Строительство Вооруженных сил Российской Федерации, как и столетие назад, проходит в условиях обострения военно-политической обстановки. Это актуализировало проблему изучения и применения механизмов формирования положительного образа офицера в современном российском публичном

пространстве, особенно после осложнения внешнеполитической ситуации. В настоящее время обращение в отечественной публицистике к характеристике офицерства также является одним из важных направлений, которое характеризует взаимоотношения армии и общества. Современными публицистами также поднимаются и осмысливаются сильные и слабые стороны корпорации офицеров, рассматриваются их традиции, взаимоотношения с представителями других социальных групп. Поэтому обращение к опыту публицистики 1904–1917 гг. является актуальным.

В настоящее время среди историков заметно возрос интерес к военно-исторической проблематике, прежде всего, к всестороннему изучению социокультурного облика, традиций и взаимоотношений военных и общества. И это не случайно, поскольку проблема диалога между армией и обществом всегда была актуальной для России. История русской армии, история общественной мысли невозможна без воссоздания образа российского офицера в отечественной публицистике и периодической печати 1904–1917 гг. Без освещения этой проблемы невозможно раскрыть в полной мере особенности и характеристики офицерства как отдельной социальной группы, а также оценить его роль в революционных событиях 1917 г.

Степень изученности темы. Воссоздание образа офицера в отечественной публицистике и периодической печати предопределило обращение в настоящей работе к исследовательской литературе из смежных направлений. Историографический обзор исследования состоит из двух тематических блоков. В первом блоке содержатся работы по истории офицерского корпуса. Второй раздел посвящен анализу исследований по истории отечественной публицистики и периодической печати.

По изучению истории офицерского корпуса в отечественной литературе накоплен немалый материал. Историографию данной проблемы можно условно разделить на три периода: первый – начало 1920-х гг.–первая половина 1930-х гг.; второй – конец 1930-х гг.–конец 1980-х гг.; третий – начало 1990-х гг.–по

настоящее время. Критерием для выделения настоящей периодизации является изменение подходов к изучению истории офицерского корпуса.

Научный этап осмысления данной проблемы начался после окончания Гражданской войны в России. Политический кризис начала XX в., свержение самодержавия, установление власти советов, эмиграция значительной части военачальников старой армии – все эти события повлияли на изучение военного сословия и на изложение его истории. Марксистская теория предопределила вектор развития отечественной науки и создала специфические условия для научных изысканий исторического сообщества. Так, изучение жизни и традиций офицерского корпуса длительное время не являлось объектом специальных исследований. Историки затрагивали сюжеты, связанные с офицерством лишь в общих чертах при рассмотрении истории солдатских масс, либо при изучении взаимодействия офицеров российской армии и большевиков. В начале 1920-х–первой половине 1930-х гг. преобладали негативные оценки российского офицерства. Так, И. Коган в работе «Карательные экспедиции 1905–1906 годов»¹ в представителях офицерского корпуса видел главных защитников самодержавия, карателей и усмирителей Первой русской революции 1905–1907 гг.

В 1924 г. вышла работа В. Владимировой «Контрреволюция в 1917 г. (корниловщина)»², главными источниками которой выступили архивные материалы и воспоминания видных военных и политических деятелей. В соответствии с уже наметившейся линией в историографии исследователь рассмотрела действия генерала Л.Г. Корнилова. Первостепенное внимание отводилось изучению роли партии большевиков в спасении русской революции. Не касаясь изучения общественных настроений в целом в указанный период, автор приходит к выводу, что «все буржуазные партии, начиная с кадетов и кончая Пуришкевичем, единодушно выступали на заседаниях временного комитета Государственной думы, требуя “твердой и сильной власти”»³. Характеризуя подготовку контрреволюционного заговора, автор отмечала, что

---

¹ Коган И. Карательные экспедиции 1905–1906 годов. М., 1925. 24 с.

² Владимирова В. Контрреволюция в 1917 г. (корниловщина). М., 1924. 224 с.

³ Там же. С. 71.

«Москва была наводнена листками, где давались различные биографические данные о генерале Корнилове, и читатели приглашались “спешить на помощь” своему “вождю”»⁴. В. Владимирова, оценивая действия Л.Г. Корнилова, офицерства и военных обществ, считала, что они являлись «оружием всей контрреволюционной буржуазии»⁵, но при этом «вели преступную игру с солдатскими жизнями на Юго-Западном фронте в начале июля»⁶.

В данный период в среде историков велось активное выявление и обсуждение причин разложения армии. Н.Е. Какурин в своей работе⁷, источниковую базу которой составили делопроизводственные документы, приходит к выводу, что на процесс разложения, прежде всего, повлияли «бесконечная усталость, непрерывные поражения, постоянный недостаток снабжения, все возрастающая очевидность бессмысленности войны для русского крестьянина-солдата, рост ненависти солдат к офицеру, воплотившему в себе господство феодально-помещичьего режима над крестьянством»⁸. Корниловское выступление автор трактует как генеральский заговор. По мнению Н.Е. Какурина, с помощью периодической печати «Корнилов, излюбленный герой буржуазии, из авантюриста, губивших десятки тысяч людей на фронте, был подрисован буржуазией под национального героя»⁹.

В 1920-е гг. вышли работы¹⁰ историка, русского и советского генерала Е.И. Мартынова, которые вошли в сборник его избранных трудов¹¹ и переизданы в 2003 г. Анализируя состояние русской армии накануне февральской революции, Е.И. Мартынов указал, что на процессы в войсках помимо материальных затруднений огромное влияние оказывали и морально-психологические причины. В частности, недоверие к высшему командному составу, не умеющему управлять войсками. Он считал, что даже несмотря на существующее отчуждение между

---

⁴ Владимирова В. Контрреволюция в 1917 г.... С. 79.

⁵ Там же. С. 99.

⁶ Там же. С. 101.

⁷ Какурин Н.Е. Разложение армии в 1917 г. М., 1925. 210 с.

⁸ Там же. С. 4.

⁹ Там же. С. 6.

¹⁰ Мартынов Е.И. Корнилов (Попытка военного переворота). Л., 1927. 161с.; Мартынов Е.И. Царская армия в Февральском перевороте. Л., 1927. 212 с.

¹¹ Мартынов Е.И. Политика и стратегия. М., 2003. 449 с.

офицерами и солдатами, в первое время после свержения самодержавия офицеры и солдаты могли действовать сообща. Е.И. Мартынов также подробно остановился на анализе пути возвышения генерала Л.Г. Корнилова.

В частности, в коллективной работе «Царская армия в годы империалистической войны», вышедшей в свет в 1929 г., при изучении царской армии в целом А.В. Петров и М.И. Ахун остановились лишь на рассмотрении положения солдат. При этом авторы неоднократно сопровождали свой рассказ примерами жестокого обращения офицеров с солдатами. Представители офицерского корпуса олицетворялись с реакционной группой, противодействующей революции. По мнению исследователей, офицерский корпус комплектовался только из господствующих классов, а дисциплина в армии базировалась на произволе начальства¹². Свое исследование авторы строили на разнообразных источниках, в том числе и на материалах периодической печати. При анализе периодики исследователи неоднократно подчеркивали, что на основании периодической печати невозможно в полной мере реконструировать историческую реальность, поскольку в прессе многие армейские проблемы целенаправленно замалчивались¹³.

Таким образом, в рамках первого этапа изучения темы наблюдалось несколько тенденций. Во-первых, в это время появилось незначительное количество работ, посвященных изучению офицерского корпуса. Исследователи, главным образом, сосредотачивали свое внимание на роли офицерского корпуса в революционных событиях, сюжеты же более раннего периода оставались вне поля зрения ученых. Во-вторых, исследователи обращали внимание на то, что разложение армии накануне революции 1917 г. во многом было обусловлено поведением командного состава. В-третьих, в 1920-е гг. существовала еще относительная свобода в историописании, что подтверждается изучением и знакомством с белоэмигрантскими сочинениями и воспоминаниями.

---

¹² Ахун М.И. Петров В.А. Царская армия в годы империалистической войны. М., 1929. С. 5.

¹³ Там же. С. 13.

В середине 1930-х гг. под влиянием сложившейся общественно-политической ситуации, а также в связи с репрессиями командиров Красной Армии и историков, занимающихся изучением корпорации военных, не появлялось исследований, посвященных офицерству императорской армии. Лишь с изменением внешнеполитической обстановки в конце 1930-х гг. наметились новые тенденции в изучении офицерского корпуса. Стали выходить работы, где в той или иной степени присутствовали положительные оценки деятельности некоторых офицеров в дореволюционный период. Свою роль сыграло и введение в сентябре 1935 г. персональных воинских званий таких, как лейтенант, полковник, маршал. Данное событие неоднозначно было воспринято командирами Красной Армии. Тем не менее, необходимость укрепления патриотизма и морального духа жителей страны, воспитания командного состава в лучших традициях дореволюционной эпохи способствовала появлению первых изменений в историографической ситуации. Ухудшение взаимоотношений с японским правительством и его агрессивной политикой на Дальнем Востоке стимулировало появление работ¹⁴, посвященных изучению Русско-японской войны. Е.М. Ярославский главный акцент в работе сделал на изучении отношения большевиков к военному конфликту, на анализе их агитационной работы в 1904–1905 гг. Тем не менее, Е.М. Ярославский представил матросов и солдат, а также адмирала С.О. Макарова героями войны.

С началом Великой Отечественной войны внимание исследователей было направлено на изучение истории офицерского корпуса дореволюционной эпохи. Появились работы, в которых историки обращались к изучению традиций, мировоззрения, ценностей, героических подвигов офицеров императорской армии. Введение в 1943 г. погон в качестве знаков различия в Красной Армии и Военно-Морском Флоте, учреждение многих наград символизировало собой физическое появление офицерского корпуса, что только усилило наметившиеся тенденции. Однако, в это время положительные оценки получили лишь немногие

---

¹⁴ Левицкий Н.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. [Электронный ресурс]: М., 1938. URL: http://militera.lib.ru/h/levicky_na/index.html (дата обращения 16.07.2018).; Ярославский Е.М. Русско-японская война и отношение к ней большевиков. М.; Л., 1939. 46 с.

военачальники старой армии. Среди них, как правило, были те, кто принял власть большевиков. Так, в 1943 г. была опубликована работа В.В. Мавродина «Брусилов»¹⁵. В этом труде автор изображал генерала А.А. Брусилова, как «талантливого, образованного, решительного и энергичного полководца»¹⁶, других офицеров императорской армии он характеризовал как «прогерманских генералов и чиновников»¹⁷. Свои труды изучению традиций офицерского корпуса в это время посвятили М.В. Нечкина, П. Чикин, А.Ю. Кривицкий и др. исследователи¹⁸. Главная цель указанных научных работ заключалась в поднятии боевого духа армии во время Великой Отечественной войны. В связи с этим в данных исследованиях произошел возврат к осмыслению понятий воинской чести и долга, говорилось о значении дисциплины в армии и важном назначении офицера. Данные труды стали основой для дальнейшего научного изучения истории дореволюционного офицерского корпуса.

Относительная либерализация общественно-политической жизни после XX съезда партии и научные дискуссии середины 1950-х гг. способствовали дальнейшему изучению офицерского корпуса. Исследователями был собран и проанализирован значительный объем статистических данных, источников личного происхождения, военной периодики. Офицерский корпус конца XIX–начала XX вв. стал самостоятельным объектом научных изысканий.

Одной из ключевых работ, вышедших в свет в рамках данного периода, стал труд П.А. Зайончковского «Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–начала XX вв. 1881–1903»¹⁹. Данное исследование представляет собой первую обобщающую работу по изучению офицерского корпуса. Одним из главных источников указанной монографии стала гражданская и военная публицистика конца XIX–начала XX вв. Автор в своей работе обратил внимание на проблему обучения войск, которая являлась предметом дискуссий в военной среде в начале XX в. П.А. Зайончковский указал на неоднородность офицерского корпуса на

---

¹⁵ Мавродин В.В. Брусилов. М., 1943. 27 с.

¹⁶ Там же. С. 1.

¹⁷ Там же. С. 4.

¹⁸ Нечкина М.В. Исторические традиции русского военного героизма. М., 1942. 22 с.; Чикин П. Традиции русского офицера. Киев, 1944. 23 с.; Кривицкий А.Ю. Традиции русского офицерства. М., 1945. 105 с.

¹⁹ Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903. М., 1973. 351 с.

рубеже столетий. В статье «Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны»²⁰ были затронуты проблемы взаимоотношений офицерства, как с представителями других социальных групп, так и между родами войск. Автор обратил внимание на снижение популярности профессии офицера, а также проанализировал влияние периодической печати на реформы в армии после поражения в Русско-японской войне²¹. Автором предпринята одна из первых попыток выявить отношение российской общественности к офицерскому корпусу, однако, в силу существовавших историографических тенденций офицерский корпус был представлен как замкнутая каста.

В рамках данного этапа исследователями предпринимались попытки проанализировать изменения, произошедшие в офицерской среде за годы Первой мировой войны. В работе М.Э. Айрапетяна и П.Ф. Кабанова «Первая мировая империалистическая война 1914–1918 гг.»²² отсутствуют негативные оценки в отношении всего командного состава, победы же на фронтах мировой войны приписывались не только солдатам, а российской армии в целом. В работе «Вторая русская революция. Восстание в Петрограде»²³ З.Н. Бурджалов отмечал, что за годы Первой мировой войны произошла демократизация офицерского корпуса за счет пополнения его из мелкобуржуазных слоев населения. По мнению автора, именно это обеспечило проникновение в среду офицерства недовольства правительственным курсом. Автор также отмечал неоднородность во взглядах офицерского корпуса, что способствовало ослаблению царской армии. Тем не менее, в центре внимания исследователя по-прежнему остаются действия солдат, их выступления против офицерского состава во время революции 1917 г.

Со второй половины 1980-х гг. под влиянием изменений общественно-политической жизни страны происходит обновление и исторической науки. Доступ к архивным материалам, публикация воспоминаний эмигрировавших военачальников предопределили появление научных работ, посвященных

---

²⁰ Зайончковский П.А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны // П.А. Зайончковский (1904–1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 24–69.

²¹ Там же. С. 26.

²² Айрапетян М.Э., Кабанов П.Ф. Первая мировая империалистическая война 1914–1918 гг. М., 1964. 207 с.

²³ Бурджалов З.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. 407 с.

изучению различных аспектов жизни и службы офицеров дореволюционной армии.

В работах А.А. Буравченкова²⁴ и А.Г. Кавтарадзе²⁵ при изучении революции 1917 г. акцент с исследования солдатских масс смещается в сторону офицерского корпуса российской армии. Авторами предприняты попытки проанализировать причины перехода офицеров на сторону революции. В 1989 г. была опубликована работа²⁶ Г.З. Иоффе, посвященная анализу событий в России накануне и в период революции 1917 г. Рассматривая предпосылки появления Белого движения и истоки Гражданской войны, исследователь сосредоточил свое внимание на изучении личности и действий Л.Г. Корнилова. Г.З. Иоффе удалось представить достаточно объективный портрет генерала, однако, историк рассматривал корниловщину, как открытую попытку контрреволюции 1917 г. Использование идеологических догм вызвало критику со стороны представителей исторического сообщества²⁷.

Таким образом, в рамках второго этапа исследований были заложены основные направления изучения истории российского офицерства. Исследователями был собран и проанализирован значительный объем исторических источников, посвященных разным аспектам жизни и службы российских офицеров. Одним из главных достижений данного периода является тот факт, что офицерский корпус конца XIX–начала XX вв. становится объектом специальных научных изысканий. Однако, исследования указанного периода во многом носили описательный характер, по-прежнему сохранялись некоторые идеологические установки при освещении истории российского офицерства.

В начале 1990-х гг. начался новый этап осмысления истории офицерского корпуса. Переосмысление исторического прошлого страны и ее армии продолжается до сих пор. Окончание Холодной войны способствовало

---

²⁴ Буравченко А.А. В ногу с революцией. Киев, 1988. 141 с.; Буравченков А.А. Роль демократического офицерства в революции. Киев, 1990. 250 с.

²⁵ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов (1917–1920 гг.). М., 1988. 276 с.

²⁶ Иоффе Г. З. «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989. 291 с.

²⁷ Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю. Белое дело: идеология, основы, режимы власти. М., 1998. С. 207–209.

проникновению и развитию в отечественной науке подходов и методов, распространенных в западном научном сообществе.

Помимо того, отказ российских исследователей от идеологических установок при изучении прошлого страны также способствовал поиску новых методологических ориентиров. В частности, Е.С. Сенявской²⁸ была предпринята попытка с помощью военной психологии и антропологии рассмотреть поведение военных и мирных граждан в условиях Первой мировой войны. Смена исследовательских парадигм и расширение источниковой базы привели к существенному расширению исследовательского поля, к переосмыслению некоторых вопросов, объективному анализу событий.

Для современного периода развития историографии характерно появление работ, направленных на всестороннее изучение офицерского корпуса. В 1990-е г. были опубликованы работы²⁹ С.В. Волкова, в которых был рассмотрен широкий спектр сюжетов, связанных с жизнью императорской армии от ее зарождения до краха. Особое внимание С.В. Волков уделил изучению системы прохождения службы, вопросам профессиональной подготовки, особенностям быта и материального положения офицеров. Отдельная глава была посвящена общекультурному уровню офицерства, его моральному облику и традициям патриотического воспитания. Автор при создании своего исследования опирался на обширный корпус источников, в том числе и на публицистические работы конца XIX–начала XX вв. Но целью историка не являлось изучение влияния и роли отечественных публицистических статей на восприятие офицеров в российском обществе.

И.Н. Гребенкин рассмотрел основные проявления политической активности офицерства в период революции 1905–1907 гг., проанализировал традиции, политические ориентиры российского офицерства. И.Н. Гребенкин затронул направления критической кампании против армии на страницах периодики,

---

²⁸ Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. 383 с.

²⁹ Волков С.В. Русский офицерский корпус. [Электронный ресурс]. М., 1993. 368 с. URL: http://militera.lib.ru/h/volkov_sv1/index.html (дата обращения: 26.05.2016).; Волков С. В. Статус офицера в русском обществе XVIII–XX вв. // Ориентир. 1996. № 2. С. 64–66.; Волков С.В. Русское офицерство как историко-культурный феномен // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 165–181.

указал на активное участие офицеров в полемике³⁰. В монографии «Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918»³¹ представлены как новые сведения, так и обобщения автора по истории офицерского корпуса. В своей монографии И.Н. Гребенкин частично обратился к воссозданию образа офицера в сознании различных социальных групп. В историческом сообществе данная работа была высоко оценена³².

В работе В.Л. Кожевина «Российское офицерство и Февральский революционный взрыв»³³ были проанализированы ключевые аспекты истории российского офицерства накануне и в начальный период революции 1917 г. Значительное внимание было уделено рассмотрению внутрикорпоративного взаимодействия, взаимоотношений офицерства с другими социальными группами, преимущественно с интеллигенцией, а также взаимоотношений в армейской семье. На основе анализа сочинений военных публицистов исследователем были выделены различные модели социального взаимодействия командиров и подчиненных. В.Л. Кожевин, характеризуя критическую кампанию в прессе против офицерства, в отличие от И.Н. Гребенкина, обратил внимание на существование феномена гипертрофированного критицизма по отношению к офицерам со стороны гражданской общественности. В.Л. Кожевин в статье «Публицистические выступления интеллигенции в защиту русского офицерства. Год 1917-й»³⁴ проанализировал публицистические выступления интеллигенции в защиту русского офицерства после свержения самодержавия.

Изучению истории офицерского корпуса в 1900–1917 гг. свои работы³⁵ посвятил В.Н. Суряев. Он отмечал в качестве особенности внутреннего положения России в начале XX в. революционизирование всех сфер

---

³⁰ Гребенкин И.Н. Российское офицерство и политическая жизнь России в начале XX в. // Вестник ТГУ. Вып. 3 (71). 2009. С. 221.

³¹ Гребенкин И.Н. Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918. М., 2015. 528 с.

³² Гагкуев Р.Г. Русское офицерство в эпоху революции и Гражданской войны // Военно-исторический журнал. 2016. № 4. С. 69–70.

³³ Кожевин В.Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв. Омск, 2011. 260 с.

³⁴ Кожевин В.Л. Публицистические выступления интеллигенции в защиту русского офицерства. Год 1917-й // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 2 (18). С. 148–152.

³⁵ Суряев В.Н. Офицеры русской императорской армии. 1900–1917. М., 2012. 272 с.; Суряев В.Н. О служебных взаимоотношениях офицеров и солдат Русской императорской армии в начале XX века // Вестник Пермского университета. Сер. История. Пермь. 2015. № 2 (29). С. 123–130.

общественной жизни. По его мнению, для свержения самодержавия была развернута активная работа по дискредитации офицерского корпуса, одним из направлений которой стала пропаганда с целью формирования негативного образа русского офицера. Автор отстаивает точку зрения, что офицерский корпус в значительной степени оставался верным монархическому правительству.

В рамках современного этапа наряду с фундаментальными работами, охватывающими значительный промежуток времени, появляются исследования по истории офицерского корпуса в период отдельных войн и событий. Изучению российских офицеров в период Русско-японской войны посвятили свои работы А.В. Гущин³⁶, И.В. Варзаков³⁷ и др. А.В. Гущин поставил вопрос о влиянии конфликтов в армейской семье на ход и результат боевых действий. И.В. Варзаков считал, что причинами поражения в Русско-японской войне стала «порочность системы комплектования офицерского корпуса, система образования офицеров и чиновничества наряду с непопулярностью войны, отсутствием у личного состава армии должной мотивации»³⁸. Исследователь отмечал, что после поражения в Русско-японской войне престиж офицерской службы еще более понизился³⁹. Ю.В. Куперт и А.В. Луценко остановились на анализе общественных представлений в период Русско-японской войны. Они пришли к выводу, «что мировоззренческие трансформации русского общества, порожденные событиями 1904–1905 гг., во многом определили дальнейшее развитие национальной идеологии в ее официальном и оппозиционном направлениях. Это касалось оценок войны, армии и государственной власти, которые наиболее точно характеризуют изменения в общественном сознании и мышлении российской интеллектуальной элиты»⁴⁰.

---

³⁶ Гущин А.В. Русская армия в войне 1904–1905 гг.: историко-антропологическое исследование влияния взаимоотношений военнослужащих на ход боевых действий. СПб., 2014. 256 с.

³⁷ Варзаков И.В. Проблемы подготовки офицерского корпуса российской армии перед русско-японской войной // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 1 (13). С. 5–7.

³⁸ Там же. С. 7.

³⁹ Симонов Д.Г. Социальная мобильность офицерского корпуса русской армии во время Первой мировой войны // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2015. № 3. С. 107.

⁴⁰ Куперт Ю.В., Луценко А.В. Роль общественного сознания в Русско-японской войне // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 1 (39). С. 15–28.

Приближение к столетнему юбилею начала Первой мировой войны стимулировало появление работ, в которых исследователи стремились воссоздать различные сюжеты о «забытой» войне⁴¹. Историками была предпринята попытка оценить влияние Первой мировой войны на состояние армии и офицерского корпуса, определить роль последнего в революционных событиях. В частности, к изучению трансформаций офицерства в период Первой мировой войны обратились в своих работах О.Р. Айрапетов⁴², П.Г. Култышев⁴³, Д.Г. Симонов⁴⁴, Г.Н. Гришин⁴⁵, М.В. Загоруйко⁴⁶, В.В. Поликарпов⁴⁷ и др. Отличительной особенностью данных работ являлся плюрализм мнений и разнообразие изучаемых сюжетов из истории офицерского корпуса в период войны. П.Г. Култышев свою работу посвятил изучению морального состояния молодых офицеров во время мирового конфликта. Автор пришел к выводу, что «эйфория первых дней мобилизации захлестнула молодых офицеров, породив и в сознании, и в поведении несерьезное, ребяческое отношение к войне»⁴⁸. Д.Г. Симонов считал, что с началом войны были созданы условия для продвижения способных офицеров, что привело к изменению их общественного положения⁴⁹.

Постановка указанных проблем привела к появлению дискуссий в научном сообществе⁵⁰. О.Р. Айрапетов приходит к выводу, что армия за годы войны превратилась в самостоятельную политическую силу, а отсутствие понимания

⁴¹ Первая мировая война 1914–1918 годов. В 6 т. / В. А. Золотарев. М., 2014–2017.

⁴² Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию. 1907–1917. М., 2003. 256 с.; Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 1. 1914 год. Начало. М., 2014. 335 с.

⁴³ Култышев П.Г. Военная эйфория и чувство тревоги в сознании и поведении офицеров русской армии летом-осенью 1914 года // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2018. Т. 28. № 1. – С. 33–39.

⁴⁴ Симонов Д.Г. Социальная мобильность офицерского корпуса русской армии во время Первой мировой войны // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2015. № 3. С. 103–117.

⁴⁵ Гришин Г.Н. Изменения социального состава офицерского корпуса русской императорской армии в ходе Первой мировой войны 1914–1918 годов // Международная жизнь. 2014. № 14. С. 168–176.

⁴⁶ Аракелов М.П., Загоруйко М.В. Влияние событий мировой войны и Февраля 1917 г. на формирование российского офицерского корпуса // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2011. № 2. С. 87–101.

⁴⁷ Поликарпов В.В. От Цусимы к февралю: царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008. 552 с.

⁴⁸ Култышев П.Г. Военная эйфория и чувство тревоги... // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2018. Т. 28. № 1. С. 35.

⁴⁹ Симонов Д.Г. Социальная мобильность офицерского корпуса... // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2015. № 3. – С. 103–117.

⁵⁰ Суржик Д.В. События 1917 г. В современной российской общественно-исторической ситуации // Исторический формат. 2017. № 3–4. С. 298.

целей войны привело к отчуждению офицерства от монарха⁵¹. Такие выводы способствовали формированию среди историков представлений о том, что февральские события стали возможными благодаря поддержке русского генералитета⁵². Ряд исследователей отстаивали точку зрения, что армия и офицерский корпус, включившись в политическую борьбу, раскололись на противоборствующие группы⁵³.

Усиление интереса со стороны исследователей к военно-исторической проблематике способствовало появлению работ по истории офицерского корпуса, основанных на региональных материалах. В частности, в серии работ О.В. Гефнер была проанализирована критическая кампания в прессе против офицерского корпуса и предпринята попытка воссоздать образ армии по материалам западно-сибирской печати⁵⁴.

Приближение 100-летнего юбилея революции 1917 г. и Гражданской войны стимулировало появление многочисленного числа работ, посвященных офицерскому корпусу накануне и в период революционных потрясений 1917 г. С.А. Поляков⁵⁵, Н.Ю. Бринюк⁵⁶, В.Ю. Закиров⁵⁷ рассмотрели офицерский корпус русской армии как социальную группу и профессиональное сообщество в условиях социально-политического кризиса. Авторы исследуют процессы трансформации социального состава, ценностно-мировоззренческих оснований офицерского корпуса. Исследователями был выделен ряд причин данных изменений, произошедших в офицерской корпорации. С.А. Поляков усматривает

---

⁵¹ Айрапетов О.Р. Участие Российской империи... С. 14–15.

⁵² Мультатули П.В. Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. [Электронный ресурс]: СПб., 2002. URL: <http://militera.lib.ru/research/multatuli/index.html> (дата обращения 16.07.2018).; Кузнецов Д.А. Участие высшего командного состава русской армии в заговоре против Николая II // Гуманитарные проблемы военного дела. 2017. № 1 (10). С. 41–45.

⁵³ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М., 2015. 720 с.

⁵⁴ Гефнер О.В. Социальный статус офицерства русской армии в конце XIX–начале XX вв.: локальный подход // Омский научный вестник. 2012. № 3 (109). С. 15–18.; Гефнер О.В. «Образ армии в периодической печати Западной Сибири (конец XIX–начало XX вв.) // Вестник Ом. ун-та. 2011. № 3. С. 76–80.

⁵⁵ Поляков С.А. Роль императорской гвардии в февральской революции 1917 г. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 4 (54). С. 86–90.

⁵⁶ Бринюк Н.Ю. Офицеры и революция: гражданская позиция российского офицерства в 1917 г. По архивным материалам // Вестник архивиста. 2015. № 1. С. 193–207.

⁵⁷ Закиров В.Ю. Социально-мировоззренческая трансформация офицерского корпуса русской армии в период I мировой войны и Гражданской войн (1914–1920 гг.) // Гуманитарные проблемы военного дела. 2015. № 4 (5). С. 14–17.

одну из причин «в изменениях основ и ценностей самого общества»⁵⁸. Н.Ю. Бринюк же большое значение придает действиям А.И. Гучкова на посту военного министра. В.Ю. Закиров высказывает важную мысль о том, что к общему негативному состоянию офицерского корпуса после Февраля добавились признаки утраты внутреннего единства⁵⁹. Г.М. Ипполитов, рассматривая процесс разложения русской армии в 1917 г., отметил большую роль антиофицерской пропаганды⁶⁰.

Одним из приоритетных направлений в современных исследованиях является изучение взаимодействия офицерского корпуса и общества накануне и в период революции 1917 г. В.П. Федюк приходит к выводу, что «уже с первых дней после крушения монархии повсеместно начался поиск врагов революции»⁶¹. К потенциальным врагам революции было причислено и офицерство. Наряду с изучением офицерского корпуса в целом исследователи обращаются к изучению отдельных офицеров, воссозданию их биографий⁶².

Таким образом, в рамках данного этапа появилось значительное число работ, посвященных изучению офицерского корпуса. Достижения социальной и культурной истории привели к расширению проблемного поля исследований. Внимание историков концентрируется преимущественно на изучении морально-психологических факторов, оказывающих влияние на поведение офицеров российской армии.

---

⁵⁸ Поляков С.А. Роль императорской гвардии... С. 86.

⁵⁹ Закиров В.Ю. Социально-мировоззренческая трансформация офицерского корпуса... С. 15.

⁶⁰ Ипполитов Г.М. Гибель русской армии в 1917 году и офицерство // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2017. № 11. С. 117.

⁶¹ Федюк В.П. Российский обыватель в 1917 г.: от революционной эйфории к ненависти // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 6. С. 387.

⁶² Катков Г. М. Дело Корнилова. М., 2002. 240 с.; Цветков В.Ж. Лавр Георгиевич Корнилов // Вопросы истории. 2006. № 1. С. 55–84; Ушаков А. И., Федюк В.П. Лавр Корнилов. М., 2006. 398 с.; Антонов-Овсеенко А.А. Выступление Л.Г. Корнилова в августе 1917 года на страницах газет и в мемуарах участников событий // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2014. № 1. С. 151–156.; Калашников В.В. Корниловский мятеж // Альтернативы. 2017. № 3. С. 124–138.; Кужилин С.Ф. Корниловское выступление 25 августа–2 сентября 1917 г. // Память о прошлом – 2017: Материалы и доклады VI историко-архивного форума, посвященного 100-летию революции 1917 г. в России. Составители О.Н. Солдатова, Г.С. Пашковская (Самара, 18–20 апреля 2017 г.), 2017. С. 200–205.; Гагкуев Р.Г. Бердичевские узники: арест генерала А.И. Деникина и офицеров штаба Юго-Западного фронта в дни корниловского выступления (август–сентябрь 1917 г.) // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 2. С. 313–339.; Ларьков Н.С. Генерал Анатолий Пепеляев: начало военной карьеры // Вестник ТГУ. 2014. № 385. С. 106–112.; Ларьков Н.С. Сибирский белый генерал. Томск, 2017. 312 с.

Изучение истории офицерского корпуса осуществлялось и за пределами России. Внимание зарубежных исследователей преимущественно было сосредоточено на изучении сюжетов, связанных с революционным процессом 1917 г. и Первой мировой войной. В 1920-е гг. на Западе также начался процесс осмысления произошедших событий в России. Основную массу зарубежных исследований этого периода составляли труды эмигрировавших из России военных⁶³, политических⁶⁴ и научных⁶⁵ деятелей. Эти работы представляют собой первые попытки научного осмысления истории российского офицерства в период Первой мировой войны и революции 1917 г. за рубежом. Несмотря на то, что многие работы создавались именно как воспоминания⁶⁶, они содержали в себе богатый фактический материал, основанный на военной делопроизводственной документации.

Первое поколение историков мирового конфликта, прежде всего, интересовало воссоздание политической истории и дипломатических отношений. Это привело к тому, что первоначально историей конфликта занимались лишь немногочисленные профессиональные исследователи. Определенный интерес представляет работа Э. Халеви⁶⁷. Автор отмечал, что поражение России в Русско-японской войне оказало на нее отравляющее действие. Оценивая состояние российского государства накануне мирового конфликта, исследователь был убежден, что оно состоит на пороге революции.

В 1960-е–1970-е гг. значительно расширился доступ к архивам, появилось новое поколение историков, что предопределило повышение внимания к истории мирового конфликта. Р. Фелдман⁶⁸ рассмотрел положение Генерального штаба после февральской революции, а также его усилия при подготовке к июньскому

---

⁶³ Головин Н.Н. Мысли об устройстве будущей Российской Вооруженной силы. Общие основания. Белград, 1939. 80 с.; Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. В 2 т. М., 2011. 1272 с.

⁶⁴ Милюков П.Н. История второй русской революции. Т. 1. Борьба буржуазной и социалистической революции. Вып. 1. Противоречия революции. Киев, 1919. 171 с.

⁶⁵ Керсновский А.А. История русской армии. В 4 т. Т. 4: 1915–1917 гг. М., 1994. 368 с.

⁶⁶ См. например: Деникин А.И. Очерки русской смуты. Кн.1. Т.1. Крушение власти и армии (февраль–сентябрь 1917). М., 2015. 592 с.

⁶⁷ Halévy E. The world crisis of 1914–1918, an interpretation. Oxford, 1930. 57 p.

⁶⁸ Feldman R.S. The Russian general staff and the June 1917 offensive // Soviet Studies. 1968. Vol. 19. № 4. P. 526–543.

наступлению. Работа Н. Стоуна⁶⁹ представляет собой одно из первых авторитетных исследований по истории Первой мировой войны, опубликованных на Западе. Автор обратился к детальному анализу экономического состояния России накануне и в период военных действий. Автором также предпринята попытка проанализировать действия российской армии с учетом ее демографических и социальных особенностей. Среди работ, посвященных истории Великой войны, стоит отметить работы⁷⁰ А. Уайлдмена, опубликованные в 1980-е гг. Автором было проанализировано влияние Первой мировой войны на разложение армии. Также автор обратился к воссозданию представлений офицерства о революции 1917 г.

Крах коммунистических режимов, падение железного занавеса стимулировали появление новых работ, в центре внимания которых было рассмотрение социального и культурного аспектов Первой мировой войны и революции 1917 г. Стоит отметить, работу⁷¹ Д. Кигана, впервые опубликованную в 1998 г. в Нью-Йорке. Автор, рассматривая положение на Восточном фронте, негативно характеризовал систему назначений офицеров российской армии. Он отмечал, что, как правило, назначение офицеров осуществлялось на основе распоряжений высшего начальства, без учета профессиональных характеристик офицеров. По его мнению, молодые офицеры имели слабые представления об обязанностях армейских начальников. Д. Киган отмечал, что в русском офицерском корпусе существовала некая рознь между родами офицеров, а также между командирами и подчиненными, многие из которых видели в офицеров помещиков.

В 1990-х гг. на русский язык была переведена работа американского историка П. Кенеза «Идеология белого движения»⁷². Автор для реконструкции представлений офицерства императорской армии обращался к публицистике

---

⁶⁹ Stone N. The Eastern Front 1914–1917. London, 1975. 351 p.

⁷⁰ Wildman A.K. The End of the Russian Imperial Army: The Old Army and the Soldier's Revolt (March–April 1917). Princeton, 1980. 434 p.; Wildman A.K. The end of the Russian Imperial Army: The Road to the Soviet Power and Peas. II Princeton, 1987. 434 p.

⁷¹ Киган Д. Первая мировая. [Электронный ресурс]: М., 2004. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1047214> (дата обращения 22.12.2018).

⁷² Кенез П. Идеология Белого движения // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 97.

начала XX в. Исследователь, используя лишь одну публицистическую работу делал вывод о том, что между офицерством и образованными слоями общества стояла непреодолимая стена отчуждения. Также на основании анализа одной публицистической статьи, принадлежащей перу военного, он утверждал, что офицеры главными виновниками поражения в Русско-японской войне усматривали интеллигенцию с ее антивоенными настроениями. При относительной распространенности данной точки зрения в среде офицерства скорее преобладало чувство собственной вины за поражение.

Р. Пайпс в своем исследовании⁷³ по революции 1917 г., отмечал, что накануне Первой мировой войны в среде офицерства была произведена чистка, наблюдалась постоянная нехватка младших офицеров. Американский историк-русист пришел к выводу, что лояльность армии к старому режиму была подорвана тем, что на место кадровым офицерам пришли гражданские новобранцы, не имеющие авторитета среди солдат. Р. Пайпс, описывая февральские события, указывал на избиения, убийства и ненависть по отношению к офицерам со стороны солдатской массы. Исследование британского историка Д. Хоскинга⁷⁴ посвящено изучению многовекового строительства Российской империи. В последней главе автор подробно остановился на анализе внутренней и внешней политики России в начале XX в. Автор пришел к выводу, что после революции 1905–1907 гг. произошел значительный шаг вперед в развитии свободы периодических изданий. Рассуждая о февральских событиях, историк обратил внимание на влияние приказа № 1 на взаимоотношения между офицерами и солдатами. В работах Д. Лонгли⁷⁵, Б. Тейлора⁷⁶ и Д. Стоуна⁷⁷ были рассмотрены некоторые аспекты взаимоотношений офицеров и солдат, а также направления взаимодействия офицерства и политической власти. В работах М.

---

⁷³ Пайпс Р. Русская революция. Кн. 1. Агония старого режима. 1905–1917. М., 2005. 480 с.

⁷⁴ Хоскинг Дж. Россия: народ и империя. 1552–1917. Смоленск, 2001. 512 с.

⁷⁵ Longley D.A. Officers and men. A study of the development of political attitudes among the sailors of the Baltic Fleet in 1917 // Soviet studies. 1973. Vol. XXV. № 1. P. 28–50.

⁷⁶ Taylor B.D. Politics and the Russian Army. Civil-Military Relations, 1689–2000. Cambridge, 2003. 374 p.

⁷⁷ Stone D.R. The Russian Army in the Great War. Lawrence, 2015. 359 p.

Рендли⁷⁸ было проанализировано положение элитных групп царской России после свержения самодержавия. Автор оценивал создание Союза офицеров армии и флота в качестве решающего фактора в мобилизации умеренных и консервативных сил против дальнейших реформ.

В 2017 г. была опубликована книга⁷⁹ бывшего посла Великобритании в России Т. Brentона, в которой были собраны эссе разных исследователей по истории революции 1917 г. Работа состоит из 14 глав, в каждой из которых он рассмотрел историю Российской империи с начала XX в. до установления и закрепления власти большевиков. Монография базируется на анализе воспоминаний современников и на материалах периодической печати. Значительное внимание автор уделил событиям накануне революции 1917 г. и самой революции. Автор подробно рассмотрел историю корниловского мятежа, а также его последствия для России. Автор пришел к выводу, что противостояние Керенского и Корнилова, обвинение Корнилова в стремлении установить военную диктатуру предопределило победу большевиков и установление их власти.

Таким образом, в зарубежной историографии проблемы наметилось несколько тенденций. В частности, внимание исследователей сосредоточено на двух главных событиях – Первой мировой войне и революции 1917 г. Как правило, к изучению истории офицерского корпуса обращались в контексте других, более «глобальных исследований». Определенное влияние за рубежом на оценку состояния и положения офицерского корпуса оказали работы эмигрантов первой волны, покинувших Россию в период революции и Гражданской войны.

Истории отечественной публицистики и периодической печати 1904–1917 гг. также посвящено значительное число работ. На основе анализа исследовательских работ было выделено два этапа в историографии данного вопроса: первый – советский (1917–1991 гг.), второй – постсоветский (1992 г. – по настоящее время). В качестве критерия выделения данных периодов выступило

---

⁷⁸ Rendle M. The officer corps, professionalism, and democracy in the Russian revolution. *The Historical Journal*. Vol. 51. № 4 (2008). P. 921–942; Rendle M. Defenders of the Motherland: The Tsarist Elite in Revolutionary Russia // *The Russian Review*. 2010. Vol. 69. №. 4. P. 723–724.

⁷⁹ Brenton T. Was Revolution Inevitable? *Turning Points of the Russian Revolution*. Oxford University Press, 2017. 364 p.

изменение исследовательских целей и методов при изучении отечественной публицистики и материалов периодической печати.

В советский период исследований истории отечественной публицистики и периодической печати уделялось значительное внимание. Это было обусловлено усилением роли публицистики и журналистики в общественно-политической жизни страны, использованием в идеологической борьбе и пропаганде. Одной из значимых работ в указанный период времени стала книга М.К. Лемке⁸⁰. Автор подробно рассмотрел условия организации и работы периодической печати во время Первой мировой войны. Особый интерес представляет работа⁸¹ Н.М. Потапова, который рассматривал периодическую печать XX в. в качестве трибуны классовой борьбы и орудия организации масс. Исследователь проанализировал влияние периодики на российское общество накануне и в период Первой мировой войны. Он выделил три приема воздействия печати на массы: информацию, агитацию и пропаганду⁸². Автор пришел к выводу, что печать во время войны выполняла функцию создания настроений в армии и обществе.

В период оттепели научным сообществом ведется активная работа по сбору источниковой базы по различным периодам российской истории. Исследователями в этот период была проделана значительная работа по сбору, систематизации⁸³ и осмыслению исторических источников, посвященных анализу политических и социально-экономических процессов в Российской империи накануне революции 1917 г. Так, в 1957 г. была опубликована книга Л.Г. Бескровного «Очерки по источниковедению военной истории»⁸⁴. Указанный труд представлял собой одно из первых исследований, в рамках которого было рассмотрено развитие военной периодики конца XIX–начала XX вв. Автор в своей работе представил краткую характеристику таких периодических изданий, как «Военный сборник», «Морской сборник», «Педагогический сборник»,

---

⁸⁰ Лемке М. 250 дней в царской ставке (25 сент. 1915–2 июля 1916). Пг., 1920. 859 с.

⁸¹ Потапов Н.М. Печать и война. М.–Л., 1926. 82 с.

⁸² Там же. С. 66.

⁸³ Русская периодическая печать (1895–окт.1917): Справочник. М., 1957. 351 с.; Русская военная периодическая печать (1702–1916). Библиографический указатель. М., 1959. 243 с.

⁸⁴ Бескровный Л.Г. Очерки по источниковедению военной истории. М., 1957. 450 с.

«Русский инвалид». Впервые была предпринята попытка изучения военной печати, ее тематики как исторического источника. Л.Г. Бескровный в своей работе остановился на характеристике некоторых публицистических статей критического толка, вышедших из-под пера офицеров⁸⁵.

В 1960-е–1980-е гг. внимание исследователей было сосредоточено на изучении революционной печати, прежде всего большевистской⁸⁶. Менее изученными оставались сюжеты, связанные с цензурной политикой⁸⁷ и деятельностью органов печати других партий⁸⁸. Определенный интерес для нас представляет работа Б.И. Есина⁸⁹, в которой содержится краткая характеристика периодических изданий разной направленности.

Появление в годы перестройки обширного числа публицистических статей, направленных на осмысление сюжетов отечественной истории, способствовало изучению публицистики как исторического источника, как одного из каналов формирования и трансляции общественных представлений. Об увеличении интереса к данной проблематике свидетельствует значительное число защищенных диссертаций⁹⁰.

Таким образом, в рамках советского этапа был накоплен значительный материал по истории изучения отечественной публицистики и периодической печати. В силу установившейся марксистской исследовательской парадигмы преимущество отдавалось изучению большевистской печати.

В рамках постсоветского этапа историографии усиливаются те тенденции, которые были заложены в последние годы существования советской власти. В историческом сообществе происходит смена исследовательских парадигм. В результате чего на первое место выходят исследования по истории отдельных

---

⁸⁵ Бескровный Л.Г. Очерки по источниковедению военной истории... С. 431.

⁸⁶ Панченко В.С. Подпольная печать большевиков в борьбе за массы в годы нового революционного подъема (1910–1914). Ростов н/Д., 1974. 206 с.; Андронов С.А. Большевистская печать в трех русских революциях. М., 1978. 344 с.

⁸⁷ Бережной А.Ф. Царская цензура и борьба большевиков за свободу печати (1895–1914). Л., 1967. 288 с.

⁸⁸ Огороков А.З. Октябрь и крах буржуазной прессы. М., 1970. 404 с.

⁸⁹ Есин Б. И. Русская дореволюционная газета. 1702–1917 гг. Краткий очерк. М., 1971. 88 с.

⁹⁰ Яковлев М.Н. «Военный сборник» и его место в политике самодержавия по отношению к армии (1858–1905 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986.

социальных групп⁹¹, их представлений о различных событиях⁹². Решение этих исследовательских задач предопределило акцентирование внимания на изучении публицистики и периодической печати. В своих исследованиях по военно-исторической антропологии Е.С. Сенявская опиралась на широкий корпус источников, в том числе и публицистику. Она считает, что «публицистика не столько отражала реальную атмосферу в обществе и среди военнослужащих, сколько выполняла задачу формирования стереотипов массового сознания, которые выгодны в данный момент государственной власти»⁹³.

В рамках данного периода печать стала самостоятельным объектом многих научных исследований⁹⁴, а также ее стали рассматривать как один из главных источников в конструировании образов и общественных представлений об офицерстве и армии. Интерес представляет работа Д.В. Пирогова «Военная общественность и Военное министерство – на пути к сотрудничеству»⁹⁵. На основе анализа материалов «Военного сборника», «Русского инвалида», «Разведчика», «Офицерской жизни», «Братской помощи» автор пришел к выводу, что именно через военную периодику офицеры имели возможность высказать свое мнение относительно проводимых реформ в армии⁹⁶.

Изучению гражданской публицистики как исторического источника свои работы⁹⁷ посвятила Н.Н. Родигина. На основе анализа толстых ежемесячных

---

⁹¹ Лобачева Г.В. Крах монархического идеала в общественной психологии накануне февраля 1917 г. Саратов, 1993. 361 с.; Шелухаев В.В. Либералы и массы в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 31–38.

⁹² Архипов И. Л. Общественная психология петроградских обывателей в 1917 году // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 49–58.; Коробков Ю.Д. Между двуглавым орлом и красным знаменем. Общественное сознание российского общества в 1917 г.: Монография. Магнитогорск, 2000. 129 с.

⁹³ Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке... С. 17.

⁹⁴ Титко В.В. Прогрессивная печать России в военно-патриотическом воспитании воинов русской армии (1886–1917): дис. ... канд. ист. наук. Спб., 1995.; Белогуров С.Б. История военной периодической печати в России (XIX – начало XX вв.): дис. ... докт. ист. наук. М., 1997. Гужва Д.Г. Русская военная периодическая печать в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2007. № 12. С. 37–41.

⁹⁵ Пирогов Д.В. Военная общественность и Военное министерство – на пути к сотрудничеству // Вестник ПСТГУ. 2014. Вып. 5 (60). С. 61–69.

⁹⁶ Там же. С. 61.

⁹⁷ Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX–начала XX века. Новосибирск, 2006. 343 с.; Родигина Н.Н. Детям о революции: динамика образов и понятий «революционного» в журнале «Задуманное слово» начала XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24. № 3. С. 72–77.; Родигина Н.Н. Такие разные Сибирь: русская журнальная пресса второй половины XIX–начала XX века о сибирском Севере. // Пути России. Север – Юг: сб. трудов конференции Пути России. Север – Юг (Москва, 18–19 марта 2016 г.). СПб., 2017. С. 31–40.; Родигина Н.Н. «Героический сотник», «Женщина-герострат» и другие: образы путешественников из Сибири в столицу в еженедельных журналах второй половины XIX–начала XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22. № 1. С. 10–14.

журналов автор выделила разные уровни бытования образа Сибири: ментальный, социокультурный, идеологический, индивидуальный. В рамках настоящего исследования наибольший интерес представляет воссоздание Н.Н. Родигиной идеологического и индивидуального уровней, формирование которых происходит на основе материалов периодических изданий и отдельных публицистических статей⁹⁸.

В настоящее время исследователями предприняты попытки определить роль публицистики и материалов периодических изданий в процессе формирования и трансформации образов социальной реальности в период Первой мировой войны⁹⁹ и после свержения самодержавия¹⁰⁰. Е.Д. Борщукова рассмотрела публицистику времен Первой мировой войны как один из каналов манипулирования общественным сознанием. Исследователь пришла к выводу, что отечественная публицистика внесла заметный вклад в формирование патриотических чувств у населения¹⁰¹. Изучение общественных представлений и элементов сознания различных социальных групп по материалам отечественной периодики в период Первой мировой войны нашло отображение в ряде диссертационных исследований¹⁰².

---

⁹⁸ Родигина Н.Н. Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX–начала XX века.: автореф. док. ист. наук. Омск, 2006.

⁹⁹ Голубин Р.В. Трансформация общественных настроений в России в годы Первой Мировой войны // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: История. 2002. № 1. С. 92–96.; Недоступов Д.А. Эволюция общественных настроений в России 1914–1918 гг.: проблемы изучения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 3. С. 8–18.; Семенова Е.Ю. Историография проблемы мировоззрения российского общества в Первую мировую войну // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 3. С. 213–221. Акопов А.А. Формирование образа врага на страницах газеты «Северокавказский край» в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2008.; Эйдук Д.В. «Образ врага» и перспективы войны в русской периодической печати в 1914–1915 гг.: по материалам газеты «Утро России»: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008.

¹⁰⁰ Журавлев В.А. «Чужая война» и деформация общественного сознания: периодическая печать Петрограда 1917 года о российском обществе и армии // Ученые записки Спб филиала РТА. 2015. № 2 (54). С. 192–200.; Петров Ю.А. Российская революция 1917 года: власть, общество, культура // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2. С. 13–24; Кяккинен Н.И. Апрельский кризис 1917 г. как отражение эволюции общественного сознания российского общества // ADVANCED SCIENCE: сборник статей III Международной научно-практической конференции. В 2 ч. Ч. 1. Пенза, 2018. С. 186–188.

¹⁰¹ Борщукова Е.Д. Публицистика времен Первой мировой войны и формирование общественного сознания российского общества // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2011. № 2. С. 103–106.; Борщукова Е.Д. Влияние русских писателей на общественные процессы в годы Первой мировой войны // Вестник Прикамского социального института. Гуманитарное обозрение. 2013. № 2 (7). С. 12–17.

¹⁰² Белогурова Т.А. Отражение общественных настроений в российской периодической печати 1914–февраля 1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2006; Семенова Е.Ю. Влияние Первой мировой войны на мировоззрение, общественные настроения и поведенческие практики городского населения поволжских губерний Российской империи (июль 1914 г.–февраль 1917 г.): автореф. дис. ... док. ист. наук. Саратов, 2013.; Гулин А.О. Провинциальное общество в условиях Первой мировой войны (на материалах Владимирской, Костромской и Ярославской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2016.

Таким образом, в рамках постсоветского этапа произошло качественное и количественное увеличение исследований по истории отечественной публицистики и периодической печати. Одним из главных достижений стало использование данных источников при воссоздании представлений отдельных социальных групп. Была поставлена проблема изучения периодической печати как своеобразной площадки по обмену мнениями.

Таким образом, анализ отечественной и зарубежной исследовательской литературы показал, что к настоящему моменту по истории офицерского корпуса накоплен немалый материал. Историческим сообществом были реконструированы традиции «сердца армии», отдельные аспекты взаимоотношений офицеров и представителей иных социальных групп, социокультурный облик российского офицерства. Но, несмотря на все эти достижения и определенные традиции в исследовательской литературе при изучении истории офицерского корпуса, остается немало нерешенных проблем.

Во-первых, внимание исследователей сосредоточено на рассмотрении офицерского корпуса в период двух русских революций и Первой мировой войны. Вне поля научных изысканий остаются сюжеты, связанные с жизнью офицерской корпорации в межреволюционный период.

Во-вторых, научным сообществом не было проанализировано влияние критической кампании, развернувшейся на страницах отечественных периодических изданий, против офицеров российской армии. Воссоздание сюжетов, связанных с публицистической полемикой об офицерстве, является важным направлением при реконструкции образа офицера в сознании российской общественности и в представлениях самих военачальников. Малоисследованной остается проблема рассмотрения влияния публицистики на формирование общественных представлений об офицерстве.

В-третьих, к настоящему моменту в историческом сообществе усилилось внимание к воссозданию представлений разных социальных групп в переломные периоды российской истории. Однако фактически отсутствуют работы, посвященные разработке методов и подходов при конструировании этих

представлений и образов. На настоящий момент в современной исследовательской литературе отсутствуют специальные работы, посвященные реконструкции образа офицера в российском общественном сознании, его динамики.

Объектом исследования является образ офицера в представлениях российского общества, **предметом** – содержание данного образа в отечественной публицистике и периодической печати 1904–1917 гг.

Цель исследования состоит в воссоздании и характеристике образа офицера, сформировавшегося в отечественной публицистике и периодической печати 1904–1917 гг. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Определить основные направления критической кампании против офицерства в отечественной публицистике и периодической печати в период Русско-японской войны;

2. Рассмотреть ход и влияние полемики вокруг повести А.И. Куприна «Поединок» на положение и образ офицера;

3. Проанализировать общественную критику офицерского корпуса на страницах отечественных периодических изданий в период революции 1905–1907 гг.;

4. Рассмотреть представления отечественных публицистов о путях и способах восстановления статуса офицера в российском обществе накануне Первой мировой войны;

5. Воссоздать общественные представления об офицерах в период Первой мировой войны;

6. Выявить доминирующие концепты при характеристике офицерского корпуса после свержения самодержавия;

7. Рассмотреть основные направления борьбы на страницах периодической печати за офицерский корпус в условиях кризиса власти;

8. Определить влияние корниловского выступления на отражение в отечественной публицистике и периодике образа офицера.

Хронологические рамки исследования охватывают период 1904–1917 гг. Рамки исследования определены в соответствии с этапами изменений представлений российской общественности об офицерах российской армии. Изучение проблемы начинается с 1904 г. – с начала Русско-японской войны. Именно в это время произошли первые серьезные изменения сложившегося образа офицера в представлениях общества. Выбор верхней границы обосновывается начавшейся демобилизацией императорской армии в ноябре 1917 г. и принятием большевистским правительством 16 (29) декабря 1917 г. декрета «Об уравнивании всех военнослужащих в правах»¹⁰³, согласно которому отменялось офицерское звание.

Территориальные рамки исследования включают пространство Российской империи периода 1904–1917 гг.

Источниковая база исследования. Для решения поставленных в исследовании задач привлекался широкий круг опубликованных и неопубликованных документов и материалов. Используемые источники в настоящем исследовании возможно разделить на шесть групп: 1) законодательные акты; 2) публицистика; 3) периодическая печать; 4) военное делопроизводство; 5) источники личного происхождения (мемуары, воспоминания, дневники) 6) художественная литература.

Законодательные акты представлены нормативно-правовыми актами и законами, принятыми при Николае II и Временном правительстве. Высочайшим указом Сенату «О временных правилах о повременных изданиях»¹⁰⁴ от 24 ноября 1905 г. даровалась долгожданная свобода слова и печати. Обращение к данному документу необходимо для уяснения изменений в положении периодических изданий – одного из главного канала трансляции и формирования общественных представлений об офицерстве. Особое значение имеют статьи 5 и 6 данного

---

¹⁰³ Декрет об уравнивании всех военнослужащих в правах // Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. [Электронный ресурс]: Сб. документов. М., 1973. 456 с. URL: http://militera.lib.ru/docs/da/sb_oktyabrskaya_revolutsiya_i_armiya/23.html (дата обращения 10.10.2018).

¹⁰⁴ Высочайший указ Сенату «О временных правилах о повременных изданиях» от 24 ноября 1905 г. // ПСЗ. Собр. 3. Т. 25. № 26962.

документа, в которых были регламентированы принципы освещения военной жизни.

В манифесте «О введении всеобщей воинской повинности»¹⁰⁵ от 1 января 1874 г. и его изменениях 1912 г. содержится информация об особенностях отбывания воинской повинности инородцев, проживающих на территории Российской империи. Обращение к «Правилам о разбирательстве ссор, случающихся в офицерской среде»¹⁰⁶ от 13 мая 1894 г. позволило выявить истоки дискуссий о поединках, вопросах чести и особом положении офицеров в обществе. В «Своде военных постановлений»¹⁰⁷ 1869 г., изданном в 1907 г. с изменениями и дополнениями, были регламентированы права военных. В частности, всем офицерам и военным чиновникам запрещалось быть членами политических партий и организаций, публичное произнесение речей и суждений политического характера.

В соответствии с «Временным положением о военной цензуре»¹⁰⁸ от 20 июля 1914 г. вводилась полная цензура – на театре военных действий и частичная – в тылу. Главная цель данного положения состояла в сохранении секретности подготовки крупных операций Первой мировой войны и положения на фронте. Позднее правительство с помощью данного положения могло вычеркивать критические суждения в адрес политической элиты. В соответствии с постановлением Временного правительства от 27 апреля 1917 г. «О печати»¹⁰⁹ была легализована деятельность прессы разной политической направленности.

Обращение к «Приказу № 1 от 1 (14) марта 1917 г. Петроградского Совета»¹¹⁰, принятие которого инициировало демократизацию в войсках и

---

¹⁰⁵ Манифест «О введении всеобщей воинской повинности» от 1 января 1874 г. // ПСЗ. Собр. 2. Т. 49. Ч. 1. № 52982.

¹⁰⁶ «Правила о разбирательстве ссор, случающихся в офицерской среде» от 13 мая 1894 г. // ПСЗ. Собр. 3. Т. 14. № 10618.

¹⁰⁷ Свод военных постановлений 1869 г. Кн. 7.: Прохождение службы по военному ведомству. СПб.: Гос. тип., 1907. 396 с.

¹⁰⁸ Россия. Законы и постановления. Временное положение о военной цензуре: [Утверждено 20 июля 1914 года]. Пг., 1914. 15 с.

¹⁰⁹ Постановление Временного правительства от 27.04.1917 г. «О печати» // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Пг., 1917. Отд. 2. Вып. 1. № 93. С. 212–215.

¹¹⁰ Приказ № 1 Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов о демократизации армии от 1 марта 1917 г. // Хрестоматия по истории СССР. 1861–1917. М., 1970. С. 528–529.

введение выборности командного состава, позволило выявить причины конфликтов в армии и потери власти офицеров.

Одним из главных источников стали *публицистические сочинения* 1904–1917 гг., которые в этот период времени чаще всего выходили на страницах отечественной прессы. Современные исследователи считают, что данное положение свидетельствует о некотором сближении и «сращивании отечественной публицистики и периодики»¹¹¹. В публицистических сочинениях представители различных социальных групп не только выражали свое мнение по общественно-значимым проблемам, но и влияли на его формирование. Обращение к публицистике дает возможность реконструировать образ офицера в российском обществе, а также автообраз офицерства, включающий в себя представления военных о самих себе и своей профессии. Публицистические статьи, посвященные офицерскому корпусу, охватывали широкий спектр проблем и имели различную направленность. В зависимости от политических взглядов авторов, их целей, читательской аудитории, меняющейся политической ситуации изменялась и риторика публицистов. В настоящей работе были использованы публицистические статьи и заметки публицистов гражданских периодических изданий М.О. Меньшикова¹¹², П.М. Пильского¹¹³, В. Агафонова¹¹⁴, А. Басаргина¹¹⁵, Н.Я. Стечкина¹¹⁶ и др., а также военных публицистов¹¹⁷ С. Кудленко¹¹⁸, Д. Баландина¹¹⁹, В. Васильева¹²⁰, П.Н. Краснова¹²¹, А.И. Дрозд-

¹¹¹ Плавская Е.В. Публицистика как вид исторических источников: проблема определения // Вестник РГГУ. 2008. № 4/08. С. 88.

¹¹² Меньшиков М.О. Остановите бегство // Письма к русской нации. М., 1999. С. 33–37.

¹¹³ Пильский П.М. «Во мраке касты» («Поединок» Куприна) // Русская мысль. 1905. № 11. С. 64–79.; Его же. Армия и общество // Мир божий. 1906. № 8. Ч. 1. С. 207–232.; Его же. Армия и общество (Элементы вражды и препятствий) // Мир божий. 1906. № 8. Ч. 3. С. 213–228.

¹¹⁴ Агафонов В. Мысли о войне // Мир божий. 1904. № 11. С. 28–36.

¹¹⁵ Басаргин А. Литературная вылазка против военных // Московские ведомости. 1905. № 137. 21 мая.

¹¹⁶ Стародум Н.Я. Журнальное и литературное обозрение // Русский вестник. 1905. № 6. С. 599–726.

¹¹⁷ Как правило, военные публицисты печатали свои работы в военных периодических изданиях таких, как «Военный сборник», «Русский инвалид», «Разведчик». Довольно часто командиры различных уровней оставляли свои работы с подписью «офицер», либо под псевдонимом.

¹¹⁸ Кудленко С. Причины наших военных неудач в последней войне // Военный сборник. 1913. № 12. С. 55–58.; Кудленко С. К воспитанию войск // Военный сборник. 1913. № 12. С. 27–58.

¹¹⁹ Баландин Д. Дух и инициатива – выше всего // Военный сборник. 1914. № 11. С. 83–91.

¹²⁰ Васильев Е. Война как общественное явление // Военный сборник. 1906. № 3. С. 75–86.

¹²¹ Краснов П.Н. На войне. Причины неудачи Мукденской операции // Русский инвалид. 1905. № 97. 7 апреля.

Боянчевского¹²², Л.В. Евдокимова¹²³, В.И. Маркова¹²⁴ и др. Все они являлись выразителями мнений либо определенной социальной группы, либо разных политических течений. Изучение мнений публицистов, придерживавшихся различных взглядов на деятельность офицеров на службе и в быту, открывает возможность наиболее полно воссоздать образ командного состава в российском обществе в условиях военного времени и мирного развития.

При написании настоящей работы особое значение имело обращение к *периодической печати 1904–1917 гг.* Периодика для нашего исследования представляет наибольшую ценность, поскольку здесь сосуществовали различные виды исторических источников. Именно на страницах печати чаще всего появлялись публицистические статьи как самостоятельный развернутый жанр. В то же время периодические издания содержали отдельные заметки информационного характера. Так, периодические издания выступали в качестве носителя разных видов исторических источников.

Количественные и качественные изменения в прессе, произошедшие на рубеже XIX–XX вв. позволяют сделать вывод о том, что периодика стала одним из важнейших каналов формирования и трансляции общественных представлений. В настоящее время существуют работы, в которых содержится информация о периодических изданиях Российской империи¹²⁵. В начале XX в. различные политические партии и течения, общественные организации имели свои органы печати. Обращение к периодике позволяет воссоздать представления и оценки деятельности офицеров российской армии, преобладающие в различных политических кругах и течениях. С учетом специфики исследования основную группу составили материалы легальных центральных периодических изданий. При формировании источниковой базы внимание было акцентировано на наличии систематических публикаций, посвященных офицерскому корпусу российской армии.

---

¹²² Дрозд-Боянчевский А.И. «Поединок» Куприна с точки зрения строевого офицера [Электронный ресурс]: Военная литература. URL: <http://militera.lib.ru/science/vs17/26.html>. (дата обращения: 13.01.2017).

¹²³ Евдокимов Л.В. Нравственная настроенность как данная жизни армии // Военный сборник. 1914. № 7. С. 133–136.

¹²⁴ Марков В.И. Несколько слов о значении офицерской семьи и воспитании будущих офицеров // Военный сборник. 1914. № 12. С. 181–185.

¹²⁵ Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века. М., 2004. 368 с.

Использованные в настоящей работе периодические издания различной политической окраски и направленности условно можно разделить на несколько групп:

Первую группу составили материалы *официальной печати*, к которой относится «Вестник Временного правительства» (март–октябрь 1917 г.) – официальный орган Министерства внутренних дел¹²⁶. В опубликованных правительственных распоряжениях и сообщениях содержались сведения об отношении правительства к офицерам российской армии, о методах наведения порядка в войсках, о корниловском выступлении.

В эту группу также входит официальная газета Военного министерства «Русский инвалид» (с июня по октябрь 1917 г. выходила как «Армия и флот свободной России»). В 1904–1905 гг. и 1914–1917 гг. значительное место в газете занимали корреспонденции с театров боевых действий¹²⁷. Кроме официальных материалов по военному ведомству в газете представлен богатый материал о жизни и службе офицеров. Военное министерство также издавало ежемесячный журнал «Военный сборник» в Санкт-Петербурге. Он был подчинён общей цензуре; предписывалась обязательная подписка для всех штабов, начиная со штабов отдельных батальонов. Главная цель «Военного сборника» состояла в освещении различных аспектов жизни всей армии. Обращение к данным изданиям позволило не только проследить и значительно дополнить ход некоторых дискуссий по проблемам военной жизни, но и проследить трансформацию дискурса Военного министерства об офицерах до и после падения монархии.

Ко второй группе относятся периодические издания, имеющие четкую партийную принадлежность¹²⁸. Представители различных политических партий и течений освещали различные события внутренней политики. В таких разделах, как «внутреннее обозрение», «из общественной хроники», «внутренняя хроника»

---

¹²⁶ Голиков А.Г. Источниковедение отечественной истории: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / А.Г. Голиков, Т.А. Круглова; под ред. А.Г. Голикова. М., 2012. С. 419.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ См. например: «Мир божий», «Русское богатство», «Речь», «Дело народа».

содержались сведения о положении офицерского корпуса, оценки их деятельности.

Ежемесячный журнал «Мир божий» издавался в Петербурге в 1892–1906 гг. При подборе материалов ориентировался на широкую аудиторию. Под влиянием сотрудничества с социал-демократами в начале XX в. журнал становится оппозиционным, что приводит к его закрытию¹²⁹.

Центральным органом партии кадетов выступала газета «Речь», выходившая в Петербурге в 1906–1917 гг. Состояла в оппозиции царскому правительству. После вхождения кадетов в состав правительства наметилась тенденция к превращению «Речи» в официозную¹³⁰.

К либерально-народническим изданиям относится журнал «Русское богатство». Журнал возник в 1876 г. и просуществовал фактически до 1918 г., дважды закрывался¹³¹. Под влиянием В.Г. Короленко журнал приобретал все более либеральный характер, и отличался политической остротой публикаций.

Ежедневная политическая и литературная газета «Дело народа» являлась органом партии эсеров и издавалась в Петрограде с марта 1917 г. по январь 1918 г. Газета выступала в поддержку Временного правительства и продолжение войны.

Следующая группа объединяет в себе демократические, беспартийные, умеренно-оппозиционные издания общеполитического характера¹³². Данные органы печати объединяет отсутствие четко выраженной политической линии. В зависимости от политических событий и конъюнктуры их политическая направленность могла смещаться либо влево, либо вправо. Обращение к данным периодическим изданиям позволило воссоздать представления общественности об офицерах под влиянием политических и социально-экономических изменений в стране, что способствовало воссозданию определенной динамики трансформаций образа офицера в российском общественном сознании.

---

¹²⁹ Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века... С. 98.

¹³⁰ Голиков А.Г. Источниковедение отечественной истории... С. 423.

¹³¹ Морозова Н.В., Назарова Т.П. Эволюция «образа врага» в сознании русского общества в годы Первой мировой войны (по материалам центральной печати). Волгоград, 2015. С. 29.

¹³² См. например: «Русское слово», «Вестник Европы», «Русский вестник», «Русская мысль», «Утро России», «Разведчик».

Консервативный фланг представлен ежедневной газетой «Новое время». В период Первой мировой войны газета занимала патриотическую позицию, нередко на ее страницах печатались статьи, посвященные защите российского офицера.

К старейшим либеральным изданиям относится журнал «Вестник Европы», основанный в 1802 г. и просуществовавший до 1918 г. Журнал был рассчитан на интеллигентские круги. Крупнейшим московским либеральным изданием являлась «Русская мысль», выходившая с 1880 по 1918 гг. С 1907 г. главным редактором становится П.Б. Струве, который стремился добиться отмежевания журнала от политических течений.

Легальной, постоянно подчёркивающей свой оппозиционный характер, являлась московская газета «Утро России». Издавалась с сентября 1907 г. по инициативе московских капиталистов. Характеризовала себя как внепартийный орган прогрессивной деловой мысли¹³³.

«Фабрикой новостей» современники называли крупнейшую московскую газету «Русское слово» И. Д. Сытина, издававшуюся в 1895–1918 гг.¹³⁴ В мирное время печатались общественные, политические и театральные новости, а также фото чиновников, депутатов и общественных деятелей. Во время Русско-японской и Первой мировой войн на страницах «Русского слова» публиковались сводки с фронта, военные телеграммы, фоторепортажи, а также фото простых солдат. Газета оставалась самой читаемой и влиятельной вплоть до 1918 г.¹³⁵

Революционное движение в России способствовало появлению и распространению газет, адресованных солдатам и содержащих призывы примкнуть к революции¹³⁶. Эти периодические издания, как правило, содержали критику офицерского корпуса, обвинения в приверженности царизму, а в 1917 г. – в контрреволюционности. Обращение к данным материалам позволило выявить компоненты, которые могли повлиять на образ офицера в сознании солдатской массы.

¹³³ Голиков А.Г. Источниковедение отечественной истории... С. 425.

¹³⁴ Морозова Н.В., Назарова Т.П. Эволюция «образа врага» ... С. 27.

¹³⁵ Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века... С. 47.

¹³⁶ См. например: «Голос армии», «Голос солдата», «Голос фронта» и др.

Делопроизводственную документацию составили записки, доклады, рапорты, секретные переписки начальников армейских корпусов в Военное министерство, хранящиеся в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). В документах фонда 868 – материалы о мерах по поднятию дисциплины в войсках, предпринята попытка выявить основные причины падения дисциплины, как в армии в целом, так и в офицерском корпусе в частности¹³⁷. Эти донесения военачальников относятся к 1908 г. и представляют собой анализ итогов деятельности армии после поражения в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Данные документы являются своеобразной рефлексией по отношению к произошедшим событиям. Здесь военачальниками предпринята попытка не только выявить причины падения дисциплины, но и найти пути выхода из сложившейся ситуации. Обращение к материалам данного фонда позволяет выявить представления об армии, офицерском корпусе, их внутренних проблемах глазами самих военных. Большая часть материалов не опубликована и вводится в научный оборот впервые.

Сведения о работе следственной комиссии по делу о сдаче крепости Порт-Артур японским войскам содержатся в фонде – 801¹³⁸. Здесь представлены материалы расследования по поводу одного из важнейших событий Русско-японской войны – потери Порт-Артура, которая оказала огромное влияние на образ офицера в российском общественном сознании. Также в данном фонде имеются вырезки из газет, освещающих освобождение одного виновников в сдаче крепости А.М. Стесселя.

В фонде 3147¹³⁹ – о лицах, уличенных в политической неблагонадежности, иностранцах и инородцах и фонде 1759¹⁴⁰ – листовки РСДРП и партии эсеров к солдатам (февраль 1905–сентябрь 1907 гг.) содержатся сведения об агитации в войсках революционными партиями в период Первой русской революции. Обращение к данным материалам позволило проанализировать дискурс и риторику по отношению к офицерам со стороны социал-демократов.

---

¹³⁷ Материалы о мерах по поднятию дисциплины в войсках // РГВИА. Ф. 868. Оп.1. Д. 822.

¹³⁸ Следственная комиссия по делу о сдаче крепости Порт-Артур японским войскам // РГВИА. Ф. 801. Оп. 112. Д. 52.

¹³⁹ О лицах, уличенных в политической неблагонадежности // РГВИА. Ф. 3147. Оп. 1. Д. 450.

¹⁴⁰ Листовки РСДРП и партии эсеров к солдатам (февраль 1905–сентябрь 1907 гг.) // РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 2011.

Источники личного происхождения представлены воспоминаниями¹⁴¹ и дневниками¹⁴² офицеров, военачальников различных уровней. Воспоминания офицеров содержат в себе богатый материал о взаимоотношениях между командным составом и рядовыми солдатами, между миром военных и гражданских лиц в 1904–1917 гг. Также здесь содержатся важнейшие сведения об изменении общественных настроений по отношению к офицерам накануне и в период Первой мировой войны. Значительное внимание военачальниками было уделено описанию событий революционного времени. Несмотря на то, что эта группа источников отличается своим субъективизмом, здесь представлены яркие, живые описания тех эмоций и настроений, которые переживало общество в 1917 г. Их анализ позволил воссоздать не только представления офицеров о своей профессии и назначении в обществе, но и оценку их деятельности в революции 1917 г.

Своеобразную рефлексию по поводу Первой мировой войны и революционных событий представляют собой воспоминания¹⁴³ «маленьких людей», но с большой историей, непосредственных участников военных действий. В их воспоминаниях были зафиксированы те переживания и те проблемы, с которыми они были вынуждены столкнуться на фронте. Также они содержат материал о восприятии войны и офицерства на разных этапах Первой мировой войны. Ценность данных источников заключается в том, что они

---

¹⁴¹ Грулев М. Злобы дня в жизни армии. Брест-Литовск, 1911. 331 с.; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Кн.1. Т.1. Крушение власти и армии (февраль–сентябрь 1917). Кн.2. Т.2. Борьба генерала Корнилова (август 1917 г.–апрель 1918 г.). М., 2015.; Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 2016. 320 с.; Оберучев К.М. В дни революции: Воспоминания участников великой русской революции 1917 года. М., 2017. 320 с.; Арамулов В. В дыму войны. Записки вольноопределяющегося (1914–1917 гг.) М., 1930. 340 с.; Данилов Ю.Н. Россия в мировой войне, 1914–1915 гг. Берлин, 1924.; Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. [Электронный ресурс]: Париж, 1939. URL: http://militera.lib.ru/research/golovnin_nn/index.html (дата обращения 05.09.2019); Дубенский Д.Н. Как произошел переворот в России // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. М., 1990. С. 37–84.; Генерал-адъютант Н.В. Рузский // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. М., 1990. С. 142–168.; Степун Ф.А. Из писем прапорщика-артиллериста. [Электронный ресурс]: Томск, 2000. URL: <http://militera.lib.ru/db/stepun/01.html> (дата обращения 06.09.2019); Лукомский А.С. Воспоминания генерала А. С. Лукомского. Т. 1. Период Европейской войны. Начало разрухи в России. Борьба с большевиками. Берлин, 1922. 320 с.

¹⁴² «Господи! Скоро ли кончатся наши муки!..»: дневники прапорщика К.В. Ананьева / Первая мировая война: взгляд из окопа. М.; СПб., 2014. С. 137–215.; Блок А.А. Дневник. М., 1989. 512 с.

¹⁴³ «Смелым Бог владеет»: наступление Юго-Западного фронта 1916 г. глазами нижнего чина Е. В. Тумиловича / Первая мировая война: взгляд из окопа. М.; СПб., 2014. С. 29–136.; Линка Н.В. «И чего эти девчонки бегают? Сидели бы дома с папой и мамой. Высечь вас некому!»: Воспоминания Н.Д. Линки о Первой мировой войне. Июнь 1914–июнь 1918 г. // Россия XX век. 2016. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1026837> (дата обращения 05.09.2019)

позволяют проследить эволюцию общественных представлений об офицерах российской армии в военное время.

Другая сторона Первой мировой войны и революции 1917 г. представлена в воспоминаниях политических деятелей¹⁴⁴. Через анализ политической борьбы, которая для многих была личной трагедией, представителям политической элиты удалось передать трансформацию общественных взглядов в условиях общественно-политического кризиса в стране. В представленных воспоминаниях содержатся яркие примеры событий, символизирующие сдвиги в российском общественном сознании.

Определенный интерес представили письма¹⁴⁵ начальника Алексеевского военного училища генерал-майора В.Н. Горбатовского, командовавшего во время Русско-японской войны 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизией, к генерал-майору А.В. Фоку. В данном письме содержится вызов на дуэль за обвинение его в игру «в войну за врага». Важность данного источника состоит в том, что он содержит в себе информацию о взаимных обвинениях и нападках офицеров после Русско-японской войны. Это является важным доказательством кризисных явлений в российском обществе и корпорации офицеров после поражения в войне.

Важным дополнением при реконструкции образа офицера в российском обществе после Русско-японской войны стали дневниковые записи Николая II¹⁴⁶, в которых содержатся сведения о взаимоотношениях с комендантом крепости Порт-Артур А.М. Стесселем. Дело А.М. Стесселя о сдаче крепости имело широкий общественный резонанс.

Написание настоящей работы было бы невозможным без обращения к *художественной литературе*, а именно повести А.И. Куприна «Поединок»¹⁴⁷, опубликованной впервые в мае 1905 г. Это произведение представляло собой

---

¹⁴⁴ Миллюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. 528 с.; Суханов Н.Н. Записки о революции. [Электронный ресурс]: Кн. 5. Берлин-Петербург-Москва, 1923. URL: <https://www.magister.msk.ru/library/history/xx/suhanov/suhan005.htm> (дата обращения 11.06.2019); Шидловский С.И. Воспоминания. М., 1991. URL: http://az.lib.ru/s/shidlowskij_s_i/text_0010.shtml (дата обращения 13.07.2019); Станкевич В. Б. Июньское наступление на фронте // Революция 1917 года глазами ее руководителей. Roma, 1971. 531 с.

¹⁴⁵ Следственная комиссия по делу о сдаче крепости Порт-Артур японским войскам // РГВИА. Ф. 801. Оп. 112. Д. 52.

¹⁴⁶ Дневник императора Николая II. 1890–1906 гг. Берлин, 1923. 260 с.

¹⁴⁷ Куприн А.И. Поединок и др. / Александр Иванович Куприн. М., 2014. 600 с.

одну из первых работ, содержащую критику офицерского корпуса российской армии. Анализ текста и критические отзывы на него позволяют воссоздать направленность и риторику начала критической кампании против офицерства, а также зафиксировать первый этап трансформации образа офицера в сознании российской общественности. Дополнить образ офицера, который сформировался в российском обществе к осени 1917 г., позволило обращение к художественно-документальному произведению И.А. Бунина «Окаянные дни»¹⁴⁸, в основе которого лежали дневниковые записи писателя. С литературоведческой позиции книга «Окаянные дни» считается одной из самых сложных, поскольку одновременно обладает документальными, публицистическими и художественными чертами¹⁴⁹. Впервые произведение было опубликовано в Париже в 1920-е гг. Несмотря на то, что в работе И.А. Бунина идет речь о событиях 1918–1920 гг., в ней содержится рефлексия по поводу революционных событий 1917 г., которые автор воспринимал как национальную катастрофу.

Комплексное использование данных источников открывает перспективу воссоздания образа офицера в российском обществе, возможность охарактеризовать его динамику и причины трансформации в 1904–1917 гг.

Методология исследования представлена сочетанием общенаучных и специальных методов. В настоящей работе были использованы такие общенаучные методы как абстрагирование, анализ и синтез, системный подход. Обращение к абстрагированию путем идеализации позволило воссоздать свойства и характеристики, отождествляемые с офицером в российском обществе. Системный подход позволил рассмотреть образ офицера как целостную конструкцию, состоящую из взаимосвязанных элементов.

В исследовании применялся принцип *историзма* – динамика образа офицера в российском обществе рассматривается с учетом особенностей и условий эпохи. Отношение российской общественности к представителям офицерского корпуса подвергалось изменениям под влиянием ряда факторов –

---

¹⁴⁸ Бунин И.А. Окаянные дни. М., 2014. 272 с.

¹⁴⁹ Бакунцев А.В. «Окаянные дни»: особенности работы И.А. Бунина с фактическим материалом // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2013. № 4. С. 22.

поражения в Русско-японской войне, участия офицеров в подавлении революции 1905–1907 гг., событий на фронтах Первой мировой войны, действий офицеров в период революции 1917 г.

Использование принципа *объективности* позволило рассмотреть историческую реальность в целом с учетом объективных закономерностей, которые предопределили динамическое развитие образа офицера в отражении отечественной публицистики и периодической печати в 1904–1917 гг.

Междисциплинарный характер исследования связан с использованием достижений *военно-исторической антропологии*, сочетающей в себе историко-психологический и историко-антропологический подход¹⁵⁰. Этот исследовательский подход оформился только на рубеже XX–XXI вв. разрабатывался Е.С. Сенявской¹⁵¹, В.И. Бажуковым¹⁵², И.А. Анфертьевым¹⁵³, О.В. Чураковой¹⁵⁴ и др. Использование данного подхода позволило воссоздать социокультурное измерение Русско-японской и Первой мировой войн, а также дало возможность взглянуть на трансформацию образа офицера в российском обществе в контексте назревания войны, ее хода, завершения и последствий с учетом мировоззренческих установок, ценностей, межличностных контактов, как офицеров российской армии, так и представителей других социальных групп.

Для решения поставленных задач был использован *историко-сравнительный метод*, с помощью которого удалось сравнить разные компоненты образа офицера, содержащиеся на страницах отечественной публицистики и периодической печати как в условиях военного времени, так и в период мира. Данный метод позволил выявить общее и особенное в

---

¹⁵⁰ Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология: проблемы становления новой отрасли исторического знания // Вестник РГНФ. 2005. № 3 (40). С. 11.

¹⁵¹ Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. 383 с.; Сенявская Е.С. Человек на войне, или тернистый путь от военной истории к военной антропологии // Исторический вестник. 2018. Т. 24. С. 10–43.

¹⁵² Бажуков В.И. Военная антропология: методология, направления, современное состояние. М., 2009. 220 с.; Бажуков В.И. Методологические проблемы военной антропологии // Вопросы культурологии. 2007. № 5. С. 24–27.

¹⁵³ Анфертьев И.А. Новые направления в современной отечественной историографии. Военно-историческая антропология: теоретические и междисциплинарные проблемы новой отрасли исторической науки // Гуманитарные чтения РГГУ. 2010. Теория и методология гуманитарного знания. Россияведение. Общественные функции гуманитарных наук: Сб. материалов. М., 2011. С. 319–328.

¹⁵⁴ Чуракова О.В. Военно-историческая антропология: горизонты исследовательской траектории в XXI веке // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2015. Т. 9. № 2. С. 93–104.

представлениях об офицерском корпусе в 1904–1917 гг., сопоставить представления офицеров и взгляды гражданской общественности о профессии и назначении офицера в современном мире, воссоздать этапы трансформации образа офицера в 1904–1917 гг.

Использование *историко-типологического метода*, базирующегося на изучении сущностных характеристик представлений об офицерстве и на процедурах теоретического анализа, в настоящем исследовании позволило выявить различные знаки и символы, отождествляемые с образом российского офицера, а также определить влияние изменений этих символов в отечественной публицистике и периодической печати под воздействием различных событий на образ в целом.

Применение *историко-генетического метода* дало возможность последовательно раскрыть процесс формирования различных представлений об офицерском корпусе, транслируемых в прессе, позволило рассмотреть причины появления негативных оценок о жизни и службе офицеров, закрепления за ними репутации контрреволюционеров, а также определить последствия изменившейся реальности для судеб русских офицеров в 1917 г.

Выявление текстов об офицерстве, исследование динамики образа офицера было осуществлено с помощью методики сплошного просмотра представленных в качестве источников периодических изданий. При изучении публицистических текстов автор применял *дискурс-анализ* в сочетании с количественными методами. Дискурс-анализ к настоящему времени представлен различными пониманиями и техниками¹⁵⁵. Отсутствие единой точки зрения на трактовку понятия дискурса и некоего общепринятого алгоритма работы с данным методом привело к тому, что в конкретной исследовательской практике возможно создание собственной комбинации (теория, подход, метод) различных дискурс-аналитических подходов. В настоящей работе за основу были приняты теоретические разработки критического дискурс-анализа (КДА) Т.А. ван Дейка¹⁵⁶

---

¹⁵⁵ Йоргенсен М.В., Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод. Х., 2008. 352 с.

¹⁵⁶ Дейк ван Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. М., 2013. 344 с.; Дейк ван Т. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Ленанд, 2015. 320 с.

и Р. Водак¹⁵⁷. Т.А. ван Дейк рассматривал дискурс как сложное коммуникативное событие в общем и письменную или устную форму взаимодействия, в частности¹⁵⁸. Р. Водак при обобщении основных принципов КДА отметила, что дискурс – это форма социального действия, способная структурировать и формировать социальную реальность¹⁵⁹. Это позволило рассмотреть дискурсивные практики отечественных публицистов как попытки формирования с помощью языковых символов и знаков определенной картины мира и социальной реальности. Именно субъективные оценки в периодике действий офицерского корпуса влияли на другие дискурсы и другие социальные практики. Использование данного подхода дало возможность определить последствия различных репрезентаций социальной реальности для судеб российского офицерства в период революционных потрясений 1905–1907 гг. и 1917 г.

Одним из основополагающих понятий данной работы является образ офицера, под которым понимается динамическая система представлений и мнений о российском офицерстве. Эта система формируется, с одной стороны, на основе личного опыта взаимодействия с офицерами, с другой стороны, из продуктов коллективного воображения, в которых сознательно или непроизвольно происходило отождествление определенных характеристик с офицерским корпусом.

Образ офицера как сложный многомерный исследовательский конструкт имеет свою структуру и состоит из: ядра – наиболее важные и устойчивые символы и знаки, характеризующие образ; полупериферии – достаточно важные, но менее устойчивые символы и знаки; периферии – знаки и символы, потенциально важные для образа в целом, но слабо используемые¹⁶⁰. И

---

¹⁵⁷ Водак Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 286–291.; Wodak R. The discourse-historical approach // *Methods of critical discourse analysis* / Ed. by R. Wodak, M. Meyer. London, 2001. P. 63–72.; Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа и текста дискурса / Пер. с нем. Х., 2017. 356 с.

¹⁵⁸ Дейк ван Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. М., 2013. С. 131.

¹⁵⁹ Wodak R. The discourse-historical approach // *Methods of critical discourse analysis* / Ed. by R. Wodak, M. Meyer. London, 2001. P. 66.

¹⁶⁰ Замятин Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М., 2006. С. 281.

существует на нескольких уровнях: ментальном, социокультурном, идеологическом, индивидуальном¹⁶¹.

Поскольку в рамках настоящей работы основное внимание уделяется воссозданию образа офицера в отечественной публицистике и периодической печати, то главный акцент в исследовании будет сделан на рассмотрении изменений наиболее важных символов и знаков, характеризующих образ офицера, на идеологическом и индивидуальном уровнях.

Под социальным самочувствием в настоящей работе понимаются оценки представителями офицерского корпуса своего общественного положения. Длительное время изучение социального самочувствия являлось прерогативой психологов и базировалось исключительно на психологическом подходе. В качестве составных элементов социального самочувствия относятся такие компоненты, как морально-психологическое состояние, а также представления офицеров об окружающей действительности, восприятие общественных явлений и процессов, соотношение их с эмоциями, ощущение психологической и физиологической комфортности внутреннего состояния личности. Использование данной категории в настоящем исследовании позволило выявить проблемы адаптации офицеров после возвращения с Русско-японской войны к мирной жизни и зафиксировать один из первых этапов трансформации представлений военачальников о своем положении в обществе.

В настоящей работе под офицерской корпорацией понимается организованная обособленная по профессиональному признаку группа людей, деятельность которой направлена на защиту Отечества, и которая отличается определённой замкнутостью, системой ценностей и мировоззренческих установок.

Научная новизна работы обусловлена, прежде всего, постановкой самой проблемы – внимание было сконцентрировано не на изучении офицерского корпуса как определенной социальной группы, а на его образе и общественных

---

¹⁶¹ Родигана Н.Н. Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX вв.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Омск, 2006. С. 20.

представлениях об офицерах. Были выявлены и зафиксированы этапы трансформации образа офицера в российском обществе в период 1904–1917 гг. – один из самых насыщенных и драматических в российской истории. Менее чем за 15 лет страна пережила две войны и революции. Политические, социально-экономические и культурные трансформации, произошедшие за это время в России, привели к глубоким потрясениям, нарушившим основы и нормы социального общежития. Специфика работы состоит также в том, что для анализа процесса изменения восприятия офицеров были использованы материалы как военной, так и гражданской периодической печати и публицистики. Научная новизна работы также обусловлена тем, что многие источники вводятся в научный оборот впервые.

Положения, выносимые на защиту:

1. В начале XX в. происходит первый этап трансформации образа офицера в российском обществе. Поражение в Русско-японской войне, участие офицеров в подавлении революции 1905–1907 гг. привело к появлению критических заметок и публикаций в прессе об офицерстве. Усилению критики способствовала публикация повести А.И. Куприна «Поединок» в 1905 г. Острая критическая кампания против офицерского корпуса, развернувшаяся на страницах отечественной периодики вслед за публикацией повести, привела к конструированию и закреплению за офицерством образа защитника самодержавного строя и некомпетентного военачальника.

2. Участие представителей офицерского корпуса в дискуссиях на страницах отечественной периодики накануне Первой мировой войны привело к появлению дискурса, направленного на формирование в представлениях общества положительного образа офицера, представлявшего собой воспитателя, учителя, отца-командира и защитника. Публицистическая активность военачальников также способствовала установлению новых форм диалога между военной и гражданской общественностью.

3. В начальный период Первой мировой войны на страницах отечественных периодических изданий появляется значительное число статей и

заметок, которые оказывали влияние на существующие дискурсы и способствовали формированию образа офицера-героя войны, защитника Отечества. Военные неудачи на фронте способствовали нивелированию образа героя и замене его на образ-некомпетентного военачальника.

4. После свержения самодержавия за офицером постепенно закреплялся образ контрреволюционера. Угроза окончательного разгрома русской армии способствовала появлению представлений об офицере как о мученике. Выступление генерала Л.Г. Корнилова ознаменовало собой окончательное утверждение в российском обществе представлений о контрреволюционности офицерства.

5. Сконструированные и апробированные образы офицерства в начале XX в. стали вновь востребованы в 1917 г. Борьба дискурсов завершилась окончательным закреплением за офицерством образа контрреволюционера в российском обществе.

Практическая и теоретическая значимость исследования состоит в возможности применения материалов и выводов диссертации в дальнейших исследованиях по истории офицерского корпуса и революционных событий 1917 г., в углублении исторических знаний о формах межкультурного диалога офицеров с другими социальными группами, в изучении общественных представлений начала XX в.

Степень достоверности настоящей работы определяется всесторонним анализом научной литературы по теме исследования, репрезентативностью источниковой базы, включающей в себя различные типы источников, а также корректным применением общенаучных и специально-исторических методов, принципов историзма и объективности.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования были обсуждены на заседании кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета, изложены в виде докладов на Международной научно-практической конференции «Интеллектуальный и ресурсный потенциал

Северной Азии: исторический опыт развития и ответы на вызовы современности» (г. Томск, 09 ноября 2017 г.), XIV Всероссийской научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых «Вопросы истории, археологии, политических наук и регионоведения (г. Томск, 25–27 апреля 2018 г.), Всероссийской молодежной научной школе-конференции с международным участием «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых» (г. Новосибирск, 27–29 сентября 2018 г.), Международной научно-практической конференции «Гражданская война и российская провинция: современное восприятие, подходы и оценка», приуроченная к 100-летию Уфимского государственного совещания (г. Уфа, 29–30 ноября 2018 г.).

По материалам диссертации опубликовано 6 работ, в том числе 4 статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должно быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук.

Структура диссертации подчинена реализации поставленных во введении цели и задач. Исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

1 Образ офицера в отражении отечественной публицистики и периодической печати в условиях войны и мира

1.1 Трансформация представлений о профессии военного и социальное самочувствие офицерства во время Русско-японской войны

В конце XIX–начале XX вв. российская экономика развивалась быстрыми темпами, что способствовало превращению России из аграрной страны в аграрно-индустриальную. Социальная структура сохраняла в себе как старые, так и новые черты. При этом политическая система российского государства оставалась неизменной: отсутствовала Конституция и выборные органы власти. Все это способствовало росту социально-политической напряженности и революционного движения, катализатором которых выступили войны – Русско-японская и Первая мировая.

Многие исследователи и современники отмечали, что в XX столетии изменилась традиционная система ценностей и морально-психологический климат в обществе. По замечанию историка В.Н. Суряева, «все больше и больше людей считали смыслом жизни максимальное обогащение и карьеру...соответственно такие понятия, как служение Отечеству, патриотизм, долг, героизм, честь в общественном сознании стали терять прежнюю значимость»¹⁶². В российском обществе происходили изменения не только ценностных и мировоззренческих установок, но и представлений о различных социальных группах, профессиях. В большей степени это нашло отображение в трансформации образа офицера в сознании российской общественности.

По данным историка С.В. Волкова, в 1903 г. численность офицеров регулярных войск составляла 41871 офицеров, в 1905 г. – 29357¹⁶³. Военное сословие не было однородным и состояло из трех основных групп: армейских офицеров (делились по подгруппам по родам оружия), офицеров гвардии и

---

¹⁶² Суряев В.Н. Офицеры русской императорской армии... С. 46.

¹⁶³ Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 2003. С. 361.

офицеров Генерального штаба¹⁶⁴. Отличительными особенностями каждой группы являлись престижность, продвижение по карьерной лестнице, уровень образования и др. Средний возраст полковых командиров в начале XX в. составлял в Генеральном штабе – 45,5, в гвардии – 47,7, в армии – 52, 5 лет¹⁶⁵.

Основную массу офицерского корпуса составляли армейские офицеры: пехотинцы, кавалеристы, артиллеристы, инженеры, топографы и саперы. Служба армейских офицеров считалась не престижной, продвижение по карьерной лестнице и повышение уровня материальных благ представлялись весьма затруднительными¹⁶⁶. В отличие от армейских офицеров гвардейские имели особую форму, были близки к императорскому двору, гораздо быстрее продвигались по службе. Кроме того, в гвардии служили все великие князья, включая цесаревичей, а шефами гвардейских полков являлись члены императорской фамилии¹⁶⁷. Несмотря на это некое привилегированное положение, от гвардии требовалось особо четкое несение военной службы. Определенное отчуждение наблюдалось между армейскими офицерами и офицерами Генерального штаба, при отборе которых учитывались, прежде всего, проявленные способности за время обучения в академии. Таким образом, к началу XX в. офицерский корпус не представлял собой однородную военную корпорацию.

В течение длительного времени офицерство относилось к одной из привилегированных социальных групп, обладало почетным статусом. Помимо того, что дворянство, изначально появившееся как служилое сословие, являлось одним из главных источников комплектования офицерского корпуса, служба в офицерских рядах представляла собой своеобразный социальный лифт, с помощью которого лица недворянского происхождения имели возможность быть причисленными в дворянское сословие. После реформ Александра II значительно увеличилось число офицеров, происходивших из разночинной среды. Процент же

---

¹⁶⁴ Суряев В.Н. Офицеры русской императорской армии... С. 105.

¹⁶⁵ Волков С.В. Русский офицерский корпус... С. 398.

¹⁶⁶ Суряев В.Н. Офицеры русской императорской армии... С. 105–106.

¹⁶⁷ Там же. С. 107.

выходцев из дворян стремительно падал, особенно после принятия закона о всеобщей воинской повинности 1874 г.¹⁶⁸ и открытия юнкерских училищ.

По замечанию исследователя С.В. Волкова, «в начале XX в. в офицерском корпусе, в том числе и гвардии, доля потомственных дворян составляла только 37%»¹⁶⁹. Наивысший процент потомственных дворян сохранялся в гвардии и составлял: в кавалерии – 96,3%, в пехоте – 90,5%, в артиллерии – 88,7%. Распределение же по другим родам войск количество офицеров дворянского происхождения выглядело следующим образом: в армейской пехоте – 39,6%, в кавалерии – 66,7%, в артиллерии – 74,4%, в инженерных войсках – 66,1%¹⁷⁰. Это свидетельствует о том, что социальный состав офицерского корпуса российской армии существенно изменился к началу XX в. В самом же массовом роде войск – армейской пехоте, доля дворянства составляла менее половины от общего числа офицеров. Гораздо медленнее происходило проникновение разночинцев в среду высших эшелонов офицерского корпуса. Так, «среди полковников Генерального штаба (на 01 января 1904 г.) их было 74,2%, среди генерал-майоров Генерального штаба – 85,4%, среди всех генерал-лейтенантов (на 01 мая 1903 г.) – 96,0%, полных генералов — 97,5%»¹⁷¹.

В рассматриваемый период офицерский корпус не имел каких-либо значимых политических и экономических привилегий, не представлял реальной силы, способной оказать влияние на государственное управление. К тому же российским офицерам, в отличие от других социальных групп, было запрещено участие в деятельности политических и общественных организаций и объединений. Офицерская жизнь регламентировалась не только всевозможными уставами и приказанными, но и неписаными правилами, которые были направлены на защиту офицерского достоинства. Так, «независимо от рода войск и расположения части офицерам воспрещалось бывать в ресторанах и гостиницах

---

¹⁶⁸ Устав о всеобщей воинской повинности от 1 января 1874 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). СПб., 1874. Собр. 2. Т. 49. № 52983. С. 2–4.

¹⁶⁹ Волков С.В. Русский офицерский корпус... С. 306.

¹⁷⁰ Там же. С. 305.

¹⁷¹ Там же. С. 306.

низших разрядов, всех трактирах, чайных, кофейнях, пивных, кухмистерских, портерных, буфетах 3 класса на железнодорожных станциях»¹⁷².

Небольшое жалование делало менее привлекательным службу офицеров для российской молодежи, в том числе и дворянского происхождения. К началу XX в. доля помещиков среди офицеров могла составлять не более 10–15%¹⁷³, что свидетельствует о том, что жалованье являлось единственным источником существования для основной массы офицеров. Размер государственного содержания для младших офицеров «в начале XX столетия составлял 50–60 руб. в месяц, что соответствовало оплате труда квалифицированных фабрично-заводских рабочих»¹⁷⁴. При этом сохранялся колоссальный разрыв между окладами младших офицеров и генералитета. Так, после повышения офицерских окладов в 1899 г. жалованье генерал-лейтенантов составляло 6000 руб., полных генералов – 7800 руб. в год¹⁷⁵. Несмотря на неудовлетворительное материальное положение офицеров, в особенности младших, в обществе устойчивыми являлись представления о богатстве и материальном благополучии российского офицерства.

Тем не менее несмотря на то, что реальное положение офицеров существенно изменилось, в общественных представлениях существовал определенный набор характеристик, отождествляемых с офицером российской армии. В памяти современников бытовал идеальный образ офицера, ассоциировавшийся с поколением офицеров времен Суворова и Румянцева, обладающих высокой боевой культурой и высоконравственными моральными качествами, служивших примером не только для нижних чинов, но и всего общества¹⁷⁶. Также сохранялось официальное титулование офицеров: «формой обращения к обер-офицерам было “ваше благородие”, к штаб-офицерам – “ваше

---

¹⁷² Суряев В.Н. Офицеры русской императорской армии... С.32.

¹⁷³ Волков С.В. Русский офицерский корпус... С. 262.

¹⁷⁴ Гребенкин И.Н. Долг и выбор: русский офицер... С. 47.

¹⁷⁵ Волков С.В. Русский офицерский корпус... С. 389.

¹⁷⁶ Меньшиков М.О. Воспитание энергии // Письма к русской нации. М., 1999. С. 230.

высокоблагородие”, к генерал-майорам и генерал-лейтенантам – “ваше превосходительство”, а к полным генералам – “ваше высокопревосходительство”»¹⁷⁷.

Формирование представлений и мнений о российском офицерстве осуществлялось на основе личных знаний и опыта взаимодействия с офицерами и исходя из продуктов коллективного воображения об офицерском корпусе. В той или иной степени, представителям различных социальных групп в повседневной жизни приходилось сталкиваться с офицерами российской армии. И, действительно, не всегда опыт взаимодействия представителей мира военных и мира штатских был положительным. В качестве примера выступают «командировки в 1905–1906 гг. войсковых отрядов генерала Д.Г. Щербачева в Кронштадт, генерала С.Г. Орлова в Лифляндскую губернию, полковника Г.А. Мина в Москву, генерала А.Н. Меллер-Закомельского по Самаро-Златоустовской и Сибирской железным дорогам. Действия этих отрядов приняли характер карательных экспедиций, т. к. целью их являлось не столько подавление восстаний, которые фактически были уже сломлены, сколько мечь их участникам и всему населению соответствующих регионов»¹⁷⁸. Так, негативный личный опыт взаимодействия различных социальных групп накладывал отпечаток на восприятие офицерского корпуса. В то же время определенные события, в данном случае военные карательные экспедиции, могли выступать в роли своеобразных информационных поводов и причин появления различных дискурсов об офицерстве.

В качестве самых распространенных примеров коллективного воображения об офицерах служат публицистические статьи и заметки, выходившие на страницах прессы и содержащие в себе примеры высокомерного и пренебрежительного отношения офицеров ко всем, кто не в форме¹⁷⁹. Один из главных критиков офицерского корпуса, публицист П.М. Пильский указывал, что «незримая стена между гражданскими и военными была настолько велика, что представители последних входили в толпу “обыкновенных людей” лишь в

---

¹⁷⁷ Волков С.В. Русский офицерский корпус... С. 45.

¹⁷⁸ Гребенкин И.Н. Российское офицерство и политическая жизнь... С. 222.

¹⁷⁹ Пильский П.М. Армия и общество // Мир божий. 1906. № 8. Ч. 1. С. 207.

качестве карателей и мстителей для усмирения»¹⁸⁰. Так, на формирование образа офицера значительное влияние оказывал и продукт коллективного воображения, который сознательно или непроизвольно конструировался на страницах отечественных периодических изданий.

Начало XX в. можно смело назвать временем расцвета отечественной публицистики и периодической печати. Одним из главных подтверждений этого положения являлось увеличение числа периодических изданий, расширение их проблематики, появление специализированных изданий. В начале XX в. наряду с толстыми ежемесячными изданиями широкое распространение получили ежедневные газеты. Это во многом было обусловлено возрастающей потребностью общества в получении информации. С.Я. Махонина в монографии, посвященной истории русской журналистики, отмечала, что в 1891 г. издавалось 79 ежедневных газет, а к 1912 г. их количество уже достигало 417¹⁸¹. Данный факт позволяет сделать вывод о том, что к началу XX столетия отечественная периодическая печать представляла собой самостоятельную силу. Она не только своевременно информировала население о событиях современной жизни, выражала общественное мнение различных социальных групп, но и влияла на общественные настроения и взгляды.

В начале XX в. одним из центральных в отечественной прессе стал, так называемый, «офицерский вопрос». Первоначально обсуждение вопросов армейской жизни велось только на страницах военной периодики. На рубеже XIX–XX вв. в печатных органах Военного министерства «Военном сборнике», «Разведчике», «Русском инвалиде» рассматривались, как правило, вопросы, связанные со службой и бытом офицеров. К началу XX в. военными мыслителями и писателями уже был очерчен круг основных армейских проблем, которые требовали обсуждения и реформирования. Среди них стоит отметить проблемы образования и воспитания, унтер-офицерский вопрос, влияние употребления алкогольных напитков на морально-нравственное состояние представителей

---

¹⁸⁰ Пильский П.М. Армия и общество // Мир божий. 1906. № 8. Ч. 1. С. 213.

¹⁸¹ Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX века. М., 2004. С. 6.

офицерского корпуса и др. Рассмотрению этих вопросов было посвящено обширное число публицистических статей и заметок военных писателей.

Военные периодические издания в начале XX в. потеряли свое преимущественное право на освещение проблем, существовавших в армии и офицерской корпорации. На страницах гражданской периодики стало появляться значительное число статей и заметок о жизни и службе командного состава. Повышенный интерес российского общества к офицерской жизни и армии был вызван военной кампанией 1904–1905 гг. Гражданские публицисты представили российской общественности ряд статей и заметок, отражающих специфику жизни и службы офицеров, как во время военных действий, так и в мирное время. Обсуждение разных проблем, существующих в офицерской среде, сопровождалось оценочными суждениями, которые создавали определенный фон для восприятия информации. Газетные или журнальные статьи могли и вовсе не составлять мнения автора в полной мере. Но, к сожалению, зачастую, сопоставить с другими источниками их мы не можем, поскольку многие заметки публиковались без подписи или под псевдонимом. Тем не менее, периодические издания в начале XX столетия стали той площадкой, на которой происходило определенное преобразование информации в образы прошлого. С помощью своих статей и заметок отечественные публицисты и корреспонденты оказывали влияние на формирование и закрепление определенных характеристик за офицерами в представлениях российского общества. Согласно предложенной схеме Н.Н. Родигиной о бытовании образа на различных уровнях¹⁸², материалы отечественных периодических изданий представляли собой главный источник конструирования образа офицера на идеологическом уровне. Индивидуальный образ офицера создавался отдельными отечественными публицистами, представления которых могли основываться на различных знаниях и собственном опыте взаимодействия с офицерством.

В начале XX в. трансформация образа офицера в российском обществе была обусловлена совокупностью ряда причин и сложных процессов, протекавших в

---

¹⁸² Родигина Н.Н. Образ Сибири в русской журнальной прессе... С. 20.

российском обществе. Известный исследователь, автор нескольких фундаментальных работ, посвященных офицерскому корпусу, П.А. Зайончковский охарактеризовал это следующим образом: «Ореол, которым была окружена эта профессия, начал постепенно тускнеть»¹⁸³.

Немаловажную роль в этом процессе сыграло снижение социального статуса дворянского сословия в целом, которое в течение длительного времени выступало в качестве главного источника пополнения офицерских рядов. Тем не менее, многие представители дворянского сословия по-прежнему отдавали приоритет не гражданской, а военной службе, поскольку считали ее более почетной.

Следующей причиной серьезных изменений образа офицера в сознании российского общества, стало участие и поражение в Русско-японской войне. С одной стороны, часть общественности Российской империи в офицерстве и их действиях видела главных виновников национальной неудачи в военной кампании 1904–1905 гг. С другой стороны, среди образованной части общества к этому времени особую популярность приобрели пацифистские взгляды и настроения. Современники событий отмечали, что в начале XX в. в общественном сознании все больше распространяется мысль о превосходстве мирного развития и преуспеяния народов над их военным могуществом¹⁸⁴. В свою очередь это вызывало неприязнь и отвращение ко всему, что было связано с войной.

На трансформацию общественных представлений об офицерстве повлияло участие армии в подавлении революционных выступлений 1905–1907 гг. Это способствовало конструированию в сознании общественности представлений об офицерах как единственных защитников самодержавия и противников установления демократических прав и свобод. Носители революционной идеологии усматривали в офицерах русской армии главную опору царизма. Данная идея активно транслировалась в массы с листовок и периодических изданий революционной направленности. Вскоре к обсуждению «офицерского

---

¹⁸³ Зайончковский П. А. Офицерский корпус русской армии перед Первой мировой войной // Вопросы истории. 1981. № 4. С. 23.

¹⁸⁴ Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1905. № 5. С. 207.

вопроса» присоединились и другие периодические издания. Острая критическая кампания против офицерства, развернувшаяся на страницах отечественной периодики, стала одним из факторов, способствовавших трансформации образа офицера в российском обществе. Генерал А.И. Деникин в своих воспоминаниях называл революционную пропаганду «одним из могучих средств борьбы, которое поражало наиболее болезненные и восприимчивые места народной психики»¹⁸⁵.

Таким образом, эти обстоятельства стали главными первопричинами трансформации образа офицера в представлениях российского общества в начале XX столетия.

На страницах отечественной периодики бытовали различные дискурсы об офицерском корпусе, существенно корректирующие и дополняющие образ офицера российской армии. Корреспонденты и публицисты оценивали по-разному поступки офицеров, как при выполнении профессиональных обязанностей, так и в повседневной жизни. Восприятие общественностью одного и того же действия офицера русской армии изменялось под воздействием различных событий. Динамичность образа офицера также находилась в зависимости от того, находилась ли страна в условиях мирного развития или военного конфликта. Так, в военное время интерес к офицерам и армии возрастал, в мирное же время шел по нисходящей линии. Во время войны при характеристике офицерского корпуса на первый план выходили оценки его профессиональных компетенций и навыков.

Ярким примером, подтверждающим усиление внимания российской общественности к службе офицерского корпуса во время военных действий, является Русско-японская война. По замечанию исследователей Ю.В. Куперта и А.В. Луценко, российское общественное сознание даже после начала войны с Японией оказалось неподготовленным ни к тяготам войны, ни к адекватному восприятию информации о деятельности государственной власти и вооруженных сил империи¹⁸⁶. Действительно, до начала военных действий на Востоке

---

¹⁸⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Кн.1. Т.1. Крушение власти и армии... С. 379.

¹⁸⁶ Куперт Ю.В., Луценко А.В. Роль общественного сознания в Русско-японской войне // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 1 (39). С. 16.

российская общественность была слабо знакома со страной восходящего солнца, надеялась на скорую победу. Впоследствии выяснилось, что и многие военачальники, не говоря уже о простых солдатах, отправленных на Дальний Восток, не имели четкого представления о географии региона, а также о военно-экономической мощи противника. Современник событий, корреспондент В. Агафонов отмечал, что «в начале войны особенно сильна была растерянность общества»¹⁸⁷. По его острому замечанию, только «противники всякой войны, всякой борьбы с оружием в руках, только они не растерялись; они с ясными глазами и чистым сердцем твердят свой зеркально-ясный символ веры: война есть зло, а люди, ведущую ее, совершают преступление»¹⁸⁸.

В связи с малой осведомленностью российской общественности о Японии, а также в целях популяризации в общественном сознании войны власть инициировала выход и тиражирование различных брошюр, заметок о военном противнике. По замечанию Е.С. Сенявской, еще до войны в сознании российской общественности сложился определенный образ японцев, как «азиатов», язычников (то есть «нехристиан») с одной стороны, и как «дикарей» и варваров (то есть отсталых культурно), с другой¹⁸⁹. Это уничижительное отношение к противнику особенно отчетливо проявилось на языковом уровне. Японцев называли не иначе как «япошками», «макаками», «желтолицыми обезьянами», «желтыми пигмеями», «узкоглазыми дикарями» и т.д.

Российская армия же на страницах периодической печати представлялась как одна из сильнейших в мире с героями-солдатами и лучшим командованием. Для поднятия боевого духа в российском обществе тиражировались всевозможные слухи о Японии в 1904 г. В частности, на страницах журнала «Мир божий» были опубликованы некоторые из них: «у японцев замечается недостаток артиллерийских снарядов, говорят о внутренних мятежах, угрожающих Японии в мае»¹⁹⁰. Для визуализации образа японцев в общественных представлениях

---

¹⁸⁷ Агафонов В. Мысли о войне // Мир божий. 1904. № 11. С. 29.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. С. 35.

¹⁹⁰ А.Б. Критические заметки // Мир божий. 1904. № 10. С. 2.

активно использовались карикатуры и лубочные издания с громкими заголовками «Русский богатырь на Востоке и желтые карлики», «Русский матрос отрубил японцу нос», «Не лезь к Порт-Артуру – береги свою желтую шкуру»¹⁹¹.

Однако, тех сведений, которые преподносились государственной властью и периодической печатью охранительного толка, было недостаточно. С началом войны на Дальнем Востоке стремительно увеличивающийся интерес общественности к событиям на фронте, жизни и службе армии и офицерства пыталась удовлетворить вся российская пресса. На страницах отечественных периодических изданий публицисты рассуждали о целях военной кампании на Востоке, выражали свое отношение к войне, характеризовали деятельность военачальников. Некоторые периодические издания начинают выпускать иллюстративные приложения, посвященные Русско-японской войне. Так, с 1904 г. начинает ежемесячно издаваться «Иллюстративная летопись Русско-японской войны» как приложение к журналу «Новый журнал иностранной литературы»¹⁹².

В одном из номеров «Вестника Европы» за 1904 г. при описании общественных настроений указывалось, что «известия о ходе военных действий ожидаются с лихорадочным нетерпением. Победа вызывает общий бурный восторг. Поражение – повергает в уныние»¹⁹³. Подобное отношение общества было зафиксировано и в журнале «Мир божий»: «Восемь месяцев войны! Восемь месяцев самого напряженного внимания, лихорадочного ожидания известий с далекой окраины, о которой еще год тому назад каждый из нас думал также мало, как о любом клочке наших дальних владений»¹⁹⁴.

Русско-японская война стала своеобразным экзаменом на сплоченность российского общества и армии. Первые поражения на фронте российскому обществу были представлены, как «случайная чья-то ошибка. Победы японцев вплоть до Лаояна были выставлены как роковые для японцев события,

---

¹⁹¹ Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века... С. 35.

¹⁹² Иллюстрированная летопись Русско-Японской войны: (по официальным данным, сведениям печати и показаниям очевидцев), с картами и планами, портретами, изображениями боевых эпизодов, рисунками из военно-походного быта. Спб., 1904–1905.

¹⁹³ D.W. Письма с дальнего Востока // Вестник Европы. 1904. № 8. С. 472.

¹⁹⁴ А.Б. Критические заметки // Мир божий. 1904. № 10. С. 1.

уготовляющую им конечную гибель»¹⁹⁵. Для одухотворения обывателей в прессе превозносились отдельные подвиги русских солдат. В частности, «памятна всем атака казаков, уничтоживших под Вафангоу эскадрон японских драгун. Долго спустя после этой битвы по разным газетным заметкам гарцевал казак с тремя японцами на пике»¹⁹⁶.

Следующее одно за другим поражение на Дальнем Востоке привели к распространению в сознании российской общественности пессимистических настроений. В разделе «Внутреннее обозрение» журнала «Русская мысль» в мае 1905 г. констатировалось: «В течение последнего месяца главный интерес русского общества по-прежнему сосредотачивался на войне. Шумных манифестаций не было, кроме торжественной встречи в разных городах возвратившихся моряков “Варяга” и “Корейца”, да и эта встреча получила под конец более печальный трагический оттенок под впечатлением известия о гибели “Петропавловска”, после которого отовсюду пошли уже сообщения только о панихидах по жертвам войны. Это панихидное настроение сделалось как бы выражением общественного сознания, что всякая война есть, прежде всего, всенародное бедствие»¹⁹⁷.

В российском обществе был поставлен закономерный вопрос, кто же виновен в провале военной кампании, как «желтолицые обезьяны» смогли победить одну из самых могущественных армий в мире? Корреспондент журнала «Военный сборник» С. Кудленко в одной из статей писал: «Неужели же русская армия, на подобии китайской и турецкой, начала клониться к упадку? Неужели же Русско-японская война является началом конца Великой России?»¹⁹⁸.

Многие отечественные публицисты пытались найти причины военных неудач именно в действиях российских офицеров. Так, на страницах «Военного сборника» была опубликована статья публициста Д. Баландина, который считал слабость полководцев главной причиной поражения в Русско-японской войне. Он утверждал, что «вечные колебания и нерешительность действий командующего

---

¹⁹⁵ А.Б. Критические заметки // Мир божий. 1904. № 10. С. 2.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1905. № 5. С. 195.

¹⁹⁸ Кудленко. С. Причины наших военных неудач в последней войне // Военный сборник. 1913. № 12. С. 55.

армией подорвали веру в твердость его решений»¹⁹⁹. Публицист С. Кудленко также обвинял русских офицеров в отсутствии активности. Он считал, что победа была бы за Россией, «если бы у высшего командования хотя бы на десять лишних часов хватило упорства в доведении начатого дела до конца»²⁰⁰.

Генерал-майор по адмиралтейству Н.П. Азбелев, публиковавший свои работы под псевдонимом Н.П.А. в журнале «Мир божий», указывал, что за последние 20 лет в среде морского офицерства произошли изменения. Он с горечью отмечал, что у них наблюдается не только равнодушие к своему делу, но как будто даже полное отсутствие интереса к нему. Генерал-майор подчеркивал, что «“отдельные ласточки не делают весны”, так и отдельные герои не всегда характеризуют корпорацию, к которой принадлежат, и часто погибают бесполезными жертвами обстановки, в недостатках которой неповинны»²⁰¹. Генерал-майор, оценивая результаты Русско-японской войны, считал неоспоримым фактом, что русские офицеры не увлекаются своей службой. По его мнению, все неудачи на море были подготовлены еще до войны и возвращены в мирное время.

Таким образом, поражение на фронте способствовало появлению в отечественной периодической печати разнообразных статей и заметок, в которых офицеры были представлены как слабые и бездарные командиры. Распространению и утверждению этих взглядов способствовали публицистические статьи, содержащие в себе описание случаев некомпетентного поведения отдельных представителей офицерского корпуса. Российская общественность воспринимала эту информацию и экспроприировала на всю офицерскую среду.

Национальной трагедией стала сдача японцам крепости Порт-Артур в декабре 1904 г. Одним из главных виновников в сдаче был объявлен генерал-адъютант, комендант военной крепости А.М. Стессель. Про него распространились различные слухи, в том числе о том, что он продал Порт-Артур

---

¹⁹⁹ Баландин Д. Дух и инициатива – выше всего // Военный сборник. 1914. № 11. С. 85.

²⁰⁰ Кудленко С. Причины наших военных неудач в последней войне // Военный сборник. 1913. № 12. С. 58.

²⁰¹ Н.П.А. По поводу гибели русских тихоокеанских эскадр // Мир божий. 1905. № 7. С. 40.

японцам за 16 млн. руб.²⁰² Для рассмотрения деталей сдачи крепости была образована следственная комиссия.

На примере этого сюжета прослеживается интересный факт о необходимости поиска виновных в национальной неудаче. А.М. Стессель был обвинен в необоснованной сдаче Порт-Артура японским войскам, за что был приговорен к расстрелу, позже наказание было изменено на десятилетнее заключение в Петропавловской крепости. За процессом следствия внимательно следила российская общественность. В консервативном «Вестнике Европы» сообщалось, что «Порт-артурский процесс – это крупный общественно-государственный факт в минувшем месяце. Еще даже не окончено судебное следствие, но какой бы приговор не был бы вынесен, он не удовлетворит общественного сознания, как не удовлетворил его приговор по аналогичному делу о сдаче эскадры Небогатовым»²⁰³. Уже через год, в 1909 г. император Николай II в день своего рождения помиловал А.М. Стесселя и контр-адмирала Н.И. Небогатова.

Данный правительственный маневр был осуществлен для умиротворения общественности, для свершения правосудия над виновниками, которых так стремительно пыталось найти российское общество. Об этом напрямую свидетельствуют записи в дневнике Николая II. После сдачи Порт-Артура император написал следующее: «Получил ночью потрясающее известие от Стесселя о сдаче Порт-Артура японцам ввиду громадных потерь и болезненности среди гарнизона и полного израсходования снарядов! Тяжело и больно, хотя оно и предвиделось, но хотелось верить, что армия выручит крепость. Защитники все герои и сделали более того, что можно было предполагать. На то значит воля Божья!»²⁰⁴. В дневниковой записи Николая Александровича от 17 февраля 1905 г. сообщалось: «Приехал Стессель – герой Порт-Артура и завтракал с нами. Много говорили с ним про осаду»²⁰⁵.

---

²⁰² Следственная комиссия по делу о сдаче крепости Порт-Артур японским войскам // РГВИА. Ф. 801. Оп. 122. Д. 51. Л. 1.

²⁰³ Из общественной хроники // Вестник Европы. 1908. № 1. С. 442–443.

²⁰⁴ Дневник императора Николая II. 1890–1906 гг. Берлин, 1923. С. 188.

²⁰⁵ Там же. С. 199.

В качестве подтверждения выступает сообщение А.М. Стесселя о том, что в заточении он находился в достаточно неплохих условиях. А.М. Стессель особую благодарность выражал подполковнику Иванишину, который, по его мнению, заботился о них, как о малых детях. Генерал-адъютант подчеркивал, что, когда его постиг удар, подполковник не отходил от него, ухаживал как сестра милосердия²⁰⁶.

Об освобождении узников было известно за сутки, и уже к моменту освобождения собралось большое количество корреспондентов и фотографов, в том числе и иностранных. Это свидетельствует о том, что порт-артурский процесс носил общественный резонанс. Данное положение подтверждает и тот факт, метко подмеченный корреспондентом «Петербургского листа», что «к вечеру 5-го мая весть об освобождении уже облетела весь город. Особенно горячо приняли эту весть члены кружка порт-артуровцев»²⁰⁷. «Ко времени своего освобождения А.М. Стессель получил более двух десятков поздравительных телеграмм, главным образом, от офицеров-артуровцев, в том числе и от подполковника Ясененского и Аноева, поручика Гринцевича. Еще большее количество приветственных и поздравительных телеграмм и писем получил Н.И. Небогатов от многочисленных друзей и знакомых, и просто сочувствующих. Масса народа из самых разнообразных общественных классов пребывала за последние два дня с выражениями своей симпатии в скромной квартире Небогатова у мало-калинкина моста»²⁰⁸.

Этот сюжет, связанный с громким осуждением и быстрым освобождением генерал-адъютанта А.М. Стесселя, свидетельствует о том, что власть не без помощи органов печати представила его в качестве одного из виновников поражения в Русско-японской войне. По мнению самого А.М. Стесселя, распространению подобных убеждений способствовала деятельность корреспондента «Нового края» Ножина, которого генерал-адъютант приказал

---

²⁰⁶ Следственная комиссия по делу о сдаче крепости Порт-Артур японским войскам // РГВИА. Ф. 801. Оп. 112. Д. 51. Л. 4.

²⁰⁷ Там же. Л. 17.

²⁰⁸ Там же. Л. 3.

арестовать «за раскрытие в своих статьях слабых мест русских укреплений, которые тем самым могли служить руководством для неприятеля»²⁰⁹.

Генерал-адъютант А.М. Стессель в интервью корреспонденту М. Дальнему заявил: «Меня удивляет, с какой легкостью повернулось общественное мнение ко мне спиной. Я понимаю, что военное министерство мечет на меня грома и молнии, оно видит во мне козла отпущения, но почему общество кричит вслед за моими обвинителями “распни, распни его”, не подождав суда, веря каждой сплетне, грязной и мелкой критике лиц заведомо меня ненавидящих, этого я понять никак не могу»²¹⁰.

Таким образом, одной из причин осуждения генерал-адъютанта А.М. Стесселя стала необходимость в удовлетворении требований российской общественности в наказании виновных в национальной неудаче. Дневниковые записи Николая II, поздравительные телеграммы на адрес А.М. Стесселя свидетельствует о том, что многие, прежде всего, участники обороны Порт-Артура были иного мнения о деятельности бывшего коменданта военной крепости.

В качестве еще одного своеобразного мифа, распространенного в российском обществе, являлось представление о поголовном пьянстве действовавшего офицерского корпуса на полях сражений в 1904–1905 гг. О серьезности данного обвинения свидетельствует заметка К. Рыбалко в «Русском инвалиде», которая представляет собой попытку опровергнуть данные представления об офицерстве. Он отмечал, что общество без проверки приняло сведения о том, что тыловые госпитали были наполнены 60% алкоголиков, о том, что именно старшие офицеры развращают молодежь и приучают ее к пьянству. К. Рыбалко был убежден, что это наложило огромное пятно на героев Русско-японской войны и было выгодно враждебным элементам армии. Он считал, что это неверное представление об офицерах было создано с помощью модных

---

²⁰⁹ Следственная комиссия по делу о сдаче крепости Порт-Артур японским войскам // РГВИА. Ф. 801. Оп. 112. Д. 51. Л. 2.

²¹⁰ Там же.

писателей, которые преследовали цель вырыть пропасть между армией и обществом²¹¹.

Таким образом, поиск виновных на страницах отечественной периодике способствовал утверждению мнения о некомпетентности и неудовлетворительном состоянии командного состава российской армии.

В своих воспоминаниях генерал-лейтенант М.В. Грулев отмечал, что «общество как будто разочаровалось в своей армии после войны с Японией. Под влиянием общества и пережитых ударов судьбы и в армии поколебалась вера в свои силы, гордость своими заслугами перед родиной. Когда в глазах окружающих и своих собственных улетучился вдруг ореол былой славы и померк нравственный престиж военной службы, осталось...только одно получаемое содержание, которое по своей мизерности показалось еще меньше при возрастающих требованиях службы»²¹².

Неясность причин войны, неудачный ход боевых действий и поражение русского оружия привели к появлению публицистических статей, в которых явно прослеживалось отвращение к войне и всему, что с ней связано. Один из гражданских публицистов в журнале «Мир божий» писал, что «у нас существуют в настоящее время, при всей нашей цивилизации, при величии науки и философии...у нас есть школы, в которых обучают убивать, убивать издалека, с совершенством, сразу как можно больше людей, убивать несчастных, невинных людей, обремененных семейством, не справляясь о прежней их жизни»²¹³. Он обвинял военных в том, что они ничего не сделали для доказательства хотя бы проблеска своей интеллигентности, и смогли только придумать пушки и ружья²¹⁴. Радикализация журнала «Мир божий» в связи с сотрудничеством с социал-демократами привела к созданию определенного оценочного ракурса. В данной мировоззренческой модели отсутствует необходимость в существовании армии и офицерского корпуса в том виде, в котором они были.

---

²¹¹ Рыбалко К. О пьянстве в армии // Русский инвалид. 1913. № 248. 19 ноября.

²¹² Грулев М.В. Злобы дня в жизни армии... С. 35.

²¹³ Агафонов В. Мысли о войне // Мир божий. 1904. № 11. С. 35.

²¹⁴ Там же. С. 36.

Совершенно иную картину мира представил публицист военной газеты «Русский инвалид». Оставив свою статью без подписи, публицист отмечал, что «в настоящее время, когда наши доблестные офицеры вместе с солдатами проливают кровь, в передовой печати придираются к малейшему поводу, чтобы чем-нибудь оскорбить, унижить офицерское звание. Некрасивые случаи с офицерами с особенным злорадством выставляются напоказ обществу и обобщаются. А о том, что в большинстве случаев, офицер несет тяжкое наказание, а также подвергается суду своих товарищей, суду чести об этом целенаправленно умалчивается»²¹⁵.

Критика офицеров, обвинения в некомпетентности привели к тому, что и в среде офицерства начали утверждаться представления о том, что именно они повинны в военном поражении России. Так, полковник Ладыженский в «Военном сборнике», характеризуя современный офицерский корпус, отмечал его слабость. Причину этого он видел в системе подбора командного состава. По его мнению, офицерский корпус комплектовался из офицеров, которые «по натуре своей были совершенно не военные»²¹⁶, а «хорошие знакомые и лично известные»²¹⁷ с отсутствием опыта службы в мирное время. Полковник Ладыженский считал, что «японцы победили нас не искусством, не техникой и не вооружением, а только нравственной силой, умеющей решаться и рисковать»²¹⁸. Анализируя причины поражения, полковник пришел к выводу, что неподготовленность офицеров представляла собой лишь одну из причин поражения в военной кампании 1904–1905 гг. Однако, по его мнению, «главная причина осталась далеко позади армии там на родине, имея корни в глубине времен, в глубине национального характера культуры»²¹⁹. Среди не менее значимых факторов, способствовавших поражению, он называл влияние доморощенной социальной пропаганды, которая заставила их прекратить войну²²⁰.

---

²¹⁵ Офицерский вопрос // Русский инвалид. 1905. № 113. 23 апреля.

²¹⁶ Ладыженский, полковник. О командном составе армии и системе его подбора // Военный сборник. 1906. № 10. С. 129.

²¹⁷ Там же. С. 139.

²¹⁸ Там же. С. 130.

²¹⁹ Там же. С. 139.

²²⁰ Там же. С. 132.

Военный публицист Е. Васильев, рассматривая причины военной неудачи, в качестве одной из главных указывал полную неготовность к войне с Японией. Однако, он считал, что в этой неподготовленности виновато все общество, а не отдельные личности. По мнению публициста, неподготовленность общества была обусловлена тем, что «мы не хотели никакой войны вообще; мало того, мы не верили даже в ее возможность, всеми силами открещивались от ее призрака»²²¹. В качестве аргумента он приводил в пример отечественную литературу за последние 20-25 лет, особенно после 1899 г. «При слове “ война” каждый старался заклеить ее бранными словами, доказать, что она должна исчезнуть, всякий старался поселить к ней отвращение. Кто говорил о возможности войны, ему зажимали рот, считая или за дикаря, или за беспокойного человека. Вот вам причины хулиганских выходок против армии и военных на улицах и в печати, вот почему про армию позволяют себе столько лжи, грубых инсинуаций и выливают помой на ни в чем неповинных безответных, но доблестных наших офицеров и солдат»²²².

Наряду с подобными, не персонифицированными актами обвинений из среды офицерства о действиях сослуживцев можно встретить и те, которые носили личный характер и имели конкретного адресата. В частности, в письмах от 11 ноября 1907 г. начальника Алексеевского военного училища генерал-майора В.Н. Горбатовского, командовавшего во время Русско-японской войны 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизией, к генерал-майору А.В. Фоку содержится вызов на дуэль за обвинение его в игре «в войну за врага». В.Н. Горбатовский писал: «Не могу не выразить своего удивления по поводу того, что вы позволили себе давать мне указания и высказывать свое обвинение, что “я играл в руку врагу” ... Вы с тремя полками стояли и безопытствовали, я все-таки был далек от мысли обвинять вас в игре в руку противнику, а просто хотел

---

²²¹ Васильев Е. Война как общественное явление // Военный сборник. 1906. № 3. С 75.

²²² Там же. С. 76–77.

объяснить об ошибочном понимании военного дела в смысле военной взаимной выручки»²²³.

О наличии взаимных обвинений и претензий докладывал в 1908 г. командир 2-го кавказского армейского корпуса генерал-адъютант П.И. Мищенко. Он утверждал, что «неудачный исход войны не мог сам по себе не пошатнуть армию. Война вообще разнуздывает людей, а неудачная деморализует их. К этой беде и присоединилась внутренняя смута небывалых размеров. Пошатнувшись авторитетом высшей власти и начальников, на которых всякая неудача падает тяжкими обвинениями, деятели смуты воспользовались со всей энергией и бесчестностью. Но хуже всего, что в руку этим людям сыграли мы, сами военнослужащие. Началась травля начальников друг друга, но не только со взаимными обвинениями, но и оскорблениями. В течение трех лет на глазах солдат в безбоязненном глумлении не только в обществе, но и в высоком учреждении – Государственной думе, было поругано все, что они считали неприкосновенный святыней, а министров и генералов уже не судили и рядили, а запросто гнали “вон”»²²⁴.

Распространению антивоенных и антимилитаристских настроений способствовала и революционная пропаганда накануне и в период революции 1905–1907 гг. Революционными партиями была организована работа с нижними чинами, издавались специальные листки для солдат, в которых содержались призывы вступить в ряды борцов с царским режимом. В частности, в одном из таких листков 1905 г., издаваемых военно-социалистической организацией при Рижском федеративном социал-демократическом комитете указывалось: «За последнее время наши командиры особенно часто толкуют нам солдатам о внутреннем враге и о наших солдатских обязанностях, заключающихся в том, чтобы окончательно забыть и вырвать из сердца все наши привязанности к нашему же брату рабочему и крестьянину. Нас вооруженных с ног до головы посылают сражаться с безоружной толпой, заставляют совершать гнусные

---

²²³ Следственная комиссия по делу о сдаче крепости Порт-Артур японским войскам // РГВИА. Ф. 801. Оп. 112. Д. 52. Л. 4.

²²⁴ Материалы о мерах по поднятию дисциплины в войсках // РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 822. Л. 11.

преступления против наших братьев. Но мы совершенно не знаем, в чем состоит вина тех рабочих, против которых так ополчаются наши командиры. Спрашивается, где же наше настоящее место?»²²⁵. Дискурс данного текста направлен на то, чтобы показать солдатам, что против безоружных рабочих и крестьян их направляют непосредственные командиры. Тем самым, создавая предпосылки для формирования образа офицера как главного защитника самодержавного строя.

Идеологи революционного движения при обращении к солдатской массе сравнивали их положение с заключенными, говорили о каторжной дисциплине, рукоприкладстве военачальников. Дискредитировать офицеров в глазах нижних чинов и представить их в качестве защитников самодержавного строя имело целью воззвание, вышедшее тиражом 15300 экземпляров, следующего содержания: «Попадешь в денщики сапоги чисти своему барину, помои выноси, барыне угождай, а в награду за все это получишь зуботычину, да крепко помянут твою матушку. Перед всякой сволочью должен вытянуться в струну, руку к козырьку и ждать, авось начальник съездит тебе по роже за то, что пуговица на шинели болтается или галстук съехал на сторону. Солдат у нас на войне с голоду мрет, ходит в рваных штанах и сапогах, зато отцы-командиры живут в довольстве. Живут наши командиры припеваючи, нас обкрадывают, да над нами издеваются. Долой войну! Долой самодержавие!»²²⁶. Цель подобных воззваний состояла в том, чтобы на основе обращения к общеизвестным явлениям и событиям в армии с помощью определенных знаков и символов, продемонстрировать и подчеркнуть негативные характеристики офицерства. К тому же в данном высказывании присутствует отсылка к уже существующим убеждениям в обществе об офицерах российской армии, в частности, об их материальном благополучии и достатке.

В другой солдатской памятке, выпущенной РСДРП в количестве 20000 экземпляров, подчеркивалось: «Когда кончится служба, ты вернёшься

---

²²⁵ О лицах, уличенных в политической неблагонадежности // РГВИА. Ф. 3147. Оп. 1. Д. 450. Л. 85.

²²⁶ Там же.

домой...твои родные, твои старые или новые товарищи тебя спросят: “Когда в нас целились солдатские ружья, ты где был?” ...Не народ твой враг, твой враг тот, кто заставляет стрелять тебя в народ...Если офицеры будут стрелять в народ, стреляйте в офицеров»²²⁷.

Таким образом, деятельность представителей революционных партий способствовала формированию у солдат чувства вины по отношению к народу, враждебного отношения к своим командирам, распространению представлений об офицерстве, как о враге, препятствовавшему установлению демократических прав и свобод.

Об утверждении подобных представлений не только у солдатской массы, но и у интеллигенции свидетельствует обращение членов Вольно-экономического общества к офицерам. Данное обращение было составлено и подписано 459-ю членами 9-го января 1905 г. в день начала Первой русской революции. Представители Вольно-экономического общества указывали, что России нужен новый основной закон, нужна конституция. По их мнению, «земские представители и городские думы, русская интеллигенция, купечество, учащаяся молодежь и рабочие массы – не только осознали, но уже и сформулировали эту потребность»²²⁸. Члены Вольно-экономического общества настаивали на том, что «существующее правительство давно было бы уже сметено с исторического пути, если бы русскому народу не были бы противопоставлены его собственные вооруженные силы»²²⁹. Обращаясь к офицерам, они указывали: «Вы учились на средства народа, получаете жалование из народной казны. Штыки и ружья куплены на народные деньги. Вы сами дети этого народа, а вас посылают убивать своих братьев и сестер. Офицеры русского войска, вдумайтесь, что произошло. Офицеры русского войска, вы люди долга, вы взяли на себя великую обязанность отдать, если нужно, даже жизнь за Отечество. Спросите же вашу совесть: где ваше место?»²³⁰».

---

²²⁷ Листовки РСДРП и партии эсеров к солдатам (февраль 1905–сентябрь 1907 гг.) // РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 2011. Л. 1.

²²⁸ Там же. Л. 2.

²²⁹ Там же.

²³⁰ Там же.

В ответном письме представители офицерского корпуса указывали, что «их место в рядах честной и самоотверженной России, но подчеркивали, что их положение очень тяжело. Военная школа, привилегированность положения, внешние блёстки и отличия, и невозможность быть незамеченным в толпе – все это весьма благоприятно для того, чтобы военная среда в массе своей была чужда интересам народа, думали и чувствовали совершенно иначе, чем честная и самоотверженная Россия. Они призывали: “Если хотите армию родной по мыслям вам и чувствам, то не отказывайтесь от участия в жизни этой армии. Не ограничивайтесь рассылкой воззваний и прокламаций, а сближайтесь с офицерами и солдатами”»²³¹.

Участие офицеров в подавлении революционных выступлений способствовало формированию в общественном сознании образа офицера как главного защитника царского режима. Данное положение подтверждают размышления одного из офицеров, отправившего письмо без подписи в редакцию газеты «Сын отечества». В своем письме он указывал, что «звание офицера-гражданина не совместимо со слугою полиции, опричника. На нас все пальцами показывают, кричат нам вслед: “Смотрите они в крови”. Про нас говорят, что мы примкнули к реакционному движению и мстим за то, что нас разбили на полях Манчжурии, поэтому мы хотим отличиться на полях российских, избивая и поощряя к избиению лучших граждан отечества»²³².

Прямым последствием репрезентации именно такой социальной реальности, в которой офицеры российской армии выступали некомпетентными, бездарными руководителями, стало ухудшение их социального самочувствия.

27 февраля 1906 г. по инициативе военного министра А.Ф. Редигера был вновь создан Комитет по образованию войск при Военном совете, главная задача которого заключалась в обсуждении направлений всестороннего развития и обеспечения войск. В фондах Российского государственного военно-исторического архива хранятся материалы о деятельности Комитета, главным

---

²³¹ Листовки РСДРП и партии эсеров к солдатам (февраль 1905–сентябрь 1907 гг.) // РГВИА. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 2011. Л. 2.

²³² Письма в редакцию // Сын отечества. 1905. № 224. 10 ноября.

образом, собраны доклады, записки, рапорты военачальников о причинах упадка и мерах поднятия дисциплины в войсках. Так, командир 6-го армейского корпуса писал председателю комитета по образованию войск А.П. Скугаревскому: «Никогда упадок дисциплины не проявлялся в такой сильной степени как во время войны и особенно после войны. Вернувшаяся с войны часть бывает расстроена не только материально, но и морально»²³³. Из его доклада 1908 г. следовало, что в наиболее затруднительном положении находились именно армейские офицеры. Он указывал, что «при всей их обездоленности упадка дисциплины в среде их не наблюдается, но нельзя не признать упадка духа, равнодушного отношения к службе, апатии, безнадежности, упадка энергии»²³⁴.

Одним из проявлений ухудшения социального самочувствия представителей офицерского корпуса стал феномен «бегства» офицеров из армии, появление которого в начале XX в. было зафиксировано на страницах отечественной публицистики и в воспоминаниях самих офицеров.

Один из известных публицистов начала XX в. М.О. Меньшиков посвятил жизни армии серию работ, в одной из которых он затронул проблему «бегства» офицеров из армейских рядов. М.О. Меньшиков неоднократно подчеркивал, что «бегство офицеров из армии необходимо остановить! Сказать страшно, до какой степени увеличились местами некомплекты. В то время как в адской войне последней офицеры гибли тысячами – и не бежали, – сейчас, в мирное время, они бегут от каких-то условий хуже шимоз и пулеметов»²³⁵. Публицист отмечал, что в качестве главной первопричины появления феномена выталкивания из армии являлась не физическая, а нравственная сила. М.О. Меньшиков в своей статье с громким названием «Остановите бегство» указывал на то, что после Русско-японской войны офицеры краснели в обществе, чувствовали себя неловко даже в своем кругу. Отечественный публицист, бывший военный, считал, что необходимо было изменить психологические условия офицерской службы,

---

²³³ Материалы о мерах по поднятию дисциплины в войсках // РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 822. Л. 1.

²³⁴ Там же. Л. 6.

²³⁵ Меньшиков М.О. Остановите бегство // Письма к русской нации. М., 1999. С. 33.

сделать ее интересной, отодвинуть позор войны и вернуть почет²³⁶. Только осуществление этих мер, по мнению М.О. Меншикова, было способно остановить бегство.

Генерал-лейтенант российской армии М.В. Грулев считал, что некомплект офицерского корпуса был и раньше, к тому же, по его мнению, необходимо учитывать и потери офицеров за годы войны²³⁷. Некомплект командного состава был связан и со способом комплектования, поскольку офицеры преимущественно были выходцами из дворянского сословия, которое к началу XX в. стало предпочитать военной карьере гражданскую. Но тем не менее М.В. Грулев в своих воспоминаниях указывал, что подобное малодушие, разочарование в профессии для офицера граничит с преступлением. Он подчеркивал, что «если теперь у нас в армии находятся малодушные люди, которые поникли головой под гнетом пережитых неудач, то они бесспорно достойны занять место на страницах юмористических журналов»²³⁸. Генерал-лейтенант М.В. Грулев с сожалением отмечал, что уходили из армии не только молодые офицеры, но и старшие начальники, на решение которых повлияло ущемленное самолюбие. По замечанию П.А. Зайончковского, «к апрелю 1914 г. по штатному расписанию не хватало 3380 человек, т.е. некомплект офицеров в армии составил 8%»²³⁹. Это свидетельствует о том, что бегство офицеров из армии представляло действительно серьезную проблему, которая не была решена до начала Первой мировой войны.

Участник Русско-японской войны, генерал-майор К.И. Дружинин, занимавшийся изучением душевного состояния воинов на разных этапах войны, также отмечал, что многие боевые офицеры покинули ряды армии. Он подчеркивал, что уходили, прежде всего, те, которые действительно исполнили свой долг²⁴⁰. Военный деятель и публицист указывал на то, что «Родина под конец войны была неблагодарна армии, не ценила ее жертв и готова была даже не

---

²³⁶ Меншиков М.О. Остановите бегство... С. 33.

²³⁷ Грулев М.В. Злобы дня в жизни армии... С. 36.

²³⁸ Там же.

²³⁹ Зайончковский П.А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны... С. 24.

²⁴⁰ Дружинин К.И. Исследование душевного состояния воинов в разных случаях боевой обстановки по опыту Русско-японской войны 1904-05 гг. СПб., 1910. С. 7.

доставлять ей необходимейших средств для достижения боевых успехов»²⁴¹. По его мнению, небольшая часть, конечно, не истинно русских граждан, воспользовалась неудачами войны и позволила себе глумиться над армией

Видный деятель Белого движения П.Н. Краснов во время Русско-японской войны был военным корреспондентом газеты «Русский инвалид». Рассуждая о причинах неудачи Мукденской операции, он указывал, что Россия не была готова к войне, армия не верила в ее возможность и не желала к ней готовиться. Генерал-майор в своей заметке обратил внимание на то, что теперь весьма немногие дворянские семьи отдают своих сыновей на военную службу, большинство находят эту службу невыгодной и ищут других профессий для своих детей. Он считал, что при такой постановке вопроса о выгодности и невыгодности военной службы, уже нельзя требовать от офицера прежней доблести. По его мнению, в ряды армии стали проникать люди, которые служили не по убеждению, что военная служба высока и благородна, а потому, что находили военную службу просто выгодной²⁴². П.Н. Краснов был убежден, что «армию нельзя лечить. Армия – это общество. Когда общество поймет, что на военной службе должны быть не худшие, а лучшие, тогда не будет поражений»²⁴³.

В одной из заметок военной газеты «Русский инвалид», опубликованной значительно позже, в 1914 г., посвященной докладу общества психиатрии было указано, что «самоубийства офицеров за последние годы держатся приблизительно на одном уровне, за исключением лишь 1906–1907 гг., когда кривая их дала заметный скачок вверх»²⁴⁴. По данным С.В. Волкова, количество самоубийств офицеров составляло в 1910 г. – 72, 1911 г. – 90, 1912 г. – 84. При этом в эти годы умерло офицеров 377, 418 и 399²⁴⁵ соответственно. Это свидетельствует о том, что в период уже мирного развития и по истечении некоторого времени после Русско-японской войны самоубийства в офицерской

---

²⁴¹ Дружинин К.И. Исследование душевного состояния воинов... С. 62.

²⁴² Краснов П.Н. На войне. Причины неудачи Мукденской операции // Русский инвалид. 1905. № 97. 7 апреля.

²⁴³ Там же.

²⁴⁴ Печальное явление // Русский инвалид. 1914. № 1. 1 января.

²⁴⁵ Волков С.В. Русский офицерский корпус... С. 390.

среде от общего количества смертей находились на уровне 19–21%, соответственно в 1906–1907 гг. этот показатель был несколько выше.

Таким образом, после поражения в Русско-японской войне и участия армии в подавлении Первой русской революции происходит ухудшение социального самочувствия офицеров. Это проявилось в снижении популярности профессии военного и изменении статуса и положения в обществе. Данный факт подтверждают неоднократные оскорбления, избиения офицеров представителями мира штатских в период революционных событий 1905–1907 гг.²⁴⁶. К этому времени относятся первые трансформации представлений не только общества об офицерах, но и самих военачальников о самих себе и своем назначении в современном мире. Распространившиеся в обществе и в среде офицерства представления о неудовлетворительной подготовке командного состава способствовали поиску путей выхода из сложившейся ситуации.

1.2 Общественная критика офицерства в контексте изменений российской государственности в 1905–1907 гг.

В начале XX в. происходили изменения глубинных основ сознания российской общественности. Поражение в Русско-японской войне, ухудшение социально-экономического положения основной массы населения привели к усилению народного недовольства правительственным курсом. Отрицательное отношение общественности к внутренней и внешней политике, проводимой Николаем II, вылилось в Первую русскую революцию 1905–1907 гг.

Революция 1905–1907 гг. поколебала устои самодержавного строя. Манифест 17 октября 1905 г. даровал российским обывателям первые демократические свободы, в том числе свободу слова и право на организацию политических партий. Но уже до принятия Манифеста публицистика и отечественная периодика начали играть значимую роль в общественно-политической жизни Российской империи.

---

²⁴⁶ Кожевин В.Л. Российское офицерство... С. 56.

Публицистические работы не только освещали актуальные вопросы жизни Российского государства, но и служили одним из источников формирования коллективных представлений. В это время одной из центральных проблем, волновавших российское общество, был «офицерский вопрос». Он включал в себя обсуждение проблем, связанных с мировоззрением, традициями, ценностями, бытом и повседневной жизнью, а также с взаимоотношениями офицеров между собой, с нижними чинами и с другими социальными группами.

Поиск виновных в поражении в войне 1904–1905 гг., антимилицаристские настроения в обществе привели к полемике на страницах отечественной печати о морально-нравственном состоянии, общественном положении офицерства. Началом полемики об офицерстве, развернувшейся на страницах отечественных военных и гражданских периодических изданий, стал выход в свет в мае 1905 г. повести А.И. Куприна «Поединок». Повесть, разоблачающая пороки офицерской корпорации русской армии, имела небывалый успех. «Поединок» А.И. Куприна привлек внимание не только гражданской, но и военной общественности, что нашло отражение в серии публицистических статей. Стоит отметить, что художественные тексты являлись источником формирования социокультурного уровня бытования²⁴⁷ образа офицера. В рамках настоящей работы обращение к повести необходимо с точки зрения ее влияния на конструирование образа офицера на страницах прессы.

«Поединок» А.И. Куприна посвящен жизни и службе офицерского корпуса 1890-х гг. одного пехотного полка, расположенного в провинциальном городке. Безусловно, российская общественность в той или иной мере была знакома со спецификой военного быта и поведением офицеров. Необходимо отметить, что в художественной литературе еще до публикации «Поединка» освещались стороны бытовой и профессиональной жизни офицерства. В частности, в рассказе А. Венчикова «Дело чести»²⁴⁸ центральной темой была дуэль и отношение к ней в офицерской среде. Сюжетная линия рассказа К. Тхоржевского «Отец-

---

²⁴⁷ Родигина Н.Н. Образ Сибири в русской журнальной прессе... С. 20.

²⁴⁸ Венчиков А. Дело чести // Мир божий. 1893. № 9. С. 77–87.

командир»²⁴⁹ строится на описании взаимоотношений между командиром и солдатом. Эти работы знакомили общественность с традициями военной корпорации и не порождали дискуссий об офицерстве.

Публикация повести в военном 1905 г., наполненном поражениями и неудачами на фронте, наполнила текст особым смыслом и привела к широким дискуссиям об офицерах российской армии. В тексте повести содержались явные и неявные элементы критического дискурса против военачальников. Критический дискурс оказывал влияние на восприятие действий и поступков представителей офицерского корпуса в общественном сознании. Текст повести пользовался огромной популярностью в связи со знанием о тексте и о реалиях современного мира. Поскольку А.И. Куприн являлся бывшим поручиком, то читатели были убеждены, что он действительно знаком с нравами и бытом российского офицерства. Литературные критики и публицисты отмечали, что «офицерский быт Куприну знаком близко, до интимности, до мелочей, штрихов и тех случайностей, тех пустяков, которые пугливо, как воры хоронятся от постороннего взгляда»²⁵⁰.

Главная идея повести заключалась в разоблачении существующих в офицерской среде пороков и недостатков. Бывший поручик, Александр Иванович Куприн в своей работе через поступки и мысли своих главных героев – Ромашова, Назанского, супругов Николаевых и др. представил обществу самые отрицательные характеристики офицеров российской армии. А.И. Куприн заявил о непреодолимой стене отчуждения между военными и штатскими, о высокомерии офицеров к другим социальным группам. Для усиления своей аргументации Куприн добавляет в сюжетную линию ряд живописных примеров о том, как офицеры, защищая свою честь и достоинство, применяют к штатским физическую силу и оружие.

Гипертрофированная критика А.И. Куприна затронула внутреннюю среду офицерства, их мировоззрение, ценности и традиции. Писатель изобразил быт

---

²⁴⁹ Тхоржевский К. Отец-командир // Русский вестник. 1888. № 11. С. 134–150.

²⁵⁰ Пильский П.М. «Во мраке касты» («Поединок» Куприна) // Русская мысль. 1905. № 11. С. 65.

офицерского корпуса, как «непрекращающуюся череду попок»²⁵¹, сопровождающуюся карточными играми. По его мнению, «все офицеры, за исключением немногих честолюбцев и карьеристов, несли службу как принудительную, неприятную, опротивевшую барщину, томясь и не любя ее»²⁵². Автор через диалог Назанского с Ромашовым дает ответ на вопрос, почему же тогда офицеры не покидали ряды армии. Они служили только потому, что «им с детства твердили, да и теперь все кругом говорят, что самое главное в жизни – это служить и быть сытым и хорошо одетым. Они несли эту повинность только потому, что ничего другого они делать не умели и не могли»²⁵³.

«Поединок» А.И. Куприна имел небывалый успех. Критические отзывы и оценки повести на своих страницах разместили около двух десятков гражданских периодических изданий таких, как «Образование», «Русская мысль», «Петербургская газета», «Московские ведомости» и др. Российская общественность восприняла повесть А.И. Куприна по-разному, но по замечанию В.Д. Миленко, «равнодушных по отношению к повести А.И. Куприна не было»²⁵⁴.

Мнение российской общественности, как и офицеров, разделилось. Вслед за повестью на страницах отечественных периодических изданий вышло значительное число трудов, посвященных офицерскому корпусу. Публицисты отечественных периодических изданий выступили с острой критикой различных компонентов повседневной жизни и службы российских офицеров.

Сторонниками А.И. Куприна преимущественно являлись публицисты гражданских периодических изданий, среди которых особенно стоит отметить П.М. Пильского и В. Львова. В своих отзывах они обращались к офицерам императорской армии не иначе как, к «господам», «жрецам милитаризма», «гидре милитаризма», «членам мертвой касты», «тупым рутинерам», «недоучкам». По замечанию В. Львова, «Александр Куприн поднял вопрос о жрецах и жертвах милитаризма. С высоких вершин переживаемого момента, с великою силой возмущенного человека бросает художник мертвой касте свое грозное “я

²⁵¹ Куприн А.И. Поединок и др. М., 2014. С. 65.

²⁵² Там же.

²⁵³ Там же. С. 54.

²⁵⁴ Миленко В.Д. Куприн. Возмутитель спокойствия. М., 2016. С. 103.

обвиняю». Художнику до тонкости удалось изучить и воспроизвести язык, идеалы, чувства военной касты, удалось показать этих «жрецов» и при отправлении служебных обязанностей, и в часы досуга, и в моменты аффекта. Читатель, который раньше был знаком с военной средой лишь понаслышке или замечал только внешние черты замкнутой касты, благодаря жизненным образам художника, как бы переносится в эту среду, прикасается душой к ее печалю и горестям, живет в этой касте, и видит ее суть»²⁵⁵. По мнению В. Львова, жизнь и служба офицеров была наполнена подогретым весельем, исполнением «служебного долга» и бегством от себя. Публицист в заключении отмечал, что «офицеры привыкли себя считать чем-то более значительным, чем остальные. Отсюда это стремление идти впереди других классов, отсюда все большее отчуждение офицерства от народа»²⁵⁶.

П.М. Пильский утверждал, что «офицеры сами себя загнали в тесный и душный курятник замкнутости и отчуждения»²⁵⁷. Публицист считал, что в современных условиях не может быть не только слияния офицеров и общества, но даже соприкосновения. П.М. Пильский сравнивал офицерский корпус с замкнутой кастой, обособленной, одинокой, отделенной от мира людей, плотно закупорившейся в темноте²⁵⁸.

Как правило, в первую очередь со стороны публицистов критике подвергались способ комплектования офицерского корпуса, его традиции и мировосприятие. Вслед за А.И. Куприным они упрекали офицерский корпус в замкнутости, отсутствии вольной мысли, слепом следовании мертвым правилам. По мнению приверженцев этой точки зрения, для офицерства идеалом выступали люди-автоматы, не осознающие собственного «я».

Среди сторонников «Поединка» А.И. Куприна кроме публицистов гражданских периодических изданий можно было встретить и немало представителей офицерского корпуса, которые в полной мере или частично соглашались с образом высшего командного состава и описанием военного быта в

---

²⁵⁵ Львов В. Жрецы и жертвы // Образование. 1905. № 7. С. 86.

²⁵⁶ Там же. С. 89.

²⁵⁷ Пильский П.М. Армия и общество (Элементы вражды и препятствий) // Мир божий. 1906. № 8. Ч. 3. С. 215.

²⁵⁸ Там же. С. 222.

«Поединке». Так, группа офицеров Петербургского военного округа уже в конце мая отправила А.И. Куприну официальный благодарственный адрес с двадцатью подписями²⁵⁹.

Многие офицеры в сложившейся обстановке, подавленные поражением в Русско-японской войне, восприняли «Поединок» как личное оскорбление. После публикации повести известны случаи вызова на дуэль «бытописателя», а бывшие сослуживцы Александра Куприна, офицеры 46-го Днепровского полка направили ему протест, поскольку в главных героях они увидели себя. Нелестные замечания в адрес А.И. Куприна высказал генерал П.А. Гейсман. Он настоятельно рекомендовал автору в своем творчестве не писать о тех вещах, от которых он далек²⁶⁰. П.А. Гейсман неоднократно подчеркивал, что прототипом повести А.И. Куприна стал роман немецкого лейтенанта Бильзе «В маленьком гарнизоне». В интервью с корреспондентом «Петербургской газеты» А.И. Куприн активно отрицал не только факт заимствования идеи для своей повести, но и то обстоятельство, что он вообще был знаком с романом Бильзе. По мнению генерала П.А. Гейсмана, «писатель взял сцены из действительной офицерской жизни и преднамеренно их исказил, поскольку в современных условиях в обществе стали востребованы произведения обличительного толка»²⁶¹.

На стороне защиты традиций офицерского корпуса выступил и ряд публицистов гражданских периодических изданий. Одним из главных защитников стал сотрудник «Московских ведомостей» А.И. Введенский (псевдоним А. Басаргин). Русский писатель и философ оценил «Поединок» как «прикрытую проповедь антимилитаризма, полный неряшливых инсинуаций памфлет, главная цель которого заключалась в том, чтобы военные усомнились в правильном выборе своей профессии»²⁶².

²⁵⁹ Миленко В.Д. Куприн. Возмутитель спокойствия... С. 102.

²⁶⁰ Гейсман П.А. «Поединок» - г. А. Куприна и современные фарисеи с точки зрения критики. СПб., 1905. 29 с.

²⁶¹ Гейсман П.А. «Поединок» - г. А. Куприна и современные фарисеи с точки зрения критики // Русский инвалид. 1905. № 180. 11 августа.

²⁶² Басаргин А. Литературная вылазка против военных // Московские ведомости. 1905. № 137. 21 мая.

Таким образом, как среди сторонников «Поединка», так и среди его противников имелись представители и офицерской корпорации, и гражданские лица.

Многие же представители гражданской и военной общественности заняли позицию умеренной критики. В целом соглашаясь с некоторыми выводами Куприна, они считали, что критика писателя носила гипертрофированный характер. Сторонники этой точки зрения видели главную цель повести Куприна в осуждении военного быта и закона 1894 г. «О поединках в войсках»²⁶³, в соответствии с которым офицерский корпус действительно был поставлен в особое положение.

Соглашаясь с Куприным в наличии недостатков в военном быту, приверженцы умеренной позиции, говорили о том, что не следует сосредотачивать свое внимание только на дефектах корпорации офицеров, поскольку другие круги общества также не свободны от них²⁶⁴.

Один из центральных сюжетов произведения А.И. Куприна – это вопрос о дуэли, отношение офицеров к этой традиции. Но публицисты подчеркивали, что данная проблема не являлась новой. Литературный критик «Русского вестника» Н.Я. Стечкин²⁶⁵ необходимость в офицерских дуэлях обосновывал тем, что «офицеры должны заботиться не только о своей личной чести, но и чести полковой, чести знамени и мундира»²⁶⁶. Именно эта необходимость требовала сохранения этой привилегии в офицерской среде. По мнению публициста, А.И. Куприн намеренно искажил и преувеличил злоупотребления офицеров в применении оружия. Он считал, что «пьяные офицеры могли это сделать, но они всегда несли кару»²⁶⁷. Публицист Н.Я. Стечкин отмечал, что Куприн «с циничной злобой изображает непозволительное поведение пьяных офицеров, изгнание из вертепа штатских посетителей, разгром помещения, оскорбления публичных

---

²⁶³ «Правила о разбирательстве ссор, случающихся в офицерской среде» от 13 мая 1894 г. // ПСЗ. Собр. 3. Т. 14. № 10618.

²⁶⁴ Стародум Н.Я. Журнальное и литературное обозрение // Русский вестник. 1905. № 6. С. 691.

²⁶⁵ Публицист Н.Я. Стечкин публиковал свои работы под псевдонимом Н.Я. Стародум // Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. [Электронный ресурс]: в 4 т. М., 1956–1960. URL: <http://feb-web.ru/feb/masanov/default.asp> (дата обращения 14.03.2018).

²⁶⁶ Стародум Н.Я. Журнальное и литературное обозрение // Русский вестник. 1905. № 6. С. 693.

²⁶⁷ Там же.

женщин...Возмутительные выходки, которые могли происходить в разное время, приурочены к одному вечеру. Офицеры изображены какими-то пугачевцами, в пьяном угаре крушащими все на своем пути и нетерпимыми ни в каком гражданском общежитии»²⁶⁸. Публицист считал, что такой скандал при всех установленных условиях мог произойти. Однако, Н.Я. Стечкин был убежден, что после первых же оскорблений, он был бы остановлен офицерами²⁶⁹.

Публицисты, избравшие путь умеренной критики офицерского корпуса, настаивали на том, что А.И. Куприн намеренно искажал и преувеличивал злоупотребления офицеров, все недостатки военного сословия. По их мнению, писатель не оставил без порицания и без карикатуры ни одно из проявлений офицера в службе или жизни, лишь потому что эта среда была ненавистна писателю.

Полковник А. Дрозд-Бонячевский в работе ««Поединок» Куприна с точки зрения строевого офицера» в некоторых моментах также соглашался с А.И. Куприным. Автор не отрицал существующей розни между нацией и армией, которая «зачастую переходила даже в глухую вражду и взаимное недоверие»²⁷⁰. Причину отчужденности от общества он видел в аполитичности офицерского корпуса, которая существовала не из-за безразличия армии к вопросам народа, а из-за основных принципов службы. По мнению офицера, именно офицерскому корпусу отводилась главная роль в преодолении этой незримой стены. А. Дрозд-Бонячевский подчеркивал, что «офицер как член общества своим безукоризненным поведением, воспитанием, неустанной работой над собой, должен везде и всегда оправдывать свое исключительно почетное положение»²⁷¹. Но автор признавал, что, к сожалению, не все офицеры удовлетворяли вышеизложенным критериям.

Дрозд-Бонячевский предлагал провести реформы воспитания и образования в корпусах и училищах, где, по его мнению, закладывались основы будущей

---

²⁶⁸ Стародум Н.Я. Журнальное и литературное обозрение // Русский вестник. 1905. № 6. С. 716.

²⁶⁹ Там же. С. 717.

²⁷⁰ Дрозд-Бонячевский А.И. «Поединок» Куприна с точки зрения строевого офицера [Электронный ресурс]: URL: <http://militera.lib.ru/science/vs17/26.html>. (дата обращения: 13.01.2017).

²⁷¹ Там же.

профессии. Полковником также предлагалось повысить внимание к воспитанию патриотизма, любви к Родине и всем тем нравственным элементам, которые неразрывно связаны с ролью будущего офицера и начальника. В повышении образовательного ценза для офицеров он видел один из способов улучшения военной жизни. Возможность введения этой меры была обусловлена тем, что в начале XX в. среди офицеров стали преобладать выходцы из разночинной среды, которые в большинстве своем не получили основательного и систематического военного воспитания, и образования. А. Дрозд-Бонячевский заявлял: «Пусть лучше некомплект офицеров, чем комплект с такими личностями, каковы офицеры “Поединка”!²⁷²».

Таким образом, публикация «Поединка» А.И. Куприна в военном 1905 г. привела к публицистической полемике об офицерстве. Сложилась своеобразная ситуация, когда дискурс, представленный на страницах периодических изданий, с одной стороны – был сформирован под влиянием определенных событий реальной жизни, в частности, поведением самих офицеров в быту и на фронте, участием в подавлении революционных выступлений, а с другой – критический дискурс против офицеров выступил в качестве источника формирования этой реальности, в которой офицеры российской армии были представлены как противники установления демократических прав и свобод.

Эта публицистическая полемика, развернувшаяся на страницах российских журналов и газет, способствовала тому, что периодические издания в начале XX в. превратились теперь не только в главный информационный ресурс, но и стали площадкой для обмена мнениями по общественно значимым проблемам. Периодика не только выражала общественное настроение, она стала формировать его и влиять на его изменения.

После публикации «Поединка» и отзывов на повесть, в которых уже содержалась критика офицерского корпуса, стали появляться самостоятельные работы критического толка. Их целью являлось обсуждение положения и жизни

---

²⁷² Дрозд-Бонячевский А.И. «Поединок» Куприна с точки зрения строевого офицера [Электронный ресурс]: URL: <http://militera.lib.ru/science/vs17/26.html>. (дата обращения: 13.01.2017).

военачальников. Проблема взаимоотношений представителей офицерского корпуса с миром штатских в 1905–1907 гг. стала отдельным предметом для полемики между гражданскими и военными периодическими изданиями. Ряд статей освещению этого вопроса посвятил один из главных критиков офицерского корпуса П.М. Пильский. Он активно отстаивал позицию того, что офицерство отождествляло себя с привилегированной социальной группой, «особой расой», отмеченной высшей печатью, со своеобразной миссией в жизни²⁷³. Так, со страниц периодической печати активно транслировалась идея о том, что все, кто оказывался вне «касты» становились жертвами милитаризма.

Анализ дискурса публицистических статей П.М. Пильского, объединенных общим названием «Армия и общество», опубликованных в 1906 г. в журнале «Мир божий» показал, что автор при характеристике офицерского корпуса использовал концепт «касты». Необходимо отметить, что эта серия работ П.М. Пильского представляла собой уже не критический отзыв на повесть А.И. Куприна, а являлась одной из первых самостоятельных работ, разоблачающих недостатки офицерского корпуса.

П.М. Пильский считал, что кастовость офицерства заключалась, прежде всего, в ограничении «входа» и «выхода» в военное сословие, для которого сохранение традиций, обрядов являлось условием существования. В свою очередь, сохранение воинских традиций выступало источником формирования особого уклада духа в офицерской среде. Публицист неоднократно подчеркивал, что отличительной чертой этого офицерского духа «был вечный поиск личных выгод, страх перед любыми реформами и улучшениями»²⁷⁴.

П.М. Пильский считал, что военная каста обладала особым набором привилегий, что особенно отчетливо проявлялось во взаимоотношениях с представителями других социальных групп. По его мнению, взаимодействие офицеров с миром штатских лиц базировалось на строгом соблюдении особых правил высокомерного и презрительного поведения. Автор неоднократно

---

²⁷³ Пильский П.М. Во мраке касты // Русская мысль. 1905. № 11. С. 70.

²⁷⁴ Пильский П.М. Армия и общество // Мир божий. 1906. № 8. Ч. 1. С. 207.

указывал и приводил примеры того, как за противоправные действия офицеры наказывались лишь разжалованием или временным отстранением от должности.

С негативной точки зрения публицистом было оценено и понятие о чести офицера. По мнению П.М. Пильского, «оно носило ложный, уродливый характер и проявлялась в офицерской среде, прежде всего, в гордости за безнаказанность при оскорблении и избиении штатских, в стремлении выслужиться, в дуэлях»²⁷⁵. Публицистические статьи П.М. Пильского вызвали широкий резонанс в общественном мнении. В данном случае приходится говорить о том, что критический дискурс П.М. Пильского об офицерстве, скорее всего, обусловлен его собственной картиной мира, а не политической ориентацией периодического издания. На этом примере отчетливо прослеживается влияние и соприкосновение индивидуального и идеологического уровней бытования образа офицера.

В контексте изменения российской государственности начался процесс рефлексии, осмысления данных критических замечаний. Офицерами эта критика была оценена как несправедливая. Но и не все публицисты были согласны с П.М. Пильским, либо поддерживали лишь часть его воззрений.

Известный публицист начала XX в. М.О. Меньшиков посвятил серию работ проблемам армии, в том числе и офицерскому корпусу. Из-под его пера вышли такие работы, как «Воспитание энергии», «Как работать?», «Что такое касты?», «Маниловщина в армии» и многие другие.

В частности, М.О. Меньшиков, обращаясь к проблемам офицерства, также указывал на его кастовость. Но в отличие от П.М. Пильского М.О. Меньшиков отмечал, что для современности характерен процесс специализации различных областей деятельности, и не только профессия офицера приобрела замкнутый характер²⁷⁶. Для него кастовость – это «возможность изучить свое ремесло до степени искусства, что особенно важно для офицеров, которые, по его мнению, являлись главными носителями аристократических принципов и заветов рыцарства»²⁷⁷. Как уже отмечалось ранее, офицерский корпус российской армии в

---

²⁷⁵ Пильский П.М. Армия и общество // Мир божий. 1906. № 8. Ч. 1. С. 221.

²⁷⁶ Меньшиков М.О. Что такое касты? // Письма к русской нации. М., 1999. С. 17.

²⁷⁷ Меньшиков М.О. Воспитание энергии // Там же. С. 228.

начале XX в. не представлял собой замкнутой касты и комплектовался из разных социальных групп. К тому же офицерский корпус не был однородным и не обладал внутренним единством. «Гвардеец относился к армейцу с холодным высокомерием. Обиженный армеец завидовал гвардии и не питал к ней братских чувств. Кавалерист смотрел на пехотинца с высоты своего коня, да и в самой коннице наблюдался холодок между регулярными и казаками. Артиллеристы жили своим строго обособленным мирком, и то же можно сказать о саперах... все строевые, наконец, дружно, ненавидели Генеральный штаб»²⁷⁸.

Критический взор М.О. Меньшикова, главным образом, был обращен на внутренние проблемы офицерского корпуса. По его мнению, до Русско-японской войны армия пребывала в состоянии покоя более 20 лет, что привело к тому, что многие офицеры применили свои знания в мирной жизни: среди офицерства было много литературных деятелей, публицистов, преподавателей. М.О. Меньшиков утверждал, что в эту мирную четверть века, «офицерский корпус позволил лучшей в свете армии Суворова, Румянцева заметно опуститься, одичать, потерять свою высокую боевую культуру»²⁷⁹.

М.О. Меньшиков настаивал на том, что «душа армии» была поражена болезнью, в частности, предрассудком праздности. Он критиковал офицерство за смену жизненных приоритетов. Автор утверждал, что за период мирного времени офицеры отошли от армейских дел, перестали заниматься с личным составом, а честь и благородство измерялись теперь другим критериями, праздностью и книжной ученостью.

Таким образом, анализ работ М.О. Меньшикова показал, что в офицерском корпусе действительно существовали проблемы, на многие из которых указал в «Поединке» А.И. Куприн. Но риторика и дискурс М.О. Меньшикова строились на конструктивном осмыслении сложившегося положения в офицерской корпорации.

---

²⁷⁸ Керсновский А.А. История русской армии. В 4 т. Т. 3: 1881–1915 гг. М., 1994. С. 153.

²⁷⁹ Меньшиков М.О. Как работать? // Письма к русской нации. М., 1999. С. 48.

В военной среде также не отрицали существующей розни между армией и обществом. В частности, полковник А. Дрозд-Бонячевский одну из причин отчужденности офицера от общества усматривал в невозможности офицеров примкнуть к той или другой политической партии, в их обязанности придерживаться основных принципов службы. По его мнению, «такое изолированное, как бы безразличное положение к жизненным вопросам народа возмущает и озлобляет известную часть общества, не понимающую глубокого смысла внепартийности офицеров, и награждает их нелестными эпитетами тупых рутинеров, бессмысленных исполнителей мертвых параграфов службы»²⁸⁰. А. Дрозд-Бонячевский считал, что дело примирения общества и армии в значительной мере зависит от офицерства.

О непонимании общественностью традиций и поведенческих установок офицерского корпуса свидетельствовала заметка одного из публицистов «Русского богатства» под названием «Армейская дидактика». Публицист в своей статье приводит приказ по Омскому гарнизону, согласно которому офицеры Омска приглашались для встречи Нового года во дворец генерал-губернатора. Автор отмечал, что кроме обычных указаний относительно форм одежды, в приглашении заключались и такие пункты: «Всем приглашенным генералам, гг. офицерам и их семействам прибыть во дворец 31-го декабря непременно к 9-ти часам вечера и ни в коем случае ни позже. При встрече Нового года, при возгласении тоста за Государя Императора и Царскую фамилию всем присутствующим гг. офицерам дружно и громко подхватывать “ура”. Приглашенным гг. офицерам оживленно и по возможности, непрерывно танцевать, а не стоять у стен со зрителями»²⁸¹. Корреспондент «Русского богатства» пояснял, что этот приказ «штатским читателям доставил минутку развлечения. Но военных несколько не удивил, до такой степени свыклись с этим менторским тоном командующих»²⁸². Таким образом, ни военной, ни

---

²⁸⁰ Дрозд-Бонячевский А.И. «Поединок» Куприна с точки зрения строевого офицера [Электронный ресурс]: URL: <http://militera.lib.ru/science/vs17/26.html>. (дата обращения: 13.01.2017).

²⁸¹ О. Кр. Армейская дидактика // Русское богатство. 1912. № 3. С. 145.

²⁸² Там же.

гражданской общественностью не отрицалось наличие некоего отчуждения между армией и народом.

Обсуждение взаимоотношений командного состава и нижних чинов стало также одним из важных направлений критической кампании против офицерства. Эта проблема была одной из главных в «армейской семье», поскольку от ее решения зависела боеготовность, способность выдержать тяготы и лишения военного времени.

В период Русско-японской войны и Первой русской революции для многих офицеров стало очевидным наличие той почти непреодолимой стены между военачальниками и нижними чинами. Так, подполковник Шарапов описывал эту ситуацию следующим образом: «Офицеры не понимают нижних чинов, нижние чины офицеров. Офицеры в нижнем чине видят существо недисциплинированное, хитрое, лживое, злое, не могущее воспринять что-то хорошее, способное только на всякие мерзости. Нижние чины в офицере видят эгоиста, вора, притеснителя, деспота»²⁸³.

Представители офицерского корпуса утверждали, что военные неудачи, революционная пропаганда в войсках не являлись причинами появления некоей пропасти между офицерами и солдатами. Начальниками всех армейских корпусов в 1907–1908 гг. в Генеральный штаб были направлены доклады, рапорты, записки, где были аккумулированы представления офицеров на проблемы внутри армии, оставшиеся за кулисами для общественности²⁸⁴.

Большинство начальников армейских корпусов считали, что падение дисциплины, как среди офицеров, так и в армии вообще началось еще задолго до Русско-японской войны. Начальник 64-й армейской пехотной бригады Н.М. Острянский считал, что «отчуждение и падение дисциплины в войсках началось

---

²⁸³ Шарапов, подполковник. Клин, расколовший русскую армию // Разведчик. 1906. № 802. С. 180.

²⁸⁴ Доклады начальников армейских корпусов направлялись в Комитет по образованию войск при Военном совете. Комитет занимался рассмотрением и обсуждением вопросов организации и внутреннего управления войск, снаряжения и боевой подготовки личного состава русской армии, разработкой и изданием военных уставов, наставлений и инструкций для различных родов войск. Поражение в Русско-японской войне вызвало необходимость проведения военной реформы, для достижения этой цели были собраны рапорты начальников армейских корпусов, где было представлено их видение проблем в армии.

задолго до 1904 г., было малозаметным, а когда грянул гром войны, расцвело во всей своей непригодности»²⁸⁵.

На страницах авторитетного военного журнала «Разведчик» в качестве одной из главных причин отчужденности в армии называлась индифферентность офицеров к душевному состоянию солдат. Подполковник Шарапов утверждал, что «при поступлении солдата на службу, как правило, это человек совершенно не развитый, неграмотный, не привыкший к какой-либо умственной работе, но человек честный, трудолюбивый и сознающий, что его призвали совершить какое-то большое, совершенно незнакомое ему трудное дело. Он готов отдать этому делу всего себя, но он не знает, как приступить к этому новому делу. Не получив поддержки от командира, бедный новичок убеждается, что новое дело ему не по силам, у него невольно зарождается мысль: “как бы избавиться от военной службы”»²⁸⁶.

Согласно представлениям части военных публицистов, в падении авторитета офицеров в глазах нижних чинов заключалась еще одна первопричина нарастающего противостояния. Престиж отцов-командиров пошатнулся во многом под влиянием развернувшейся кампании в прессе, взаимным нападкам офицеров друг на друга, а также благодаря чрезмерной мелочности и требовательности к солдатам. На все эти негативные моменты не могло не повлиять и тяжелое бытовое положение армейских офицеров. Материальные трудности выступали препятствием в деле поддержания авторитета офицеров в глазах нижних чинов²⁸⁷. Но и солдатский быт был сопряжен с рядом материальных затруднений. Об этом явлении писал один из нижних чинов: «В нашем солдатском быту очень много больных мест, есть богатый материал для революционеров. В нас с первых дней убивают человеческую личность, а в глазах офицеров мы становимся ослами, болванами, негодьями и прочими. В нас не воспитывают, а придавливают и воина, и гражданина, и патриота. При встрече на улице многие офицеры считают своею священной обязанностью издеваться над нами, “подтянуть”, часто без

---

²⁸⁵ Материалы о мерах по поднятию дисциплины в войсках // РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 822. Л. 79.

²⁸⁶ Шарапов, подполковник. Клин, расколовший русскую армию // Разведчик. 1906. № 802. С. 181.

²⁸⁷ Материалы о мерах по поднятию дисциплины в войсках // РГВИА Ф. 868. Оп. 1. Д. 822. Л. 8.

всякой надобности. Нас одевают в ветхие, нередко ободранные смешные одежды, в которых стыдно показаться на улицу, и наряду со всем этим нам толкуют о почетном звании солдата, о милостивом и отеческом обращении с нами офицеров. Да, это злая насмешка, думает солдат и в душе его рождается чувство вражды ко всем носящим офицерский мундир. Вот это-то болезненное место нужно, прежде всего, излечить в нашей армии. Нужно устранить эту традиционную вражду между нами, солдатами и вами, господа офицеры»²⁸⁸.

Некоторые военные писатели причины нарастающего противостояния связывали, прежде всего, с неудовлетворительным экономическим положением нижних чинов. В связи с этим они предлагали сосредоточить внимание на улучшении бытовых условий солдат. В частности, предлагалось своевременно выдавать нижним чинам обмундирование, жалование, мыло, организовать солдатский досуг²⁸⁹. Примечателен тот факт, что на страницах военной периодики при обсуждении экономического положения солдат возникла дискуссия. Большинство военных публицистов, признавая необходимость заботы начальника об улучшении солдатского быта, считали, что удовлетворение экономических потребностей не позволит достигнуть цели сплочения армии. В частности, генерал М. Грулев заявлял, что «это повязка, наложенная на здоровое место, а истинный корень некоторого недовольства, таящегося в солдатской среде, остается по-прежнему, нетронутым»²⁹⁰. Он в первую очередь, предлагал обратиться к моральной стороне служебной и бытовой жизни нижних чинов.

Установлению более близких отношений между офицерами и нижними чинами препятствовало и поведение некоторых офицеров в быту. От офицеров требовалось не только демонстрировать примеры самоотверженного мужества и героизма на театре военных действий, главнокомандующий должен был быть неким эталоном нравственности в повседневной жизни. Прежде всего, речь идет о соблюдении религиозных обрядов и следованию православным канонам (по

---

²⁸⁸ Нижний чин. Одна из причин успеха пропаганды в войсках // Разведчик. 1906. № 798. С. 97.

²⁸⁹ Сагатский П. Брожение в войсках // Разведчик. 1906. № 804. С. 229.

²⁹⁰ Грулев М. Злобы дня в жизни армии... С. 2.

данным на 1912 г. 89% офицеров были православными²⁹¹). Элементы религии были достаточно прочно укорены в повседневной жизни армии и офицерства. В частности, каждый полк русской армии имел свой храмовый праздник, в течение года проводились религиозные парады и другие торжества, на Пасху происходило христосование солдат и офицеров²⁹². Тем не менее, соблюдение внешней обрядовой стороны еще не являлось подтверждением глубокой веры офицеров. Выступления в армии и на флоте в период революции 1905–1907 гг., проникновение революционных настроений в военно-учебные заведения стали серьезными предвестниками о недостаточной лояльности православного офицерства по отношению к царскому правительству. Это стало подтверждением того, что в военно-учебных заведениях система религиозного воспитания, основанная на формуле «За веру, царя и Отечество», могла не проникать глубоко в сознание будущих офицеров²⁹³. Подобные тенденции, наблюдавшиеся в офицерском корпусе, вызвали некоторые опасения со стороны правительства и Военного министерства, что нашло отражение в периодической печати.

На страницах «Военного сборника» – одного из главных печатных органов Военного министерства приводились примеры из жизни военного быта, в которых поведение некоторых военачальников не соответствовало высоконравственному званию офицера. Военный публицист, генерал Л.В. Евдокимов описывал следующую ситуацию: «офицеры, не входя в полковой храм, собирались группами около них, курили, разговаривали, смеялись во время божественной службы на глазах публики и своих же солдат»²⁹⁴. Это порождало отторжение нижних чинов от своих начальников. И напротив, солдат глубоко трогало, когда офицеры шли за солдатским гробом до места погребения²⁹⁵.

Один из публицистов «Русского вестника», оставивший свою работу без подписи, указывал, что солдатам, большинство из которых являлись крестьянами, требовался пример и влияние на него начальника, в том числе и в религии.

---

²⁹¹ Волков С.В. Русский офицерский корпус... С. 396.

²⁹² Кожевин В.Л. Российское офицерство... С. 75–76.

²⁹³ Кузнецов В.Д. Деятельность русской православной церкви по религиозному воспитанию учащихся классических гимназий и военно-учебных заведений накануне первой русской революции // Клио. 2011. № 5 (56). С. 70.

²⁹⁴ Евдокимов Л.В. Нравственная настроенность как данная жизни армии // Военный сборник. 1914. № 7. С. 136.

²⁹⁵ Там же. С. 142.

Публицист считал, что «простолюдину, приучившемуся с детства исполнять обряды по примеру отца и по настоянию матери, нужно оказывать содействие в том же направлении, а не давать повода забывать его, предоставляя посещение церкви собственной его воле»²⁹⁶. Это свидетельствует о том, что многие солдаты без должного контроля со стороны офицеров уклонялись от исполнения некоторых религиозных обрядов. А.И. Деникин, в связи с этим отмечал, что «поступавшие в военные ряды к вопросам веры и Церкви относились довольно равнодушно»²⁹⁷.

Однако, по замечанию исследователя В.Л. Кожевина, необходимо отделять бытовую религиозность и место религии в системе коллективных ценностей корпорации. По его мнению, в последнем случае вера и церковь продолжали сохранять свое значение высшего духовного ориентира²⁹⁸, несмотря на то, что в целом в конце XIX – начале XX вв. в российском обществе стали отчетливо проявляться признаки системного кризиса религиозного мировоззрения. Проявление этого заключалось в падении авторитета церкви и религиозной нравственности, поиске новых способов для удовлетворения духовных и религиозных потребностей. Современники событий, в том числе и представители офицерского корпуса, отмечали среди всего населения упадок религиозной и общественной нравственности, слабость патриотического воспитания у народа. В этих явлениях они усматривали причины нарастающей отчужденности между армией и обществом.

Последствия публикации «Поединка» и полемики вокруг «офицерского вопроса» имели далеко идущие последствия. В 1917 г., когда развал армии был уже необратим, в газете «Армия и Флот свободной России» указывалось, что «пропаганда ненависти, неуважения к офицерству началась давно. Задолго до японской войны. В литературе вышли офицеры иного типа: Куприн, Леонид Андреев, Арцыбашев, Горький, Щенский, менее других Чехов, выставили такую громадную галерею физических и нравственных уродов в офицерском мундире,

---

²⁹⁶ *** Наше военное дело // Русский вестник. 1889. № 5. С. 260.

²⁹⁷ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Кн.1. Т.1. Крушение власти и армии... С. 78–79.

²⁹⁸ Кожевин В.Л. Российское офицерство... С. 81.

что жутко стало за русскую армию... Особенно хороши герои Куприна. Я уже не говорю про “Поединок”, где что не персонаж, то подлец, тряпка, слюнтяй или негодяй....И общество, особенно общество гражданское, судило офицеров по романам и сторонилось их...Готовый литературный, преимущественно, Куприна фото-образ офицера переписывался ко всякому офицеру»²⁹⁹.

Таким образом, публицистическая полемика об офицерстве, развернувшаяся после выхода «Поединка» А.И. Куприна привела к появлению многочисленных статей и заметок об офицерстве. Дискурс, использованный интеллектуалами в публицистических статьях, способствовал выстраиванию в общественном сознании определенного ассоциативного ряда по отношению к офицерам российской императорской армии. К уже ранее сформированным представлениям об офицерах как о некомпетентных военачальниках, защищающих основы самодержавного строя, добавляются новые обвинения. Образ офицера в сознании российской общественности дополняется такими штрихами, как высокомерие, замкнутость, реакционность. Часть публицистов пыталась опровергнуть эти обвинения. Сосуществование таких диаметрально противоположных точек зрения порождало диссонанс в общественном сознании того времени относительно оценок поведения, психологии, действий офицерского корпуса.

1.3 Попытки и способы восстановления статуса русского офицера в общественных представлениях накануне Первой мировой войны

События начала XX в. ознаменовали собой первый этап трансформации образа офицера в сознании российской общественности. Поражение в Русско-японской войне и участие офицеров в подавлении революционных выступлений стали одними из важнейших факторов этих изменений. Неудачная военная компания, острая критика в адрес офицерства продемонстрировали существование в российской армии многих недостатков и негативных тенденций.

---

²⁹⁹ Гр.Л.Д. Кто виноват? // Армия и Флот свободной России. 1917. № 206. 6 сентября.

Все это свидетельствовало о неотложной необходимости реформирования вооруженных войск Российской империи. Эту необходимость осознавала, как власть, так и офицерский корпус. Поэтому после окончания войны перед царским правительством встала задача возрождения военной мощи России, при этом необходимо было привести организацию армии, вооружение, боевую подготовку войск в соответствие с современными требованиями³⁰⁰.

Реформирование армии проходило в два этапа: первый (1905–1909 гг.) и второй (1909–1912 гг.). Первоначально проводились мероприятия по восстановлению боеспособности армии, началось её техническое переоснащение, а также реорганизация высшего военного управления. На втором этапе военной реформы осуществлялась централизация высшего военного управления, продолжились поставки новой военной техники и дальнейшая структурная реорганизация армии. В рамках первого этапа одним из главных мероприятий нового военного министра А.Ф. Редигера стало обновление командного состава. Только в 1906–1908 гг. из рядов армии было уволено 4307 чинов командного состава по возрасту или несоответствию занимаемой должности. Всего же из армии уволили около 7000 офицеров и генералов³⁰¹. К 1912 г. возраст всех офицеров выглядел следующим образом: до 30 лет – 31,1%, 30–40 лет – 32,2%, 40–50 лет – 21,4%, 50–60 лет – 8,7%, свыше 60 лет – 0,5%³⁰².

Начало проведения реформ и критическая кампания в прессе против офицеров выступили в качестве своеобразного импульса для поиска путей восстановления статуса и почета офицеров в обществе. Одним из таких способов стала публицистическая деятельность русского офицерства. Русские офицеры приняли активное участие в создании новых дискурсов о жизни и службе командного состава.

Публицистическая активность военачальников после окончания Первой русской революции поставила в особые условия военные периодические издания,

---

³⁰⁰ Никифоров А.Л. Военные реформы в русской императорской армии в 1905-1912 гг. // Столица и провинция: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Санкт-Петербург, 29 апреля 2016 г.) СПб., 2016. С. 99.

³⁰¹ Там же. С. 101.

³⁰² Волков С.В. Русский офицерский корпус... С. 399.

которые в начале XX в. переживали свой расцвет. Данный факт отмечали и сами корреспонденты военной прессы. В частности, публицист К.Ф. Лебедев, публиковавший свои работы под псевдонимом Каэль, указывал, что «вслед за окончанием войны военная литература разрастается и развивается: пишут много, пишут бойко, вопросы поднимают все коренные»³⁰³. Публицист такое стремительное развитие связывал с желанием военных исправить те недостатки, на которые в той или иной степени им было указано. В военной публицистике начала XX в. обсуждались многочисленные аспекты армейской жизни, требующие реформ. По мнению российского офицерства, путь реформирования и устранения недостатков был единственно верным, который позволил бы не только повысить уровень боеготовности армии, но и восстановить статус офицера в российском обществе.

По мнению исследователя Д.И. Пирогова, существовало три важнейших фактора, подтолкнувших военную общественность к активной публицистической деятельности. Это возможность гражданским лицам влиять на внутреннюю политику, невозможность офицерам участвовать в политической жизни страны и необходимость реформ в армии³⁰⁴. Поскольку армия и офицерский корпус были исключены из политической жизни государства, у офицеров отсутствовала альтернативная возможность принять участие в реформах.

Анализ публицистических статей, опубликованных на страницах «Военного сборника», «Разведчика», «Русского инвалида» в 1909–1913 гг. показал, что спектр обсуждаемых преобразований был достаточно широк. Сами публицисты это связывали с усложнением военного дела, вследствие чего к офицерам российской армии предъявлялись высокие требования. По замечанию полковника А. Дрозд-Бонячевского, «офицер как член общества своим безукоризненным поведением, воспитанием, неустанной работой над собой, должен везде и всегда

---

³⁰³ Каэль. О разных военных разностях (парадоксы и гиперболы) // Военный сборник. 1911. № 12. С. 1.

³⁰⁴ Пирогов Д.В. Военная общественность и военное министерство – на пути к сотрудничеству // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История русской православной церкви. 2014. № 5 (60). С. 64.

оправдывать свое исключительно почетное положение»³⁰⁵. Для того, чтобы достичь этого военные публицисты предлагали обратить внимание, прежде всего, на воспитание и образование офицеров; взаимоотношения в армейской семье: с одной стороны, между военачальниками и подчиненными, а с другой стороны между офицерами; взаимоотношения военной корпорации и мира штатских.

Обсуждение проблемы воспитания и образования офицера являлась одной из главных на протяжении первой четверти XX в. Рассмотрению этого вопроса свои работы посвящали известные военные педагоги, военные и гражданские публицисты, главнокомандующие. Стоит подчеркнуть, что эта тема слишком обширна, в настоящей работе будет рассмотрен лишь аспект, связанный с необходимым для будущих офицеров набором морально-нравственных качеств.

Многие военные публицисты сходились во мнении, что воспитание, образование и подготовка офицера-руководителя зависит от взаимодействия семьи, учебных заведений и войсковой жизни. Подчеркивалось, что только при солидарности в педагогическом стремлении всех этих школ возможно достижение плодотворных результатов³⁰⁶. Военачальники считали, что воспитание необходимых качеств для будущего командира происходило на всех трех уровнях.

Основы для воспитания необходимых морально-нравственных качеств закладывались в семье будущего офицера. Генерал В.И. Марков на страницах «Военного сборника» обращал внимание на значение офицерских семей в воспитании будущих офицеров. Генерал заявлял, что офицерская семья представляла собой один из главных источников для комплектования армии офицерами. Он считал, что «необходимо, чтобы молодые люди, прежде чем наденут офицерские эполеты, были до глубины души проникнуты чувствами уважения к воинскому званию и беззаветной преданности своему долгу»³⁰⁷. Некоторые же публицисты указывали, что в современных условиях «задачей

---

³⁰⁵ Дрозд-Бонячевский А.И. «Поединок» Куприна с точки зрения строевого офицера [Электронный ресурс]: URL: <http://militera.lib.ru/science/vs17/26.html>. (дата обращения: 13.01.2017).

³⁰⁶ Кудленко С. К воспитанию войск // Военный сборник. 1913. № 12. С. 29.

³⁰⁷ Марков В.И. Несколько слов о значении офицерской семьи и воспитании будущих офицеров // Военный сборник. 1914. № 12. С. 182.

семьи являлось воспитание своего питомца для его личного благополучия»³⁰⁸. Тогда, при таких условиях особую значимость приобретало воспитание, полученное в военно-учебных заведениях.

В учебных заведениях происходило первое знакомство юношей со спецификой военной службы, поэтому многие военные публицисты признавали необходимым, чтобы склад жизни соответствовал военному³⁰⁹. По мнению П. Режепо, небольшое количество занятий и несовершенство программы обучения в военно-учебных заведениях препятствовали воспитанию настоящих офицеров³¹⁰.

Генерал В.И. Марков высказал мысль, что главная цель военно-учебных заведений заключалась лишь в формировании характера и мировоззренческих установок юношей, но никак не офицера-руководителя или командира³¹¹. Он считал, что военную молодежь необходимо воспитывать в духе патриотизма, беспредельной любви к Родине и Царю, сознании святого исполнения долга. Большинство военных писателей утверждали, что в учебных заведениях недостаточно уделяли внимания воспитанию и развитию морально-нравственных качеств, необходимых для будущего офицера.

После выпуска военной молодежи из военно-учебных заведений все основные тяготы по воспитанию будущих офицеров ложились на войсковые части. Ряд военных публицистов отмечал, что подготовке младших офицеров в войсках зачастую не уделялось должного внимания. Первый год службы в качестве офицера представлял особую трудность, поскольку из-за отсутствия опыта новоиспеченными офицерами могли совершаться ошибки. В связи с этим был поставлен вопрос о роли и ответственности старших офицеров в воспитании и подготовке молодого поколения. Именно старшие офицеры своим личным примером должны были помочь своим младшим товарищам «стать настоящими

---

³⁰⁸ Кудленко С. К воспитанию войск // Военный сборник. 1913. № 12. С. 29.

³⁰⁹ Гершельман А.С. Воспитание будущих офицеров // Военный сборник. 1914. № 12. С. 40.

³¹⁰ Режепо П. Офицерский вопрос. СПб., 1909. 35 с.

³¹¹ Марков В.И. Несколько слов о значении офицерской семьи и воспитании будущих офицеров // Военный сборник. 1914. № 12. С. 182.

офицерами, способными в мирное время с честью носить мундир, исполнять свое дело обучения солдата, а в военное – не щадить жизни за Царя и Отечество»³¹².

Общепризнанным считалось, что молодой офицер, попадая в новую среду, сам того не замечая, начинал воспринимать и копировать поведенческие стратегии ротного командира. Полковник А. Дрозд-Бонячевский указывал на то, что начальнику всегда следовало учитывать очень важное психологическое свойство подчиненных – сосредотачивать свое внимание на командире³¹³.

Офицерами, публиковавшими свои работы в военных периодических изданиях, неоднократно подчеркивалась значимость армейской семьи в деле воспитания и образования молодых офицеров. Военный публицист В. Белолипецкий указывал, что «без руководства и поддержки старших товарищей молодым офицерам зачастую трудно удержаться от соблазна, не покатиться по наклонной плоскости: вино, карты, кутежи, долги»³¹⁴. Он неоднократно подчеркивал, что офицерскому обществу нужен отец-командир, светлый и наблюдательный ум начальника, любящее сердце, участливое к младшему брату – подчиненному и товарищу, истинная военная семья³¹⁵.

Известный военный публицист А. Дмитриевский, рассуждая о системе воспитания, затрагивал вопрос, связанный с системой наказаний. Он являлся убежденным сторонником точки зрения, что воспитание воина могло осуществляться только в стыде наказания, но никак не в страхе. Он считал, что наказанием стоит подчеркивать постыдность того или иного проступка, подчеркивать его несовместимость с воинским званием³¹⁶.

Русский офицер А.С. Гершельман в серии работ, посвященных воспитанию будущих офицеров, отмечал, что в военном деле вопрос воспитания занимал первостепенное положение в сравнении с вопросом образования. Он был обеспокоен тем, что воспитанию нравственных качеств должного внимания не

---

³¹² Белолипецкий В. Обстановка жизни молодого офицера // Военный сборник. 1899. № 8. С. 425.

³¹³ Дрозд-Бонячевский А. Нравственный элемент, как основа управления, воспитания и обучения // Военный сборник. 1907. № 11. С. 144.

³¹⁴ Белолипецкий В. Обстановка жизни молодого офицера // Военный сборник. 1899. № 8. С. 437.

³¹⁵ Там же. С. 438.

³¹⁶ Дмитриевский А. Воспитание воина может быть только в стыде наказания, а не в страхе наказания // Военный сборник. 1913. № 10. С. 101.

уделялось не только в военно-учебных заведениях, но и при прохождении службы. Распространенным было мнение о том, что в частях не поощрялось проявление самостоятельности и инициативы, и даже в той или иной степени сдерживалось и преследовалось³¹⁷. Именно на командиров возлагалась обязанность поддерживать и воспитывать в военной молодежи воинский дух, чувство воинской чести, уважение к военному званию, чувство принадлежности к единой воинской семье, чувство общности, чувство товарищества³¹⁸.

Таким образом, накануне Первой мировой войны в корпорации офицеров активно обсуждался вопрос о роли старших офицеров в деле воспитания и образования молодого поколения. Так, на офицера возлагалась двойная ответственность. Офицер должен был не только уметь руководить и направлять войска в боевой обстановке, но и в мирное время воспитывать в них необходимые морально-нравственные качества, присущие офицерству. Статьи и заметки военных публицистов затрагивали разные аспекты данной проблемы, но их дискурс был направлен на формирование образа офицера-воспитателя, наставника и учителя солдат и младших товарищей.

Особое значение имело обсуждение на страницах военных периодических изданий проблемы взаимоотношений между командирами и подчиненными. Во время Русско-японской войны и революции 1905–1907 гг. в прессе активно транслировалась идея о существовании непреодолимой стены отчуждения между офицерами и солдатами. Военными публицистами предлагались и обсуждались различные варианты изменений патерналистской модели взаимоотношений офицерства с нижними чинами. Исследователь офицерского корпуса российской армии В.Л. Кожевин проанализировал и выделил возможные пути трансформации устоявшейся модели отношений между нижними чинами и офицерами, намеченные военными писателями и публицистами. В частности, часть военных публицистов, среди которых был военный педагог и литератор, известный своими работами об армии Н.Д. Бутовский, выступала за сохранение патерналистской

---

³¹⁷ Гершельман А.С. Воспитание будущих офицеров // Военный сборник. 1914. № 12. С. 29.

³¹⁸ Там же. С. 37.

модели взаимоотношений в ее существующем виде. Подполковник Генерального штаба М.С. Галкин отстаивал необходимость демократизации патриархальной системы. По его мнению, социальное взаимодействие между офицерами и солдатами должно было определяться категорией «братство». Военный деятель А. Геруа считал, что офицер должен быть для солдата воспитателем высоконравственных и высокоморальных качеств. Также существовала модель взаимодействия, при которой связующим звеном между офицером и солдатом должен был стать унтер-офицер. Офицер М. Грулев активно отстаивал позицию о том, что взаимодействие офицера и солдата должно осуществляться на равных³¹⁹.

Анализ публицистических работ военачальников показал, что, по-видимому, существовал и смешанный тип взаимоотношений, когда офицер наделялся одновременно несколькими ролями: отца-командира, воспитателя, руководителя, брата. Обязательным условием при такой модели должно было быть уважительное отношение к солдату, что обеспечило бы равноправие во взаимоотношениях.

Среди военных писателей и публицистов было немало сторонников смешанного типа взаимоотношений между офицерами и нижними чинами. В частности, полковник Шарапов считал, что «не на драконовских мерах должна зиждиться дисциплина в армии, а на сближении офицеров с нижними чинами. Надо, чтобы солдат любил и уважал своего начальника, верил ему, надеялся на него, чтобы в офицере он видел своего отца, своего защитника, ходатая и руководителя. Всего этого можно будет достигнуть тогда, когда офицеры и нижние чины будут понимать друг друга, когда нужды нижнего чина будут нуждами офицера, когда интересы одного сольются с интересами другого»³²⁰.

Особенно важно заметить, что при всем многообразии вариаций изменения существующего характера социального взаимодействия в армейской семье, публицисты считали, что главная роль в деле преодоления этого конфликта между офицерством и нижними чинами принадлежит именно офицеру. В связи с

---

³¹⁹ Кожевин В.Л. Российское офицерство... С. 51–55.

³²⁰ Шарапов, подполковник. Клин, расколовший русскую армию // Разведчик. 1906. № 802. С. 183.

этим, на страницах военной периодики высказывалась идея о том, что офицер должен стать образцовым учителем и воспитателем своих подчиненных, «чтобы по России разносилась о нем молва не как о мучителе, а как о старшем, любящем брате солдата»³²¹. Поэтому стремление овладеть сердцами подчиненных и учить их примером объявлялось задачей каждого начальника.

Таким образом, обсуждение в офицерской среде проблем, существовавших в армии, свидетельствовало об изменении понимания офицерами своей роли в современной жизни. Тексты, принадлежащие перу военных публицистов, способствовали не только расширению каналов взаимодействия военной и гражданской общественности, а также установлению новых форм диалога. Публицистическая активность офицеров, которая представляла собой некую рефлексию и ответную реакцию на критику, привела к формированию образа офицера, как защитника Родины, учителя и воспитателя солдат, носителя высоких морально-нравственных качеств. Сочетание такие компонентов в работах командного состава можно назвать разветвленным дискурсом одного и того же образа русского офицера. Представители офицерского корпуса стремились наряду уже с существующими концептами об офицерстве воссоздать иной, свой образ, который олицетворял бы все офицерство. Тем самым создавалась ситуация, когда в общественном сознании одновременно разворачивалось несколько дискурсов, влияющих на коллективные представления об офицерстве.

Накануне Первой мировой войны внимание российской общественности было сосредоточено на обсуждении еще одной актуальной проблемы современности. В межреволюционный период в России актуализировался национальный вопрос, органической частью которого была проблема лояльности и степени пригодности для службы в армии инородцев. Была выстроена своеобразная иерархия достойных и недостойных службы в императорской армии. Военно-государственной мыслью активно пропагандировалась легенда о «необъявленной войне» инородцев против армии. Таким образом,

---

³²¹ Дрозд-Бонячевский А.И. «Поединок» Куприна с точки зрения строевого офицера [Электронный ресурс]: URL: <http://militera.lib.ru/science/vs17/26.html>. (дата обращения: 13.01.2017).

государственной власти удалось отвести от удара и критики офицерский корпус российской армии и направить на другого внутреннего врага, образ которого активно формировался.

По мнению публицистов, главными инициаторами этого «крестового похода» против величия русской армии стали евреи и поляки при своевременной поддержке финнов и латышей. На другом же полюсе, в качестве приверженных воинов и монархистов, с благородным пониманием дисциплины, находились мусульманские подданные³²². Публицистика, прежде всего, правого толка в значительной степени потрудились над тем, чтобы донести до сознания общественности, офицеров, солдат, что главные внутренние враги отечества – это «бунтовщики, студенты, конокрады, жида и поляки»³²³. Именно так ответил на занятия рядовой Овечкин герой повести «Поединок» А.И. Куприна, опубликованной в мае 1905 г.

Один из главных идеологов молодого русского национализма М.О. Меньшиков в серии публицистических работ, посвященных вопросам жизни и устройства армии, пропагандировал идею о том, что основой государственной армии должно быть только господствующее племя, а враждебных России инородцев, в частности евреев, поляков, армян следовало бы обложить военной данью. М.О. Меньшиков утверждал, что «золотой век нашей военной славы был тогда, когда армия набиралась из чисто русских»³²⁴

В годы реакции, последовавшей после революции 1905–1907 гг., в кругах политической элиты возобладали юдофобские настроения. Несмотря на негативное отношение ко многим инородцам, именно евреев объявили главными врагами армии. Постепенно происходило некое отождествление национального вопроса и «еврейского вопроса» в армии. Вслед за этим последовал ряд ограничений в военной сфере для представителей еврейской диаспоры, в частности в 1910 г. было запрещено принимать в военные училища и производить

---

³²² Евреи и войско // Русский вестник. 1903. № 3. С. 392.

³²³ Куприн А.И. Поединок. М., 2003. С. 217.

³²⁴ Меньшиков М.О. Из писем к ближним. М., 1991. С. 107.

в офицеры крестившихся евреев³²⁵. Началась беспрестанная работа по разработке нового воинского Устава, главным достижением которого должно было стать исключение евреев из армии.

Своеобразной подготовкой общества к преобразованиям стала политическая кампания в прессе по дискредитации еврейского населения, его военных способностей. В начале XX в. на страницах отечественных периодических изданий зарождались первые мифы о военной службе евреев. В частности, было распространено убеждение о преднамеренном членовредительстве, уклонении от военной службы, трусости евреев в бою³²⁶. На страницах периодики активно создавался образ евреев, как самых ненадежных, плохо обучаемых военному ремеслу, трусливых, подверженных воздействию революционной идеологии³²⁷.

Стоит отметить, что эта кампания в печати, касалась исключительно солдат несмотря на то, что среди офицерского корпуса имелись также выходцы из еврейской народности. В периодике лишь некому осуждению подвергались офицеры, которые снисходительно и сочувственно относились к евреям. Так, публицист М.О. Меньшиков, в одной из своих статей приветствуя назначение на должность начальника корпуса, охраняющего Маньчжурскую дорогу, генерала Е.В. Мартынова писал: «Он боевой офицер и кажется хороший администратор. У него есть драгоценное свойство – быстрота понимания и замечательная решимость. Немножко скомпрометировано его несчастное прикосновение к издательству одной жидо-кадетской газеты, но это было еще в те годы, когда газета, теперь покойная, казалась русской»³²⁸.

Широко развернувшаяся кампания против изгнания евреев из армии лишь с началом Первой мировой войны постепенно блекла, а затем вовсе приняла латентный характер. Взор русской общественности теперь был обращен не к внутреннему врагу, а внешнему. Но, безусловным, является и тот факт, что в

---

³²⁵ Гольдин С. Русская армия и евреи накануне Первой мировой войны [Электронный ресурс]: URL: http://www.lechaim.ru/ARHIV/185/goldin.htm#_ftn23 (дата обращения: 13.03.2017).

³²⁶ Шестопалова А.С. «Необъявленная война инородцев» против армии: национальный вопрос в российской армии (по материалам отечественной публицистики) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 58. С. 78–81.

³²⁷ Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии: 1827–1914. М., 2003. С. 15.

³²⁸ Меньшикова М.О. Крупные люди // Русский вестник. 1911. № 3. С. 16.

подсознании многих закрепился образ еврея, лишённого всякого патриотического чувства и желающего гибели для России. Об укреплении этой точки зрения в общественном сознании позаботился Генеральный штаб, запретив военным цензорам пропускать в печать информацию о подвигах военнослужащих евреев, которые с началом войны, как и все, были призваны на фронт.

Таким образом, активно обсуждавшийся национальный вопрос, частью которого была проблема благонадежности инородцев в российской армии, не был решен до Первой мировой войны. Несмотря на негативное отношение, как в армии, так и в обществе к евреям, полякам, финнам, Военное министерство, опасаясь раскола в военной среде накануне мировой войны, не пошло по пути исключения инородцев из армии, в том числе и евреев.

Стоит подчеркнуть, что непосредственно в военной семье национальный вопрос не стоял так остро, как это было представлено в печати. Но публицистические тексты, появившиеся в 1909–1913 гг. сыграли свою роль в конструировании взаимоотношений в российской армии. Дискурс сторонников исключения евреев из армии способствовал культивации отрицательного образа евреев в сознании военной и гражданской общественности. Риторика публицистических текстов начала XX в. оказала влияние на выстраивание ассоциативного ряда в сознании общества. На подсознательном уровне у представителей различных социальных групп, даже при отсутствии опыта отрицательного взаимодействия с евреями, возникали ассоциации: еврей-жид-уклонист-революционер-преступник.

Таким образом, накануне Первой мировой войны была осуществлена попытка восстановить статус офицера в сознании российской общественности. Во многом это удалось благодаря ряду мер. Во-первых, реформирование армии, инициированное сверху, предполагало улучшение материального положения офицеров, что в свою очередь, должно было сделать более привлекательной службу офицеров. Омоложение командного состава, выявление соответствия офицеров занимаемой должности повысило уровень подготовки военачальников. Также в ходе реформ были «усилены полевые войска, созданы запасы для

мобилизации и развертывания второочередных частей, включая артиллерию и технические части, созданы пулеметные команды в полках и корпусные авиаотряды. Создан Императорский военно-воздушный флот»³²⁹.

Во-вторых, активное обсуждение военной общественностью на страницах военной периодики путей и направлений реформирования армии способствовало, с одной стороны, установлению диалога с военной администрацией и гражданской общественностью, с другой стороны, были созданы новые дискурсы, которые влияли на формирование образа офицера. Доминирующими концептами при характеристике офицерского корпуса в 1909–1913 гг. становятся «отец-командир», «учитель», «воспитатель» и др.

В-третьих, одним из итогов проводимых реформ, должен был стать новый воинский Устав, при обсуждении которого была поставлена одна из важнейших проблем – национальный вопрос в армии. Безусловно, он не стоял так остро, как это было представлено на страницах отечественной периодики. Однако обсуждение в прессе данного вопроса привело к закреплению за многими народами, проживающими на территории Российской империи, образа неблагонадежных воинов. Так, теперь во многих неудачах русского оружия теперь были обвинены не офицеры, а солдаты, не русские по происхождению, в частности, евреи. Все эти факторы оказали свое влияние на трансформацию представлений общества об офицерах в частности, и о войне в целом.

Таким образом, можно сделать вывод, что в период войны усиливалось внимание со стороны российского общества к жизни и службе в армии. Русско-японская война сыграла роль информационного повода и способствовала появлению значительного числа статей и заметок об офицерах. На страницах периодических изданий размещалась информация о ходе и результатах боевых действий на Дальнем Востоке. В зависимости от направленности печатного органа освещение основных событий сопровождалось оценочными суждениями. Поскольку тема войны в 1904–1905 гг. была центральной для российского

---

³²⁹ Дежнев В.Н. Православие и русская императорская армия в начале XX в. // Государство, общество, церковь в истории России XX в.: сб. материалов XIII Международной научной конференции (Иваново, 12–13 марта, 2014). Иваново, 2014. С. 84.

общества, то при характеристике офицерского корпуса на первый план выходила оценка его профессионализма. По итогам военной компании против Японии профессиональные качества офицеров были оценены неудовлетворительно.

После окончания Русско-японской войны критика офицерского корпуса приобрела иную направленность во многом под влиянием публикации «Поединка» А.И. Куприна и участия офицеров в подавлении революции 1905–1907 гг. Критика офицерства как профессиональной и социальной группы в период мирного развития затрагивала такие характеристики, как способ комплектования, мировоззренческие установки, взаимодействие с другими социальными группами.

Участие военных писателей и офицеров в обсуждении в прессе армейских проблем привело к появлению новых дискурсов об офицерском корпусе. Накануне Первой мировой войны была подготовлена почва для формирования образа офицера-защитника не только солдат, но и Родины. Создание новых дискурсов об офицерстве способствовало новому содержательному наполнению образа офицера российской армии.

2 Образ русского офицера в отечественной публицистике и периодической печати в условиях Первой мировой войны и революции 1917 г.

2.1 Первая мировая война и русский офицер в представлениях российского общества

Первая мировая война представляет собой один из крупнейших международных конфликтов XX в. Участие России в мировой войне оказало влияние на ее дальнейшее историческое развитие, привело к трансформации всех основ жизни российского общества, сопровождалось мобилизацией всех имеющихся ресурсов.

Реальная численность офицерского корпуса к весне 1914 г. составляла 42,5 тысячи человек, некомплект офицеров исчислялся в размере 3380 единиц³³⁰. Обеспечение армии офицерским составом накануне Первой мировой войны примерно соответствовало положению 1903 г. Это свидетельствует о том, что накануне Первой мировой войны лишь были восполнены потери в офицерском корпусе после Русско-японской войны.

Одной из важнейших проблем российской армии стало ее обеспечение необходимым количеством командиров различных уровней. До начала войны созданию необходимого по качественным и количественным показателям офицерского корпуса запаса препятствовал низкий образовательный уровень населения. В 1897 г. всероссийская перепись населения показала, что «доля грамотных мужчин составляла 29,6%, лиц же, имеющих среднее и высшее образование (мужчин и женщин) насчитывалось чуть более 1,4 млн, что составляло 1,1% населения страны»³³¹. Незначительные положительные тенденции повышения уровня образования населения не смогли кардинальным образом изменить ситуацию до начала войны. Низкий образовательный уровень населения оказывал влияние также и на понимание целей войны, исполнение своих обязанностей и гражданского долга. Резко возросшая потребность армии в

---

³³⁰ Волков С.В. Русский офицерский корпус... С. 112.

³³¹ Гребенкин И.Н. Долг и выбор: русский офицер... С. 91.

командном составе в условиях войны, высокий уровень потерь привели к сокращению сроков обучения в военных заведениях, что также не могло не сказаться на уровне компетентности офицерского корпуса. Российская армия за весь период войны так и не смогла одержать решающей победы над врагом. «Всего с 1 декабря 1914 г. по октябрь 1917 г. из военных училищ было выпущено около 78,5 тысяч офицеров»³³².

Вступление России в мировой конфликт предопределило потребность российского общества в информации о ходе, важнейших событиях, участниках боевых действий. Практически все политические течения и направления, существовавшие в России к 1914 г., имели свои периодические издания. Периодика разной политической направленности освещала события войны с точки зрения своей мировоззренческой позиции. В день объявления войны вышли экстренные выпуски газет и листовок, сообщающие об этом событии. Война становится центральной темой отечественной прессы. Существенно изменяется структура отечественных периодических изданий, появляются новые информационные рубрики такие, как «Война», «На фронте», «Военная хроника» и др.

20 июля 1914 г. Николай II утвердил «Временное положение о военной цензуре»³³³. В соответствии с данным положением досмотру подлежали произведения печати, почтовая и телеграфная корреспонденция, тексты, конспекты речей и докладов, предназначенные для публичного произнесения. Лишь с сентября 1914 г. было разрешено 10 корреспондентам представлять прессу при Ставке. Гражданская цензура была передана в руки Департамента Полиции³³⁴. Такое положение периодической печати создало благоприятную обстановку для идеологической обработки населения, пропаганды целей войны. Тем не менее, в отечественной прессе содержится богатый материал о настроениях разных социальных групп по отношению к войне и всему, что с ней связано, в том числе и офицерскому корпусу. При анализе отечественной

---

³³² Гребенкин И.Н. Долг и выбор: русский офицер... С. 94.

³³³ Россия. Законы и постановления. Временное положение о военной цензуре: [Утверждено 20 июля 1914 года]. Пг., 1914. 15 с.

³³⁴ Морозова Н.В., Назарова Т.П. Эволюция «образа врага» в сознании русского общества... С. 84–85.

публицистики и материалов периодики, в особенности начального периода войны, необходимо учитывать цензуру. Также необходимо обратить внимание, что в этот период времени достаточно мало публицистических работ, принадлежащих непосредственно самим офицерам. Данные факты обусловили привлечение некоторых источников личного происхождения для воссоздания образа офицера в этот период времени.

Изменения в повседневной жизни, тяготы и лишения военного времени способствовали трансформации общественных настроений, мировоззрения всех социальных групп и народов Российской империи. Образ офицера в период Первой мировой войны находится в тесной взаимосвязи с общественными представлениями о войне в целом. О.С. Поршнева в своей работе «Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны (1914– март 1918 г.)»³³⁵ предложила периодизацию изменений общественных настроений в годы Первой мировой войны.

По замечанию О.С. Поршневой, в рамках начального периода война характеризовалась как оборонительная, справедливая. Общество захлестнула волна патриотического подъема, что нашло проявление в участии различных социальных групп в патриотических манифестациях, крестных ходах, молебнах³³⁶.

Большинство исследователей при изучении общественных настроений в годы мировой войны сходятся в признании патриотического подъема в масштабах всей России. Конечно, среди российского общества, были и противники вступления России в мировой конфликт. В своих воспоминаниях генерал-лейтенант А.И. Деникин отмечал, что «радикально-либеральные круга пришли к “приятую войны” не сразу и не без колебаний. Расколы произошли и среди социал-демократов. Целый ряд крупных экономистов социал-демократов – Иорданский, Маслов, Туган-Барановский и др. – высказались за оправдание войны против Германии. И только социал-демократы большевики с самого начала

---

³³⁵ Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны (1914– март 1918 г.). Екатеринбург, 2000. 414 с.

³³⁶ Там же. С.161.

войны и до конца оставались интегральными пораженцами, пойдя на оплачиваемое сотрудничество со штабами воевавших с нами центральных держав и ведя за границей широкую пропаганду. Но все это были лишь единичные пятна на общем фоне патриотического подъема России»³³⁷.

В сознании большей части российского общества Первая мировая война воспринималась как вторая Отечественная. Русский юрист, общественный и политический деятель В.Д. Кузьмин-Караваев по поводу начавшейся войны писал: «Война – вторая отечественная война! - настолько затмила все остальное, все текущие вопросы внутренней жизни, что под первым впечатлением войны о ней нельзя ни думать, ни говорить»³³⁸.

Многие современники отмечали разницу в настроениях и восприятии общественностью вступления России в мировой конфликт, по сравнению с Русско-японской войной. Публицист газеты «Русский инвалид» М. Доманский в одной из заметок описывал свою поездку в поезде: «Атмосфера в вагоне чисто военная. Разговоры только о войне. Настроение у всех приподнятое, что совершенно не похоже на то, что было десять лет назад в Русско-японскую войну»³³⁹. Своими размышлениями о войне делились на страницах отечественных периодических изданий офицеры, участники Русско-японской войны и Первой мировой. Они неоднократно подчеркивали, что «психология на фронте такая же. Однако существенно иная картина представлена в тылу. Теперь тыл полон воодушевления, единодушия и порывов помощи в интересах ведения победоносной войны»³⁴⁰.

По поводу восприятия общественностью войны лидер кадетской партии П.М. Милуков вспоминал: «Как принята была вообще в России война 1914 г.? Сказать просто, что она была “популярна”, было бы недостаточно. Рабочие стачки – на время – прекратились. Что касается народной массы, ее отношение, соответственно подъему ее грамотности, было более сознательное... Интеллигентская

³³⁷ Деникин А.И. Путь русского офицера... С. 259–260.

³³⁸ Кузьмин-Караваев В.Д. Вопросы внутренней политики // Вестник Европы. 1914. № 8. С. 423.

³³⁹ Доманский М. В вагоне // Русский инвалид. 1914. № 218. 3 октября. С. 3.

³⁴⁰ Военно-исторические психологические наброски // Русский инвалид. 1915. № 4. 4 января.

идеология войны подверглась в гораздо более сильной степени иностранным влияниям, пацифистским и социалистическим»³⁴¹.

Генерал от инфантерии Ю.Н. Данилов считал, что в кругах интеллигенции «не было здорового понимания долга»³⁴². Свою точку зрения он аргументировал обилием лиц, искавших случая или возможности уклониться от призыва вовсе, или в крайности – избежать тягостей службы на фронте, пристроившись в тылу. Генерал Ю.Н. Данилов подчеркивал, «наш мобилизационный отдел был завален просьбами и ходатайствами об освобождении или в крайности о временных отсрочках от призыва»³⁴³.

Историки сходятся во мнении, что размежевание творческой интеллигенции по отношению к Первой мировой войне произошло еще в 1914 г., предопределив разделение интеллигентских кругов, на так называемых, «патриотов» и «пацифистов». Тем не менее, многие ушли на фронт, в том числе С. Черный, Н. Гумилев, К. Редько, В. Чекрыгин, В. Фаворский, В. Вересаев, В. Хлебников, С. Есенин и многие другие³⁴⁴. Автор нашумевшей повести в 1905 г. «Поединок» А.И. Куприн с началом Первой мировой войны открыл в своем доме госпиталь, позднее был мобилизован и служил командиром пехотной роты в Финляндии. Поручик А. Куприн в дни объявления войны стыдился своего писательства: «Мне до сих пор неловко за то, что я писатель и наиболее штатский среди старших товарищей, но я всеми силами постараюсь их наверстать»³⁴⁵.

Патриотические настроения, охватившие российское общество, имели разные способы проявления. По замечанию исследователя Е.Н. Борщукowej, «патриотизм проявлялся в верноподданнических чувствах, добровольных пожертвованиях, заботе государства и общественных организаций, в оказании помощи раненым и больным, участием царской семьи в создании госпиталей и

---

³⁴¹ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 390–391.

³⁴² Данилов Ю.Н. Россия в мировой войне, 1914–1915 гг. Берлин, 1924. С. 112.

³⁴³ Там же.

³⁴⁴ Борщукowa Е.Д. Особенности общественного сознания российских подданных... С. 58.

³⁴⁵ Там же.

других учреждений по помощи пострадавшим в боевых действиях, в антигерманских настроениях»³⁴⁶.

Проявление верноподданнических чувств было зафиксировано дипломатом, послом Франции в России Ж.М. Палеологом. В дневниковой записи от 2 августа, в день обнародования манифеста царя о войне он записал: «Я достигаю площади Зимнего Дворца, где теснится бесчисленная толпа с флагами, знаменами, иконами, портретами царя. Император появляется на балконе. Мгновенно все опускаются на колени и поют русский гимн. В эту минуту, для этих тысяч людей, которые здесь повергнуты, царь действительно есть самодержец, отмеченный Богом, военный, политический и религиозный глава своего народа, неограниченный владыка душ и тел»³⁴⁷. Подобные настроения описывал в своих воспоминаниях и генерал А.С. Лукомский, утверждая, что «императорский выход, после объявления войны, и манифестация на площади Зимнего Дворца отразили в себе воодушевление всего русского народа»³⁴⁸.

Рассуждая об общественных настроениях 1914 г., публицист «Вестника Европы» Л. Слонимский указывал, что «грянула война – и все мигом, как по волшебному перевернулось. Исчез алкоголь, исчезло танго, опустели кафе. Люди забыли о ничтожном, мелком, личном. Над всеми и над всем вырос во всем своем величии своего необъятного роста интерес народа, страны, истории к человечности, поднявшейся на защиту святых завоеваний мировой культуры. В день объявления войны Германия был объявлен и всеми принят внутренний мир. И в этом лежит разгадка того, чем была ознаменована вторая половина 1914 г. Общественная распря замолкла. Ее сменила тяга на войну одних и тяга к войне – других»³⁴⁹.

Медсестра Н.В. Линка (Геппнер), вспоминая об общественных настроениях в начальный период войны, отмечала, что «Россия была охвачена патриотическим энтузиазмом и ненавистью к Германии. Все были твердо уверены, что немцы

³⁴⁶ Борщукова Е.Н. Патриотические настроения россиян... С. 22.

³⁴⁷ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 56–57.

³⁴⁸ Лукомский А.С. Воспоминания генерала А. С. Лукомского. Т. 1. Период Европейской войны. Начало разрухи в России. Борьба с большевиками. Берлин, 1922. С. 53.

³⁴⁹ Слонимский Л. Вопросы внутренней жизни. Эволюция общественного настроения в 1914–1915-х гг. // Вестник Европы. 1916. № 1. С. 413.

спровоцировали войну и нагло напали на миролюбивую Россию. С горячим энтузиазмом провожали воинские эшелоны, уходившие на фронт. Солдатам дарили всякие лакомства, кисеты с табаком и, обязательно, всевозможные иконки и ладанки, предохраняющие от пули и штыка. Светские дамы и барышни бегали на вокзал и забрасывали цветами офицерские вагоны. Всех военных объявляли героями, жертвующими жизнью для спасения родины»³⁵⁰. Воспоминания молодой девушки передают общественные настроения по отношению к войне и ко всему, что с ней связано. В данном отрывке четко прослеживаются те компоненты, которые характеризовали образ офицера того времени. Они воспринимались в качестве героев, готовых идти на жертвы ради спасения Родины.

Подобное отношение общественности к офицерам, отправлявшимся на фронт, можно встретить в воспоминаниях общественно-политического деятеля, философа, в годы мировой войны артиллерийского офицера Ф.А. Степуна: «Не ложь, а правда, великая сердечная правда чувствуется ныне отчетливо во всем настроении России, трезвой, сознательной и бескорыстной; чувствуется в толпе, провожающей эшелоны, в вечерней молитве солдат: “Спаси, Господи, люди Твоя”, в тех цветах, которые население несет отправляющимся на войну солдатам и офицерам, в тех белых лентах, которыми завязаны эти цветы, в надписях на них: “Спаси вас Господь”»³⁵¹.

О единении всего российского общества сообщалось и со страниц отечественных периодических изданий. Все российское общество ожидало известий с фронтов мировой войны. Военный публицист М. Доманский отмечал, что «теперь вся Россия просматривает списки убитых, раненых, без вести пропавших с тяжелым чувством и напряжением, не любопытства, а душевной тревоги. Тревогой не только за своих, за близких, но и за всех, и каждого сына родной земли»³⁵².

---

³⁵⁰ Линка Н.В. «И чего эти девчонки бегают? Сидели бы дома с папой и мамой. Высечь вас некому!»: Воспоминания Н.Д. Линки о Первой мировой войне. Июнь 1914–июнь 1918 г. // Россия XX век. 2016. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1026837> (дата обращения 05.09.2019)

³⁵¹ Степун Ф.А. Из писем прапорщика-артиллериста. [Электронный ресурс]: Томск, 2000. URL: <http://militera.lib.ru/db/stepun/01.html> (дата обращения 06.09.2019)

³⁵² Доманский М. В вагоне // Русский инвалид. 1914. № 218. 3 октября.

Важным штрихом при формировании образа офицера-героя войны было знакомство общественности с подвигами командиров на фронте. В одном из номеров «Вестника X армии» в рубрике «Наши герои» сообщалось о подвиге капитана одного из полков М.К. Попова в Восточной Пруссии во время боев под Гумбиненом. Свою заметку автор начинал со слов: «Общее одушевление, подъем народного чувства, вызванные войной с Германией и Австрией, выливаются в нашей доблестной армии в целый ряд геройских подвигов, отваги, самопожертвования»³⁵³. В данном отрывке четко прослеживается стремление показать народное единение, взаимосвязь между патриотическими чувствами, поддержкой тыла и примерами героизма на фронте. Народное мужество и общее одушевление, охватившее Россию, олицетворялись в действиях капитана М.К. Попова, который командуя ротой, был ранен пулей в руку, но сделав себе перевязку, он остался в строю. «Через час он был снова ранен, но уже в ногу и тем не менее, несмотря на убеждения нижних чинов своей роты, горячо любивших своего удалого ротного командира, остался и после этой раны в строю. Скоро вражеская пуля ранила его в ту же ногу. Однако и после этого капитан Попов не пожелал покинуть свою роту и уйти на перевязочный пункт, говоря, что ему стыдно с таким ранением уйти и оставить свою роту. Мало того, видя, что один молодой солдат выстрелил, не прицеливаясь, капитан, несмотря на сильную боль в раненой ноге, подошел к нему, взял винтовку и стал показывать, как надо стрелять, чтобы нанести вред врагу и не тратить зря патроны. Выстрелив две обоймы патронов, капитан начал заряжать третью, но тут роковая пуля сразила его навеки»³⁵⁴.

Значительные потери, последовавшие с первых месяцев военных действий, особенно были сильны в офицерском составе армии. Все исследователи сходятся во мнении, что за два первых года войны кадровое офицерство было фактически истреблено. По данным С.В. Волкова, основная масса потерь в рядах офицеров российской армии приходилась на 1914–1915 гг. и составляла 45,1 тыс.³⁵⁵

---

³⁵³ Наши герои // Вестник X армии. 1914. № 17. 19 ноября.

³⁵⁴ Там же.

³⁵⁵ Волков С.В. Русский офицерский корпус... С. 399.

Участник Первой мировой войны генерал-лейтенант Н.Н. Головин привел данные о соотношении кровавых потерь и попавших в плен офицеров в различных родах войск. Так, на 100 человек наибольшие потери несли казацьи войска – 94 и гвардия – 91³⁵⁶, что свидетельствует о том, что гвардейские войска обладали не только привилегированным положением, но и самоотверженно сражались.

Многочисленные потери со стороны офицерства актуализировали проблему комплектования и пополнения действующих частей командным составом. Одним из главных источников для восполнения боевых потерь стало студенчество. Положением Совета Министров от 30 сентября 1914 г. отменялись отсрочки от военной службы для студентов. Они мобилизовались в запасные полки, согласно специальностям. Достойных направляли на краткосрочное обучение (4–8 месяцев) и затем определяли в войска унтер-офицерами, менее «достойных» – рядовыми³⁵⁷.

Действительно в начальный период Первой мировой войны успешная мобилизации российской армии во многом была обусловлена патриотическим настроением молодежи и их романтическим представлением о войне. В своих воспоминаниях П.Н. Милюков описывал прощание на вокзале со своим младшим сыном Сергеем: «Началась война; вопреки моим настояниям, он пошел добровольцем, прошел сокращенные офицерские курсы и в новеньком мундирчике приехал прощаться. Мы его проводили на Николаевском вокзале – отпуск был короткий, – смущенного и гордого своим чином и провожавшим его денщиком»³⁵⁸. Таким образом, в первые месяцы войны в среде молодежи было особенно сильно чувство гордости в связи с принадлежностью к офицерской корпорации и ношением офицерского мундира.

Не менее восторженные эмоции испытывал выпускник Московского университета, вольноопределяющийся В. Арамилев. В своих воспоминаниях он писал: «Дождался...Мой год призывается в армию. На улицах, на бульварах новобранцы при встрече с офицерами прикладывают ладонь правой руки к

---

³⁵⁶ Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. [Электронный ресурс]: Париж, 1939.URL: http://militera.lib.ru/research/golovnin_nn/index.html (дата обращения 05.09.2019).

³⁵⁷ Борщук Е.Д. Особенности общественного сознания российских подданных... С. 56.

³⁵⁸ Милюков П.Н. Воспоминания... С. 398.

смятым картузам, самодельным войлочным шляпам – отдают честь»³⁵⁹. Далее он продолжал: «Жеманно улыбаясь и любуясь собой, разгуливают группы вновь испеченных офицеров в тщательно пригнанных гимнастерках поднебесно-свинцового цвета. Местные гимназистки и епархиалки окидывают офицеров влюбленно-восторженными взглядами»³⁶⁰. Таким образом, уже с первых дней войны в России начался процесс формирования офицеров военного времени, которые были выходцами из различных слоев российского общества.

Об остроте проблемы восполнения боевых потерь свидетельствует наличие статей и заметок, посвященных решению данного вопроса. Гражданский публицист М.О. Меньшиков в качестве одной из лучших мер считал пополнение офицерского корпуса из его же среды. Для этого он считал необходимым привлечь в ряды действующей армии бывших офицеров, ничем не опороченных. Другую возможную меру он видел в возвращении на фронт поправившихся раненых. М.О. Меньшиков отмечал многочисленные героические подвиги новоиспеченных офицеров, однако он был убежден, что «героическая молодежь не сможет приобрести нужный опыт для руководства солдатами и заменить “коренных” офицеров. Армии нужны люди, любящие ее и ее работы, готовые на жертвы, на походные неудобства, жаждущие подвига. С ними не может не быть победы»³⁶¹.

Данная заметка является свидетельством того, что уже в рамках первоначального этапа боевых действий в обществе была предпринята попытка размежевать офицерство российской армии по принципу принадлежности к кадровому и офицерству военного времени. Однако, стоит подчеркнуть, что в 1914 г. эта проблема не стояла так остро. Образ офицера в сознании российской общественности был монолитным, все военачальники, независимо от срока службы и социальной принадлежности, воспринимались общественностью, как

---

³⁵⁹ Арамилев В. В дыму войны. Записки вольноопределяющегося (1914–1917 гг.) М., 1930. С. 14–15.

³⁶⁰ Там же. С. 15.

³⁶¹ Обзор печати // Русский инвалид. 1914. № 220. 5 октября.

герои войны. В период с января по сентябрь 1915 г. численность офицерского корпуса действующей армии увеличилась с 48886 до 58011 человек³⁶².

Второй этап трансформации общественных представлений, по мнению О.С. Поршневой, приходится на период весны–лета 1915 г. и связан с Великим отступлением российской армии³⁶³. Исследователь отметила, что в марте по стране прокатилась вторая волна патриотического подъема в связи со взятием войсками крепости Перемышль³⁶⁴. Однако, дальнейшие неудачи сделали очевидными для российского общества просчеты в процессе военной подготовки. Автор приходит к выводу, что ошибки в ходе боевых операций привели к подрыву доверия к царизму и к корректировке образа войны. Определенным изменениям подвергся и образ командного состава российской армии.

Во время Великого отступления русская армия была вынуждена оставить огромные территории: Галицию, Польшу, Литву. Неудачи, сопровождавшие российские войска, не могли не повлиять на восприятие войны российской общественностью. Прежде всего, осознание трагичности сложившегося положения произошло в офицерских кругах и высшего военного руководства. Русский военачальник, военный ученый, исследователь Первой мировой войны Н.Н. Головин отмечал, что отход русских армий вызвал много трагических переживаний в среде высшего русского командования. Сдача таких крепостей, как Новогеоргиевск и Ковно, очистка Ивангорода, Гродно и Брест-Литовска порождали панику в тылу. Генерал подчеркивал, что «решиться на отвод армий в глубь страны было для нашего высшего командования психологически чрезвычайно трудно. Всякое отступление подрывает дух войск, а такой грандиозный отход, как очищение громадной территории империи, именно всей Польши, Литвы, Белоруссии и части Волыни, должен был тяжело отразиться на психике всей страны»³⁶⁵.

---

³⁶² Волков С.В. Русский офицерский корпус... С. 363.

³⁶³ Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат... С. 183.

³⁶⁴ Там же.

³⁶⁵ Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. [Электронный ресурс]: Париж, 1939. URL: http://militera.lib.ru/research/golovnin_nn/index.html (дата обращения 05.09.2019).

Великое отступление породило в многомиллионной солдатской массе разнообразные слухи об измене. По мнению генерала Н.Н. Головина, причиной широкого распространения слухов являлось подтверждение мрачных предположений 1914 г. о катастрофе в боевом снабжении³⁶⁶.

Падение боевого духа в армии, распространение всевозможных слухов об измене привело к появлению большого числа писем из рядов войск на имя Главнокомандующего. В этих письмах содержалась критика ближайшего начальства. По мнению генерала Н.Н. Головина, «многие из этих писем были написаны из патриотических чувств и некоторые из них были справедливы, но сам факт их появления являлся ярким признаком падения доверия к начальникам и падения дисциплины»³⁶⁷.

Мнение о слабости командного состава, его неподготовленности достаточно быстро закрепляется в представлениях не только солдат, но и самих офицеров. Воспоминания, дневниковые записи офицеров содержат большое количество свидетельств, подтверждающих этот факт. По замечанию историка И.Н. Гребенкина, «в боевых условиях внутрикорпоративная солидарность и либерализм оборачивались недостаточной требовательностью начальников с одной стороны и низкой личной ответственностью подчиненных за исполнение приказа с другой. Признаки разложения наблюдались в тактическом поведении командного состава. Наиболее распространенной формой их инициативы являлись отходы, осуществляемые под предлогом неудобства позиции, опасности нападения противника, артиллерийского обстрела»³⁶⁸. Во многом такая позиция офицерского корпуса обуславливалась наличием некоего отчуждения, существовавшего еще до войны, между различными родами войск. Пассивность командного состава оказывала разлагающее воздействие на солдат российской армии.

Отступление русских войск, огромные людские потери вносили свои коррективы в общественные представления о войне. В российском обществе

---

³⁶⁶ Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. [Электронный ресурс]: Париж, 1939.URL: http://militera.lib.ru/research/golovnin_nn/index.html (дата обращения 05.09.2019).

³⁶⁷ Там же.

³⁶⁸ Гребенкин И.Н. Долг и выбор: русский офицер... С. 131–132.

закономерно зрел вопрос, в чем же причина неудач русского оружия? Поиск причин отступления неминуемо в общественном сознании заменялся на поиск виновных. Прежде всего, вина за поражения возлагалась на политическое руководство и военное командование российской армии. «Пессимистическое настроение фронта передавалось в тыл при посредстве тысячи нитей, связывающих современную многомиллионную армию с народом. Письма к родным, жалобы раненых, рассказы возмущенных представителей общественности являлись теми каплями, составлявшими целые потоки мрачных настроений, которые в конце сливались в океан общего недовольства и растерянности»³⁶⁹. Военные неудачи на фронте приводили к росту оппозиционных настроений всего российского общества. Слухи об измене политического руководства страны и высшего военного командования заражали общество.

Публицист Л. Слонимский указывал, что «начало 1915 г. характеризовалось тем же подъемом настроения, с которым Россия встретила вызов воинствующего германизма, и тем же торжеством общего интереса над личным, который дал первый день войны. С весны подъем пошел на убыль»³⁷⁰. Публицист одну из главных ролей в этом отводил военным неудачам, однако, не менее существенным фактором считал разрушение внутреннего мира, установившегося в стране в первый год войны. По мнению публициста, «внутренний мир разрушался систематично и с неуклонной последовательностью»³⁷¹. После Великого отступления Россию охватили негативные процессы, которые не могли привести ее к победе. Среди таких негативных тенденций можно назвать поиск виновных в военных неудачах, перекладывание ответственности, зреющее недоверие офицеров к высшему командованию, солдат к офицерам, российского общества к армии и политическому руководству страны.

---

³⁶⁹ Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. [Электронный ресурс]: Париж, 1939.URL: http://militera.lib.ru/research/golovnin_nn/index.html (дата обращения 05.09.2019).

³⁷⁰ Слонимский Л. Вопросы внутренней жизни. Эволюция общественного настроения в 1914–1915-х гг. // Вестник Европы. 1916. № 1. С. 414.

³⁷¹ Там же. С. 415–416.

Исследователь И.Н. Гребенкин отмечал, что высокая конфликтность отличала взаимоотношения командиров и штабов всех уровней. Отсутствие доверия, неумение и нежелание конструктивно сотрудничать в боевой обстановке сказывались на качестве и результатах боевых задач³⁷².

На осень 1915 г. приходится следующий этап трансформации общественных представлений о войне³⁷³. По замечанию О.С. Поршневой, население руководствовалось в основном социальными мотивами, которые диктовались необходимостью выживания в сформировавшейся экономической ситуации, под воздействием которой проявилась психологическая усталость населения от войны.

П.Н. Милюков отмечал, что «в 1915 г. страна жила инерцией довоенного благополучия. Первые наборы еще не успели ослабить народную производительность, посева почти не уменьшились, вклады в сберегательные кассы росли, миллиардные кредитные операции Государственного банка удавались на славу, эмиссии краткосрочных обязательств прибавляли новые выпуски бумажных денег к непокрытым старым... Темная сторона этого кажущегося благополучия уже начинала, правда, сказываться: рост цен на продукты потребления, обесценивание заработной платы и содержания администрации, падение вывозной торговли с закрытием границ и т. д. Начинал расстраиваться и транспорт, но в общем распределительный аппарат страны еще не был парализован»³⁷⁴.

Решение повседневных проблем, вызванных войной, военные неудачи способствовали распространению пессимистических настроений в обществе. Вопрос о причинах и виновниках военных неудач, витающий в воздухе еще весной–летом 1915 г., теперь обсуждался на страницах отечественных периодических изданий. Публицист К. Арсеньев в «Вестнике Европы» писал: «Неизбежно возникает вопрос о причине неудач, так долго следовавших одна за другою, так дорого стоивших народу и только в самые последние дни

---

³⁷² Гребенкин И.Н. Долг и выбор: русский офицер... С. 112–113.

³⁷³ Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат... С. 185.

³⁷⁴ Милюков П.Н. Воспоминания... С. 434.

перестающих висеть грозовой тучей над страной. С полной ясностью эти причины будут обнаружены еще нескоро, но уже теперь нельзя сомневаться в том, что многое было упущено, многое сделано неудовлетворительно или слишком поздно, многое скрыто, многое представлено законодательным палатам не в полном виде»³⁷⁵.

В действующей армии и в среде офицерства зрело недовольство всем происходящим в тылу. В конце 1915–начале 1916 гг. широкое распространение получили слухи о том, что не только власть, но и общество отвернулось от фронта³⁷⁶. Особое недовольство у военных вызывало большое количество молодых людей, избегающих фронта. Прапорщик К.В. Ананьев описал эти настроения следующим образом: «И кто же больше всего говорит о тяжести жизни на позиции, о боях и т. п. – все эти “цеплялы”, а кто больше всего придирается к прапорщикам, случайно попавшим с позиции в города, – офицеры мирного времени и военного времени, не нюхавшие “дыму”, а щеголяющие в столицах в формах мирного времени...»³⁷⁷.

На страницах газеты «Русский инвалид» обвиняли чиновников гражданского ведомства, общественных и санитарных организаций в том, что они надели защитное обмундирование, погоны, шашки, револьверы и возомнили себя военнослужащими. На страницах военной газеты таких людей именовали не иначе как, «маскарадники», «гражданские генералы». Автор данной заметки был убежден, что «не только нижние чины, но и офицеры затруднялись отличить «маскарадника» от офицера. Весьма многие из них, желая подчеркнуть свою мнимую принадлежность к составу русской армии, удостаивают любовным приветствием генералов, но и не упускают возможность предъявить нижним чинам требования об отдании чести. Любителей маскарада можно встретить повсюду. Офицеры вынуждены ютиться в коридорах, в то время как купе переполнены таинственными незнакомцами в защитной форме»³⁷⁸.

---

³⁷⁵ Арсенев К. На темы дня. Перелом в общественном настроении // Вестник Европы. 1915. № 10. С. 369.

³⁷⁶ Гребенкин И.Н. Долг и выбор: русский офицер... С. 144.

³⁷⁷ Господи! Скоро ли кончатся наши муки!... С. 184.

³⁷⁸ Нестерпимый маскарад // Русский инвалид. 1917. № 15. 16 января.

С весны 1916 г., по мнению О.С. Поршневой, прослеживается скептицизм по отношению к военным лозунгам, таким как: «До победного конца!». Апатичность в тех слоях населения, которые в начале войны испытали стихийный инстинктивный всплеск патриотизма. Исследователь приходит к выводу, что предпосылки социального взрыва становятся все более очевидными³⁷⁹.

К третьему году продолжавшейся мировой войны фактически были исчерпаны резервы довоенного времени. В своих воспоминаниях П.Н. Милюков приводит сжатое резюме положения, сделанного для чрезвычайной комиссии бывшим министром внутренних дел А.Д. Протопоповым: «Финансы расстроены, товарообмен нарушен,...пути сообщения – в полном расстройстве.....Наборы обезлюднили деревню, остановили землеобрабатывающую промышленность, проявился громадный недостаток рабочей силы, пополнялось это пленными и наемным трудом персов и китайцев...; местами голод, дороговизна товаров и общее недовольство... Многим казалось, что только деревня богата; но товара в деревню не шло, и деревня своего хлеба не выпускала. Но и деревня без мужей, братьев, сыновей и даже подростков тоже была несчастна. Города голодали, торговля была задавлена, постоянно под страхом реквизиций... Армия устала, недостатки всего понизили ее дух, а это не ведет к победе»³⁸⁰.

Сравнивая общественные настроения за годы войны, российский публицист Л. Слонимский подчеркивал изменение соотношения личных интересов над общероссийскими в 1916 г. По его мнению, важным индикатором, свидетельствующем о доминировании личных интересов, стало изменение тематики периодических изданий. Л. Слонимский указывал, что «в общественном внимании судебные процессы, отчеты о театральные представлениях, известия о кражах и рассказы о занимательных уличных эпизодах, не говоря уже про сообщения о муке, о мясе, о дровах и о железнодорожных беспорядках, стали успешно конкурировать с известиями с театра военных действий. Интерес к войне в глубоком тылу, конечно, не исчез. Но в отношении тыла к войне явились новые

---

³⁷⁹ Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат... С. 125.

³⁸⁰ Милюков П.Н. Воспоминания... С. 434.

нехорошие ноты. Активность в этих отношениях стала постепенно уступать место пассивности и какому-то фатализму»³⁸¹. Явная тенденция в сокращении количества военных заметок представляла собой некий индикатор, свидетельствующий об изменении отношения общества к войне.

Ухудшение экономического положения разных социальных групп привело к изменению образа войны и всего, что с ней связано. Непопулярность войны в стране и армии отчетливо проявилась в распаде тех патриотических мотивов и чувств, которыми в 1914 г. было охвачено российское общество. Постоянные неудачи на театре боевых действий способствовали распространению пессимистических настроений и представлений о некомпетентности командного состава. Генерал Н.Н. Головин писал по этому поводу: «Неудачи попыток прорыва немецких позиций на Северном и Западном фронтах чувствительнее отражались в нашем тылу и на общественном настроении, нежели победы в Галиции и на Кавказе (Эрзерум)...В растущем пессимизме все ошибки нашего командного состава рассматривались в увеличительное стекло»³⁸².

Обстановка, сложившаяся к 1916 г. на фронте и в тылу, привела к критической точке взаимоотношений между Государственной думой и правительством. Политический взрыв произошел уже в день открытия заседания Государственной думы после речи лидера кадетской партии П.Н. Милюкова, известная под названием «Глупость или измена?». Впоследствии, в своих воспоминаниях Милюков отмечал, что к настоящему времени «удар по Штюмеру теперь недостаточен; надо идти дальше и выше фигурантов “министерской чехарды”, вскрыть публично “темные силы”, коснуться “зловещих слухов”, не щадя и того источника, к которому они восходят. Я сознавал тот риск, которому подвергался, но считал необходимым с ним не считаться, ибо, действительно, наступал “решительный час”. Я говорил о слухах об “измене”, неудержимо распространяющихся в стране, о действиях правительства, возбуждающих общественное негодование, причем в каждом случае предоставлял

³⁸¹ Слонимский Л. Вопросы внутренней жизни. Эволюция общественного настроения в 1914–1915-х гг. // Вестник Европы. 1916. № 1. С. 418.

³⁸² Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. [Электронный ресурс]: Париж, 1939.URL: http://militera.lib.ru/research/golovnin_nn/index.html (дата обращения 05.09.2019).

слушателям решить, “глупость” это “или измена”. Аудитория решительно поддержала своим одобрением второе толкование – даже там, где сам я не был в нем вполне уверен»³⁸³.

П.Н. Милюков, обрушившись с резкой критикой на императора и одновременно Верховного главнокомандующего русской армией, спрашивал на заседании Государственной думы: «Когда вы целый год ждете выступления Румынии, настаиваете на этом выступлении, а в решительную минуту у вас не оказывается ни войск, ни возможности быстро подвозить их по единственной узкоколейной дороге, и, таким образом, вы еще раз упускаете благоприятный момент нанести решительный удар на Балканах, - как вы назовете это: глупостью или изменой?»³⁸⁴.

В российском обществе вера в командный состав, его боеспособность к 1916 г. была подорвана. О распространении подобных настроений в сознании российской общественности свидетельствуют основные положения Записки председателя Государственной думы М.В. Родзянко, составленной в конце 1916 г.:

1) Русское Высшее командование либо не имеет заранее подготовленных планов операций, либо, если их имеет, то их не выполняет (Ковельская операция).

2) Высшее командование не умеет или не может организовать крупную операцию на вновь открывающемся фронте, частью за неимением достаточных сведений, частью за полной хозяйственной беспомощностью военных властей (Румынская операция).

3) Высшее командование не имеет единообразных методов обороны и нападения и не способно подготовить наступление.

4) В деле назначения и смены командного состава нет системы, и назначения на высшие посты носят часто случайный характер, благодаря чему посты занимают лицами, не соответствующими занимаемому посту.

---

³⁸³ Милюков П.Н. Воспоминания... С. 445.

³⁸⁴ Речь П.Н. Милюкова, произнесенная на заседании Государственной думы 1 ноября 1916 г. // Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996. С. 185.

5) Высшее командование не считается с потерями живой силы и не проявляет достаточной заботливости о солдатах³⁸⁵.

М.В. Родзянко считал, что именно несостоятельность офицеров как военачальников привела к остановке наступления генерала Брусилова и разгрому русской армии в Румынии. Он считал, что победа возможна только при устранении всех вышеперечисленных недостатков. Председатель Государственной думы считал, что это осознание данного положения проникло глубоко в ряды армии, и не только в ряды офицеров, но и в ряды простых солдат. По его мнению, «армия перестала верить своим вождям, армия не допускает, чтобы вожди могли бы распоряжаться целесообразно и правильно. Армия находится в таком состоянии, что всякий злой слух, всякая клевета комментируется и принимается как лишнее доказательство полной неспособности командного состава побороть встречающиеся на их пути затруднения и вести армию к победе. В силу этого в армии появляются вялое настроение, отсутствие инициативы, паралич храбрости и доблести»³⁸⁶.

Офицер Ф.А. Степун также признавал отсутствие веры у солдат во многих офицеров. В своем письме к жене от 12 ноября он писал: «Убийство солдатами офицера было, конечно, всегда возможно, но ничем не вызванное признание в этом убийстве было бы год тому назад совершенно немислимо»³⁸⁷. О потере власти офицеров над солдатами сообщал 5 октября 1916 г. 19-летний прапорщик К.В. Ананьев: «Пришел командир I батальона 406 полка, беседовали преимущественно о предстоящей атаке. Получили диспозицию: «“Выходить всем вместе, идти смело, занять высоту 114,8 и двигаться к опушке леса и там окопаться”. Хорошо писано. Это хорошо диктовать свежим войскам, а в данном случае – это вызвало лишь горькую усмешку: “все вместе”, да – офицеры выскочат все вместе, но солдаты нет, ведь один офицер роте – что он сделает»³⁸⁸. Рост недоверия солдат к офицерам, падение их авторитета находилось в тесной

³⁸⁵ Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. [Электронный ресурс]: Париж, 1939.URL: http://militera.lib.ru/research/golovnin_nn/index.html (дата обращения 05.09.2019).

³⁸⁶ Там же.

³⁸⁷ Степун Ф.А. Из писем прапорщика-артиллериста. [Электронный ресурс]: Томск, 2000. URL: <http://militera.lib.ru/db/stepun/01.html> (дата обращения 06.09.2019).

³⁸⁸ «Господи! Скоро ли кончатся наши муки!...»... С. 182.

зависимости от ухудшения экономической обстановки в тылу. Обеспокоенность солдат о положении своих семей, находящихся в тылу, способствовала появлению отчуждения между офицерами и солдатской массой.

Генерал Н.Н. Головин отмечал, что «выражение всеобщего недовольства, окончательное падение авторитета власти, предчувствие, даже уверенность в надвигающейся страшной катастрофе можно прочесть решительно во всех мемуарах, относящихся к этому времени. Во всех слоях общества и народа распространялись слухи, один мрачнее другого. Почти открыто говорилось о необходимости династического переворота. Страна была окончательно деморализована. Из такого тыла не мог уже вливаться в армию дух бодрости; такой тыл мог только вносить в армию дух разложения»³⁸⁹. В воспоминаниях видного военного деятеля генерала Н.Н. Головина, как и в других текстах было зафиксировано важное изменение в общественных представлениях и в сознании офицерства по отношению к монарху и правящей династии в целом. Один из общественных скрепов «За царя» потерял свою ценность и значение в сознании офицерского корпуса и всего российского общества.

В уничижительном ключе о действиях офицеров пишет в своем дневнике русский поэт А.А. Блок, призванный на войну в 1916 г. Его дневниковая запись датирована 23 июлем 1917 г., но по всей видимости, те настроения по отношению к офицерам, имели распространение еще в конце 1916 г. А.А. Блок описывал ситуацию в одном из столичных заведений: «Между прочим, юнкера Николаевского кавалерийского училища с офицерами пили за здоровье царя. Отчего же после этого хулить большевиков, ужасаться перед нашим отступлением, перед дороговизной, и пр., и пр., и пр.? Ничтожная кучка хамья может провонять на всю Россию. Боже, боже, — ночь холодная, как могила. Швейцар сегодня рассказывал мне хорошо об офицерском хамстве. Вот откуда идет “разложение армии”. Чего же после этого ждать?»³⁹⁰.

---

³⁸⁹ Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. [Электронный ресурс]: Париж, 1939.URL: http://militera.lib.ru/research/golovnin_nn/index.html (дата обращения 05.09.2019).

³⁹⁰ Блок А.А. Дневник. М., 1989. С. 236.

Подобное отношение российского общества к офицерскому корпусу не могло не привести к упадку духа и веры в победу в среде офицерства. Характеризуя свое морально-психологическое состояние, Ф.А. Степун отмечал, что недостаток продовольствия и фуража приводил к невозможности исполнять свои обязанности. «За всем надо охотиться, как за дичью, и, ей-Богу, я, батарейный командир, чувствую себя более помещиком в неурожайный год, чем строевым офицером. Нечего удивляться, что при таких условиях даже у нас, у кадровых офицеров, начинают иной раз опускаться руки и подниматься мысли: не плюнуть ли на все и не податься ли куда-нибудь поглубже в тыл»³⁹¹.

Усталость общества от войны проявлялось в разных формах дезертирства. Если в начале войны это преимущественно «самострелы», то в 1915 г. – это уклонение от окопов. К концу 1916 г. дезертирство принимает форму бегства с фронта в тыл³⁹². В своих воспоминаниях молодой прапорщик К.В. Ананьев указывал: «Я уже 1 мая надел офицерские погоны – теперь лечу на позицию. Итак, мое желание осуществилось – попасть с офицерскими погонами на позицию. Не мог я усидеть больше 1 ½ месяцев в 159 пех. запполку: тоска, хоть и в город съездишь, и на занятиях иногда перестараться, но всё хочется чего-то другого, более существенного, чем это – это прозябание по году и ½ года в запасном полку. Видишь, как многие стараются остаться в полку как можно дольше и бледнеют при вести о командировании»³⁹³. Так, в июне 1916 г. по России было задержано 529 солдат без документов, до 25 % состава маршевых рот могли не доходить до пункта назначения³⁹⁴. В условиях организации наступательных действий на Юго-Западном фронте эти показатели являлись достаточно высокими.

Остановить дезертирство не могло и армейское духовенство, которое с началом войны в 1914 г. было также мобилизовано. Его первоочередной задачей являлось воздействие на солдат в религиозно-патриотическом духе,

³⁹¹ Степун Ф.А. Из писем прапорщика-артиллериста. [Электронный ресурс]: Томск, 2000. URL: <http://militera.lib.ru/db/stepun/01.html> (дата обращения 06.09.2019).

³⁹² Оськин М.В. Российские дезертиры Первой мировой войны // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История Русской православной церкви. 2014. № 5 (60). С. 46.

³⁹³ «Господи! Скоро ли кончатся наши муки!»... С. 141.

³⁹⁴ Оськин М.В. Российские дезертиры... С. 56.

формирование правильного настроения, поддержание боевого духа. Православная ритуалистика должна была сформировать особую надконфессиональную идентичность воюющих, объединенных единой волей к победе³⁹⁵. Однако ужасы и реалии боевой жизни, неудачи на фронте, материальные затруднения, всевозможные слухи об измене царя, царицы, высшего военного руководства способствовали резкому снижению уровня «окопной религиозности» по сравнению с 1914 г.³⁹⁶.

В период с февраля по ноябрь 1916 г. численность офицерского корпуса увеличилась с 89432 до 115201 человек³⁹⁷. Несмотря на внутривойсковые и внешнеполитические трудности, среди молодых людей еще можно было встретить тех, кто испытывал восторженную радость при вступлении в ряды офицерского корпуса российской армии. К.В. Ананьев описал свои чувства при получении своего первого офицерского звания 1 мая 1916 г.: «Сегодня день великий, день, который останется навсегда в памяти каждого юнкера, произведенного сегодня. Как-то не верится, что через несколько часов будешь офицером... Хотя все приготовленные одеяния: китель, офицерское снаряжение, – всё говорит о чем-то радостном, которое произойдет очень скоро... и которого так нетерпеливо дожидались 4 месяца. Наконец, в 9 часов послышалось известие: «“Стройся на производство”, и мы на скорую руку становились, толпились и весело болтали, называя друг друга прапорщиками и гг. офицерами. Вот мы уже стоим в зале, где нас при поступлении исследовал медицинский осмотр, куда мы вошли статскими, а выйдем... офицерами... Вот мы уже стоим в зале, где нас при поступлении исследовал медицинский осмотр, куда мы вошли статскими, а выйдем... офицерами»³⁹⁸.

Однако в среде кадрового офицерства все более отчетливо прослеживалось некоторое презрение к, так называемым, офицерам военного времени. Прапорщик Ф.А. Степун в 1916 г. писал: «Пехоты у нас нет. Пополнение с каждым разом все

---

³⁹⁵ Леонтьева Т.Г. Православный Российский империи на фронте и в тылу (1914–1917 гг.) // Вестник ТвГУ. Серия: История. 2015. № 1. С. 46.

³⁹⁶ Там же. С. 47.

³⁹⁷ Волков С.В. Русский офицерский корпус... С. 363.

³⁹⁸ «Господи! Скоро ли кончатся наши муки!...»... С. 142–143.

хуже и хуже. Шестинедельной выпечки прапорщики никуда не годятся. Как офицеры, они безграмотны, как юнцы, у которых молоко на губах не обсохло, они не авторитетны для солдат. Они могут героически гибнуть, но они не могут разумно воевать»³⁹⁹.

Авторитетный военный журнал «Разведчик» также высказался по этому поводу 3 января 1917 г.: «Всем хорошо известно, что наибольшее число наших офицеров в настоящий момент имеет чин прапорщика. Отдавая должную честь боевым качествам и доблести прапорщиков, нельзя все-таки не упомянуть о том, что прапорщики, пройдя лишь очень короткую военную службу, не всегда успевают проникнуться тем, что достойно военного мундира налагает известные обязанности и заставляет вести себя в общественных местах особенно корректно. Прапорщики же эти не всегда держат себя так, как полагает офицеру, роняя тем самым престиж офицерского мундира»⁴⁰⁰.

По замечанию И.Н. Гребенкина, «в научном сообществе прочно закрепилось представление о том, что многочисленное и демократичное по составу офицерское пополнение военного времени выступало едва ли не главным фактором снижения боевых качеств войск в ходе войны, их разложения и втягивания их впоследствии в гражданскую борьбу. Этот взгляд, унаследованный из известных оценок представителей командования периода войны, закреплённый в мемуарном и историческом наследии, стал логическим основанием, для того чтобы снять ответственность за отсутствие военных успехов с генералитета и кадрового офицерства и противопоставить их офицерам военного времени, как в профессиональном, так и социально-политическом плане»⁴⁰¹.

Военный историк А.А. Керсновский в своих рассуждениях российскую армию перед революцией именуется не иначе как «вооружённым народом». А.А. Керсновский неоднократно подчеркивал, что отношение солдат к разным типам офицеров кардинально отличалось. Он считал, что остатки кадрового офицерства сохранили уважение среди значительной массы рядового состава.

---

³⁹⁹ Степун Ф.А. Из писем прапорщика-артиллериста. [Электронный ресурс]: Томск, 2000. URL: <http://militera.lib.ru/db/stepun/01.html> (дата обращения 06.09.2019)

⁴⁰⁰ С. Прапорщики и капитаны // Разведчик. 1917. № 1365. С. 6.

⁴⁰¹ Гребенкин И.Н. Долг и выбор: русский офицер... С. 103.

Офицеры же военного времени пользовались меньшим авторитетом, особенно те, которые напускали на себя не принятое в Русской армии высокомерие⁴⁰². Однако выдвинутые тезисы историка эмиграции опровергают многие источники личного происхождения, в которых зафиксировано отношение к солдату, как к расходному материалу войны⁴⁰³.

Таким образом, к периоду Первой мировой войны относится следующий этап трансформации образа офицера в российском обществе. Образ офицера в условиях военного времени находился в прямой зависимости от представлений общества о войне, поскольку командный и офицерский состав являлись одними из главных участников на театре боевых действий. В 1914–1915 гг. офицеры воспринимались российской общественностью как герои, защитники Отечества. Однако, военные неудачи способствовали распространению взглядов об офицерстве, как слабых, порой даже трусливых полководцах. По мере продолжения войны все более очевидным становится раскол российского общества. Он происходил по нескольким направлениям. Во-первых, высокий уровень конфликтности прослеживался между офицерами и высшим военным командованием, между родами различных войск. Во-вторых, линия раскола наблюдалась во взаимоотношениях между солдатами и военачальниками.

В-третьих, существенно изменился социокультурный облик офицерского корпуса, в рядах которого также происходило размежевание. В-четвертых, наблюдалось отчуждение между тылом и фронтом. Так, накануне февральской революции российское общество было сильно фрагментировано. Снижение боевых и моральных качеств офицерства, которое к этому времени состояло из представителей разных социальных групп, свидетельствовало об остром социально-политическом кризисе в стране.

---

⁴⁰² Керсновский А.А. История русской армии // Российский военный сборник. Вып. 3. М., 1994. С. 163.

⁴⁰³ Гребенкин И.Н. Долг и выбор: русский офицер... С. 109.

2.2 Изменение общественных представлений об офицерах в прессе после свержения самодержавия

Обострение социально-политического кризиса в конце 1916–начале 1917 гг. в российском обществе привело к февральским революционным событиям, к гибели самодержавного строя. Эти события сопровождались значительными изменениями в сознании российской общественности. По свидетельствам современников революции, отречение Николая II было восторженно встречено российским обществом. На улицах столицы царило необычайное воодушевление и общенациональная эйфория, дух свободы и перемен. Массовая политизация способствовала усилению политической активности практически всех социальных слоев в Российской империи. Вне политики не удалось остаться армии и офицерскому корпусу. Русские офицеры, связанные присягой перед престолом и царем, были поставлены в ситуацию выбора: принять новую власть или бороться за восстановление старого режима. В зависимости от удаленности от очага революционных событий, степени вовлеченности в политическую борьбу менялось отношение офицеров к отречению Николая II и их поведение в сложившейся ситуации.

В исследовательской литературе неоднократно подчеркивалось, что Первая мировая война стала рубежом открытого разрыва самодержавной власти и офицерского корпуса⁴⁰⁴. Некоторые исследователи отмечали огромную роль офицерского корпуса, прежде всего, генералитета в свержении самодержавного строя в России⁴⁰⁵. Историк Д.А. Кузнецов, характеризуя офицерский корпус, указывал, что «монархические настроения в офицерском корпусе постепенно выветривались, а вместо них усиливалась ненависть к царю и ко всему монархическому строю Российского государства. Такое офицерство не только переставало быть надежной опорой династии Романовых, но наоборот стало

---

⁴⁰⁴ Аристов А.В. Взаимоотношения самодержавия и офицерского корпуса российской империи в начале XX века // Вестник военного университета. 2007. № 3 (11). С. 5.

⁴⁰⁵ Мультатули П.В. Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. [Электронный ресурс]: СПб., 2002. URL: <http://militera.lib.ru/research/multatuli/index.html> (дата обращения 16.07.2018).; Кузнецов Д.А. Участие высшего командного состава русской армии в заговоре против Николая II // Гуманитарные проблемы военного дела. 2017. № 1 (10). С. 41–45.

угрожать ее существованию»⁴⁰⁶. В офицерском корпусе же существовали разные точки зрения по этому вопросу. Различным было и восприятие революционных событий офицерами российской армии.

В феврале 1917 г. Петроград стал главной сценой, на которой развернулись революционные события. Армия и офицерский корпус, находящиеся в столице, должны были быстро реагировать на стремительно изменяющуюся обстановку. Солдатская масса уже в первые дни революции примкнула к горожанам, вышедшим на улицы столицы. Февральские события многих офицеров застали врасплох, что предопределило выжидательную позицию многих из них. Те, кто пытался оказать противодействие революционному выступлению, погибали, как правило, от рук своих же подчиненных. По замечанию В.Л. Кожевина, офицеры в тот период времени олицетворяли власть, которая намеревалась подавить восстание⁴⁰⁷.

А.И. Деникин в «Очерках русской смуты» описывал ситуацию в Петрограде следующим образом: «Командный состав многих частей растерялся, не решил сразу основной линии своего поведения, и эта двойственность послужила отчасти причиной устранения его влияния и власти <...> Офицерство несомненно переживало тяжелую драму, став между верностью присяге, недоверием и враждебностью солдат, – и велением целесообразности. Часть офицеров, очень небольшая, оказала вооруженное противодействие восстанию и в большинстве погибла, часть уклонилась от фактического участия в событиях, но большая часть в рядах полков, сохранивших относительный порядок, в лице Государственной Думы искала разрешения вопросов мятущейся совести»⁴⁰⁸. Несмотря на то, что некоторые офицеры оказали противодействие революционерам, собрание офицеров Петрограда 1 марта вынесло постановление: «Идя рука об руку с народом... признавая, что для победоносного окончания войны необходима скорейшая организация порядка и дружная работа в тылу, единогласно

---

⁴⁰⁶ Кузнецов Д.А. Борьба политических партий России за офицерский корпус в Февральской революции 1917 г. // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2019. Выпуск № 1 (18). С. 63.

⁴⁰⁷ Кожевин В.Л. Российское офицерство... С. 131.

⁴⁰⁸ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Кн.1. Т.1. Крушение власти и армии... С. 142.

постановили признать власть исполнительного комитета Государственной Думы впредь до созыва Учредительного Собрания»⁴⁰⁹.

Ставка Верховного главнокомандующего в Могилеве стала еще одним из эпицентров, разворачивающихся событий. Значительная часть офицеров Ставки негативно восприняла свержение самодержавия. Для многих офицеров это было неожиданным и непонятным. Очевидец событий, генерал Д.Н. Дубенский в своих воспоминаниях описал настроения в Ставке. Он указывал, что в это время широкой популярностью в Государственной Думе, у разных политических партий, в среде высшего командования пользовался генерал М.В. Алексеев. По мнению Д.Н. Дубенского, император Николай II также симпатизировал и доверял М.В. Алексееву. Генерал Д.Н. Дубенский был глубоко убежден, что «при таком положении генерал Алексеев мог и должен был принять ряд необходимых мер, чтобы предотвратить революцию, начавшуюся в разгар войны, – да еще в серьезнейший момент, перед нашим весенним наступлением. У него была вся власть. Государь поддержал бы его распоряжения. К величайшему удивлению, генерал Алексеев не только не рискнул начать борьбу с начавшимся движением, но с первых же часов революции выявилась его преступная бездеятельность и беспомощность»⁴¹⁰. Отречение Николая II неожиданным было не только для многих офицеров, но и для солдат российской армии. По замечанию генерала Д.Н. Дубенского, солдаты, находившиеся в Ставке в Могилеве, не ожидали нагрянувших событий и в первые часы революции сохраняли спокойствие⁴¹¹.

Некоторые же из офицеров, видели и свою заслугу в свержении самодержавия. В частности, генерал Н.В. Рузский после отречения императора заявлял: «Я убедил его отречься от престола в тот момент, когда для него самого стала ясна неисправимость положения»⁴¹². Генерал Д.Н. Дубенский указывал, что «Рузский в настойчивой, даже резкой форме доказывал, что для спокойствия России, для удачного продолжения войны, государь должен передать престол

---

⁴⁰⁹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Кн.1. Т.1. Крушение власти и армии... С. 147.

⁴¹⁰ Дубенский Д.Н. Как произошел переворот в России // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. М., 1990. С. 43.

⁴¹¹ Там же. С. 76.

⁴¹² Генерал-адъютант Н.В. Рузский // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. М., 1990. С. 142.

наследнику при регентстве брата своего великого князя Михаила Александровича»⁴¹³.

Часть офицеров открыто приветствовала свержение монархии в России и возлагала надежды на перемены в общественной жизни. Так, корреспондент газеты «Русский инвалид» обращался к российским офицерам и обществу: «Вместе с народом радуется и ее армия, что и для неё наступят лучшие дни. Война в Манчжурии принесла армии незаслуженный позор поражения и навсегда оставила в душе русского народа тяжёлую горечь обиды. К ней присоединился 1905 г., который поставил армию между правительством и народом. Целый ряд причин, извне непонятных, заставил армию встать на сторону власти и защищать ее. Это привело к недоразумению между армией и обществом, разбить которое удалось только в нынешней войне. Голос офицера, не меньше, чем голос солдата был заглушен. От офицера так же, как и солдата требовали лишь слепого бессмысленного подчинения и умения не рассуждать. А отношения к солдату... С одной стороны, офицеру говорили, что он должен войти в душу солдата и быть ему братом и другом, и тут же боялись крамолы, которую якобы вносило передовое молодое офицерство в ряды солдат. Всякое новое начинание молодых работников, пришедших в ту армию, разбивалось о косность и недоверие свыше и глохло, а в результате вечная безысходная нужда и прозябание в глухих углах и молчание, молчание, молчание. Нам офицерам свобода даёт возможность громко высказывать свои мысли о военном деле и о внутренней жизни армии и страны, и быть не только солдатами, но и гражданами»⁴¹⁴.

Большинство же представителей офицерского корпуса получили известия о Февральской революции, отречении императора от престола, находясь на фронтах мировой войны, вдалеке от очагов революционного движения. По воспоминаниям генерала А.И. Деникина, первое впечатление было ошеломляющим. Но, в общем, войска отнеслись ко всем событиям совершенно спокойно⁴¹⁵.

---

⁴¹³ Дубенский Д.Н. Как произошел переворот в России... С. 62.

⁴¹⁴ Филатович Б. На заре // Русский инвалид. 1917. № 58. 8 марта.

⁴¹⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Кн.1. Т.1. Крушение власти и армии... С. 165.

К 1917 г. офицеры, в своем большинстве, осознавали, что для спасения страны и армии необходимо отречение от престола Николая II. Подтверждением этому служит тот факт, что за все 7 с половиной месяцев власти Временного правительства не было ни одной серьезной попытки к освобождению царской семьи⁴¹⁶.

В качестве еще одного подтверждения выступает тот факт, что большая часть офицерского корпуса вскоре после отречения Николая II присягнула на верность новому Временному правительству. Описывая присягу в Ставке, Д.Н. Дубенский указывал, что среди присягавших он видел «великих князей Бориса Владимировича, Александра Михайловича, генералов Алексеева, Кондзеровского, Борисова и многих других»⁴¹⁷. По замечанию Д.Н. Дубенского, «настроение у всех было равнодушное, безразличное. Присяга закончилась быстро, и ясно было, что соблюдали необходимую формальность и спешно разошлись по местам»⁴¹⁸. Сам генерал Д.Н. Дубенский и ряд других офицеров участия в присяге не принимали. Тем не менее, несмотря во многом на формальный характер, присяга Временному правительству была своеобразным актом подтверждения того, что офицерский корпус принял революционную власть.

Таким образом, офицеры российской армии встретили февральские события по-разному. Также отличалась и их степень участия в революционном процессе. Но несмотря на это, большая часть офицерского корпуса сделала свой выбор, присягнула на верность новому правительству и продолжила защищать Отечество.

После свержения самодержавия происходят и серьезные изменения в структуре органов периодической печати. Исчезла официальная пресса самодержавия и монархическая периодика, новым рупором официальной власти стал «Вестник временного правительства», в котором наряду с постановлениями, законопроектами публиковались и публицистические статьи различного толка. 27

---

⁴¹⁶ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Кн.1. Т.1. Крушение власти и армии... С. 161.

⁴¹⁷ Дубенский Д.Н. Как произошел переворот в России... С. 80.

⁴¹⁸ Там же. С. 81.

апреля 1917 г. Временным правительством был принят новый «Закон о печати»⁴¹⁹, согласно которому разрешались торговля и распространение периодических изданий различных политических направлений. Принятие этого закона способствовало увеличению числа отечественной периодики, легальной деятельности всех политических партий, обсуждению всех общественно-политических проблем в публичном пространстве.

Внимание общественности было приковано к выбору российского офицерства. Увеличение интереса общества к позиции офицеров было обусловлено продолжавшейся мировой войной и существованием убеждения об офицерах как об одном из столпов российского самодержавия. Современники событий отмечали, что в сознании российской общественности и солдат утвердилось представление о том, что офицер – это бывший поместный дворянин, барин, владелец земли и капиталов. Даже во время войны часто извозчики с офицеров брали гораздо больше, чем с людей в других платьях⁴²⁰.

Во многом свою роль сыграл опыт Первой русской революции, ко времени которой относятся первые трансформации общественных представлений об офицерстве. Участие армии в подавлении революционных выступлений 1905–1907 гг. способствовали конструированию в общественном сознании представлений об офицерах как единственных защитников монархии и борцов с революцией. Этот сформированный и апробированный негативный образ офицера императорской армии в начале XX столетия вновь будет востребован в первые дни Февраля 1917 г.

Мнение об офицерах как о приверженцах самодержавного строя было широко распространено несмотря на то, что в силу разных причин в ходе мировой войны армия перестала быть опорой самодержавного строя. Тем не менее, в многочисленных заметках и статьях, опубликованных на страницах отечественных периодических изданий в первые дни революции, содержалась информация об отношении офицеров к свержению монархии.

---

⁴¹⁹ Постановление Временного правительства от 27.04.1917 г. «О печати» // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Пг., 1917. Отд. 2. Вып. 1. № 93. С. 212–215.

⁴²⁰ Александрович В. Офицеры и солдаты // Русский инвалид. 1917. № 86. 14 апреля.

В газете «Русский инвалид» от 9 марта 1917 г. была опубликована заметка под названием «Как на фронте был принят переворот». В ней сообщалось, что «ещё второго марта по фронту неведомыми путями распространились известия о том, что в Петрограде что-то произошло. Говорили об отставке кабинета, о беспорядках в обеих столицах, забастовках рабочих, о покушениях на лиц весьма высоких»⁴²¹. Корреспондент Качалов указывал, что в этот день он повидал многих офицеров, но не было ни одного, кто бы заступился за низвергнутое правительство⁴²².

Февральская революция 1917 г. представляет собой событие или действие, которое способствовало появлению различных текстов на страницах отечественных периодических изданий. Статьи и заметки имели различную направленность и освещали разные стороны революционных событий. Так, появление текстов было инициировано свержением самодержавия в России. Однако, одновременно начался и другой процесс, направленный на конструирование в текстах того события, которому, собственно, они были посвящены.

На страницах отечественных периодических изданий была представлена событийная канва революционных дней. Российского обывателя ознакомили с ходом событий, а также «героями» и «творцами» революции. В прессе была высказана мысль о том, что главным противником революции являлся российский офицер. Офицеров стали обвинять в реакционной и контрреволюционной деятельности. Социальная реальность и те изменения, которые происходили в России в 1917 г., вносили свои коррективы в тексты, влияли на их риторику и направленность.

События 1917 г. сыграли ключевую роль в преломлении общественных представлений об офицерстве российской армии. Известия о революции, о создании выборных комитетов рабочих и солдатских депутатов облетели всю Россию. Процесс политизации и революционизации охватил не только различные

---

⁴²¹ Качалов. Как на фронте был принят переворот // Русский инвалид. 1917. № 59. 9 марта.

⁴²² Там же.

слои общества, но и армию. На фронт и в Ставку стали приезжать агитаторы, появились газеты, радостно сообщавшие о «бескровных днях» переворота. Генерал Д.Н. Дубенский считал, что переход генерала Алексеева на сторону Временного правительства способствовало тому, что и войска царской Ставки начали организовывать митинги, собрания⁴²³. Все это влияло на настроения в армии и обществе. Однако, создание и закрепление собирательного образа контрреволюционера за российскими офицерами не было одномоментным и прошло несколько условных этапов в 1917 г.

На первом этапе, в период с конца февраля до середины апреля 1917 г., начинается процесс формирования и трансляции в массы образа офицера как противника революции. Главным каналом распространения этих представлений стали отечественные периодические издания. После свержения самодержавия на страницах отечественной периодики выходят в свет заметки и публицистические статьи, содержащие информацию о ходе и главных творцах февральской революции. В кадетской газете «Речь» от 5 марта была опубликована заметка, где говорилось о том, что против старого порядка «встали все – солдаты, крестьяне, рабочие»⁴²⁴. Несмотря на то, что многие военачальники приняли активное участие в революционных событиях, а молодые офицеры нередко были замечены в деле революционной пропаганды, их действия и роль замалчивались. По замечанию органа печати кадетов, сначала в Государственную Думу приходили, большей частью, солдаты без своих офицеров. Только затем стали приходиться целые войска со своими командирами и офицерами⁴²⁵.

В общественном сознании стала утверждаться мысль, что офицеры лишь присоединилась к революции, подчиняясь необходимости. Данное утверждение привело общественность к выводу, что офицерство реакционно и привержено старому режиму.

Представления о реакционности офицерского корпуса особенно были сильны в солдатской среде. Революционные события 1917 г. вновь

---

⁴²³ Дубенский Д.Н. Как произошел переворот в России... С. 76.

⁴²⁴ Речь. 1917. № 55 (3797). 5 марта.

⁴²⁵ Там же.

актуализировали уже существующие проблемы в армейской семье. Прежде всего, речь идет о существовании некой стены отчуждения между командирами и подчиненными. Вокруг этой проблемы развернулось широкое обсуждение не только в кругах военной, но и гражданской общественности накануне Первой мировой войны. Лишения и тяготы военного времени способствовали прекращению дискуссии и снижению уровня напряжения и конфронтации между офицерами и солдатами. Однако, поражения на фронте и революционные события способствовали тому, что на повестку дня было вновь поставлено решение проблемы отчуждения между командным составом и солдатами. Об остроте вопроса, активно обсуждаемого на страницах периодической печати, свидетельствует раскол петроградского гарнизона во время революции на две части: на офицеров и солдат⁴²⁶.

В условиях революционных изменений эта проблема вновь приобрела первостепенное значение. Солдаты в своих командирах увидели главных врагов, которые, по их мнению, препятствовали утверждению их только что приобретенных гражданских прав и свобод. Распространению этих представлений способствовала нерешительность офицерского корпуса. В газете «Русский инвалид» сообщалось: «Первые часы революции, к сожалению, дали повод к резкому недоверию солдат офицерам»⁴²⁷. Один из современников событий на страницах журнала «Разведчик» писал, что «в первые дни революции на улицах были лишь солдаты, рабочие, солдаты, рабочие... часто, очень часто слышались голоса, что нет среди них офицеров»⁴²⁸.

Нерешительность офицерства в первые дни революции привела к обострению их взаимоотношений с солдатами. Следствием чего стало появление списков офицеров, заслуживающих и незаслуживающих доверия в каждой части⁴²⁹. Газета партии кадетов «Речь» сообщала, что в зависимости от отношения

---

⁴²⁶ Офицеры и солдаты // Русский инвалид. 1917. № 86. 14 апреля.

⁴²⁷ В.В. В казармах // Русский инвалид. 1917. № 60. 10 марта.

⁴²⁸ Гражданин. Идите на встречу // Разведчик. 1917. № 1378. С 205.

⁴²⁹ В.В. В казармах // Русский инвалид. 1917. № 60. 10 марта.

офицеров к революционному движению находилось и отношение солдат к своим офицерам⁴³⁰.

На страницах отечественных периодических изданий публиковались истории из повседневной жизни, свидетельствующие об отношении солдат к офицерскому корпусу. В газете «Армия и флот свободной России» описывался разговор гвардейца с большим красным бантом из шелковых лент на груди и другого солдата на железнодорожной станции. Гвардеец смеялся над бедной одеждой солдата и заявлял, что присутствующих в вагоне кругом обманывали. Потом он спросил, выбирали ли они себе офицеров. После отрицательного ответа гвардеец заявил: «Офицеры кровь вашу пили и теперь пить будут. Вы думаете, кто свободу вам дал? Они? Как же! Когда у нас в Петрограде революция была, кто пошел на улицу? Рабочий, да мы солдаты. Офицеров силой надо было тащить. Они уже потом к нам пришли, как дело было кончено. И теперь они сейчас по-своему повернуть хотят. Кровопийцы и казнокрады»⁴³¹.

В прессе активно транслировалась идея об отчуждении офицерства от общества и солдат. На страницах периодической печати содержалась информация о постоянно усиливающемся антагонизме между командным составом и солдатами. Появление подобных текстов приводило к постоянному усложнению взаимоотношений офицерского корпуса с разными слоями общества. Так, дискурсы, появившиеся в первые дни революции, оказывали воздействие на социальную реальность, и напротив, изменения общественной жизни постоянно влияли на трансформацию дискурса об одних и тех же событиях, и реалиях.

«Правильное информирование» общественности о героях февральской революции способствовало формированию представлений о безучастности офицеров, об их сочувствии самодержавию. На страницах отечественных периодических изданий активно культивировалось противопоставление «мы» — участники революции и «они», предпочитающие бездействовать. Лозунг «Народ и армия едины», активно транслирующийся на страницах печати, транспарантах,

---

⁴³⁰ Речь. 1917. № 55 (3797). 5 марта.

⁴³¹ Армия и флот свободной России. 1917. № 206. 6 сентября.

листовках, стал отражением некой новой социальной реальности, порожденной Февралем. Однако из этих реалий уже с первых дней начали исключать военачальников российской армии, которые, в большинстве своем, действительно в первые дни революции не приняли активного участия.

В дни революции об армии дореволюционного периода говорилось, что «она держалась на превратно понятой дисциплине, что между офицером и солдатом была целая пропасть и как один, так и другой были чужды и не понятны друг другу»⁴³². Публикация подобной заметки на страницах военной газеты «Русский инвалид» свидетельствовала о том, что не только гражданское, но и военное общество стремилось как можно быстрее разорвать все связи с монархическим строем, представить это в качестве негативного прошлого.

Как уже отмечалось ранее, революция способствовала различным изменениям, в том числе и в социальной сфере. В повседневной практике стали появляться атрибуты нового строя. Одним из таких символов революционной эпохи стали митинги и демонстрации, в которых принимали участие различные социальные группы. Офицеры российской армии не всегда понимали, как необходимо вести себя в измененной социальной реальности. Генерал Д.Н. Дубенский в своих воспоминаниях описывал ситуацию вокруг митинга войск в Ставке: «Генерал Алексеев, желая сдержать солдат, приказал, чтобы свои части сопровождали офицеры. На этом митинге должны были быть и роты собственного его величества железнодорожного полка. Я сидел в комнате моего соседа барона Штакельберга и туда, смущенный и растерянный, пришел командир этого полка генерал Цабель. Ему не хотелось быть на этом солдатском митинге. Он не знал, как отнесутся к нему солдаты, до сих пор ведущие себя очень хорошо и вполне дисциплинированно. Полк этот был в блестящем до переворота состоянии в руках умного, толкового командира и с прекрасным составом офицеров. К тому же генерал Цабель не знал, надо ли быть в погонах с вензелями государя, или их надо снять, как этого хотел генерал Алексеев»⁴³³.

---

⁴³² Свидорский В. Общество офицерской работе // Русский инвалид. 1917. № 80. 7 апреля.

⁴³³ Дубенский Д.Н. Как произошёл переворот в России... С. 77.

Так, офицеры российской армии в первые дни революции плохо понимали, как себя вести, что делать и даже носить ли свою форму. Часть же офицеров находилась в замешательстве и в отношении других символов революции, в частности, красных бантов. Генерал Д.Н. Дубенский указывал, что «уже 9–10 марта в штабе, в столовой можно было видеть иногда прибывших из Петрограда офицеров, украшенных красными бантами, которые, однако, они быстро снимали, так как никто в Ставке этой эмблемы революции не надевал в эти дни»⁴³⁴. Непонимание и растерянность офицерского корпуса в первые дни февральской революции являлись причинами, объясняющими безучастность офицеров.

На позицию офицеров по отношению к революции оказало влияние принятие Приказа № 1 Петроградского совета о демократизации армии. Отменялось титулование офицеров и обращение к солдатам на «ты», отменялся ряд ограничений для солдат⁴³⁵. Генерал Д.Н. Дубенский вспоминал: «Среди Ставки, которая в огромном своем большинстве была против переворота, начали ходить особенно мрачные слухи после того, как появилось известие об организации совета рабочих и солдатских депутатов в Петрограде, требования которых направлены к развалу армии и к передаче власти в войсках солдатской массе. Уже сегодня генерал Алексеев полтора часа по прямому проводу говорил с военным министром Гучковым и убеждал его не допускать публикации Приказа № 1, так как это внесет полную дезорганизацию в части войск, и вести войну мы не будем в состоянии. Гучков, однако, отвечал, что надо уступить требованию представителей “освобожденной армии” и Приказ был опубликован и разослан»⁴³⁶.

В качестве одного из источников изучения общественных представлений выступают слухи, многообразие которых особенно велико в переломные периоды истории. Изменения, вызванные революционными событиями 1917 г., породили значительное число слухов, которые вобрали в себя мнения, ожидания и страхи различных слоев общественности относительно грядущих перемен. Слух

⁴³⁴ Дубенский Д.Н. Как произошел переворот в России... С. 80.

⁴³⁵ Приказ № 1 Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов о демократизации армии от 1 марта 1917 г. // Хрестоматия по истории СССР. 1861–1917. М., 1970. С. 528–529.

⁴³⁶ Дубенский Д.Н. Как произошел переворот в России... С. 76.

выступает в качестве своеобразного коммуникативного феномена, явления массовой психологии и исторического явления⁴³⁷. Слухи нередко выступают в качестве некоего стимулирующего фактора и направляют действия современников.

Изучение слухов в качестве одного из видов исторических источников представляет некоторую сложность, поскольку воссоздать их можно только с помощью других материалов. В период революционных потрясений разнообразные слухи помещались на страницах отечественной периодики. Так, в газете «Русский инвалид» сообщалось, что «в городе неизвестно кем сеются тревожные слухи, сеется рознь. Говорят, что офицер и солдат не одно и то же. Забывают, что три четверти офицерского состава сейчас из прапорщиков, вышедших из народа. Это студенты, сыновья крестьян, ремесленников, мелких чиновников. Кто-то пустил слух, что из “Астории” стреляли офицеры, слух быстро разнёсся и в результате невинные жертвы. А на самом деле стреляла полиция, и таких невероятных слухов тьма»⁴³⁸. Данный пример демонстрирует наличие в российском обществе определенных страхов по отношению к офицерскому корпусу. Эти страхи обусловлены существованием убеждений в общественном сознании о реакционности офицерства. Так, слухи об офицерах, распространявшиеся в российском обществе, инициировали преступные действия против офицерства. В представленной заметке из газеты «Русский инвалид» внимания также заслуживает попытка военных публицистов донести до общественности, что офицерский корпус в настоящее время в большинстве своем состоит из выходцев из народа. Это положение является ярким подтверждением того, что в массах существовал монолитный образ офицера, обществом не до конца осознавались социальные изменения в офицерском корпусе.

Значительное число публицистических статей и заметок, распространение слухов о действиях офицеров в дни революции символизируют собой начало активного процесса формирования и закрепления за военачальниками в сознании

---

⁴³⁷ Гайлит О.А., Мамонтова М.А. История российской повседневности: учебное пособие / О.А. Гайлит, М.А. Мамонтова. Омск, 2019. С. 101.

⁴³⁸ В.в. Боритесь с провокацией // Русский инвалид. 1917. № 61. 11 марта.

российской общественности образа противника установления демократических прав и свобод.

Появление символов нового строя свидетельствовало о стремлении к тотальному разрыву с прошлым. Приказ № 1 разрушал основы прежнего устройства армии, подрывал ее дисциплину. Существование убеждения о реакционности офицерства укреплялось в общественном сознании и становилось сильнее при любой попытке офицеров сохранить боеспособность войск. Попытка офицерского корпуса укрепить дисциплину в войсках воспринималась как акт препятствия установлению демократических прав и свобод, как защита старого строя. Периодическая печать позаботилась о том, чтобы донести эту информацию до российской общественности.

В своих воспоминаниях нижний чин Е.В. Тумилович отмечал, что «офицеры постепенно теряли свою власть, уединялись, и, наконец, между ними и солдатами образовалась непреодолимая пропасть. Росли и формировались два неравных лагеря: лагерь войны и лагерь мира. Политическая борьба двух основных частей ширилась и углублялась. Солдаты доставали где-то красную ткань и накалывали себе бантики, чем явно раздражали консервативную часть офицерства»⁴³⁹.

Приказ № 1 подкреплял решимость солдатских масс избавиться от неугодных командиров и в перспективе позволял распространять на армию принципы самоуправления, по своей природе абсолютно неприемлемого для армии⁴⁴⁰. Так, те «свободы», которые даровала солдатам революция, теперь приобретали форму своеобразного закона.

Главным последствием репрезентации именно такой социальной реальности, в которой российские офицеры были представлены защитниками монархии, стал колоссальный всплеск ненависти к офицерам, символизирующим старый строй. Это проявилось в оскорблениях, обезоруживании, жестоких расправах и убийствах военачальников солдатами в 1917 г. Уже в первые дни

---

⁴³⁹ «Смелым Бог владеет»: наступление Юго-Западного фронта 1916 г. глазами нижнего чина Е. В. Тумиловича / Первая мировая война: взгляд из окопа. М.; СПб., 2014. С. 131.

⁴⁴⁰ Кожевин В.Л. Российское офицерство... С. 170.

революции появились списки особенно ненавистных офицеров, с которыми солдаты жестоко расправлялись. Особенно сильными были волнения на Балтийском флоте. В газете «Утро России», постоянно подчеркивающей свой оппозиционный характер, следующим образом описали эти события: «Вечером 3 марта на судах Балтийского флота произошли крупные волнения, которые носили неорганизованный характер, и вызваны были, по-видимому, тем, что флот не отдавал ещё совсем определенного отчёта в сущности великих событий, происходящих в стране. Команда не ясно понимала, что весь офицерский состав, давно уже питавший одинаковые со всей страной чувства негодования на преступное поведение старого правительства, восторженно становится на сторону народа и самым отверженным образом стремится к осуществлению нового строя»⁴⁴¹.

Смерть наступала офицеров при снятии воинских застав, препятствовавших движению вооруженных колонн и горожан; иногда офицера гибли от случайных выстрелов из толпы. По замечанию историка В.Л. Кожевина, подозрительность, часто смешанная с ненавистью, охватила сознание масс и выплеснулась на всех, даже случайно находившихся в тот момент в Петрограде офицеров. Даже находясь под арестом, это не гарантировало сохранения жизни офицерам⁴⁴². Основная масса погибших офицеров приходилась на дни восстания 27 февраля – 1 марта 1917 г. Численность убитых и раненых здесь командиров не поддается точной оценке⁴⁴³.

Некоторые публицисты видели другие причины такого отношения к офицерам со стороны солдатской массы. Указывалось, что «самоорганизация войск встретила упорное сопротивление только там, где командный состав проявил решительное стремление все сохранить по-старому, только там разразились эксцессы, яркую картину которых дали Гельсингфорс и Кронштадт, где особенно преступно скрывали от солдат правду о революции»⁴⁴⁴. Это мнение находит свое подтверждение и среди современных историков. По мнению

---

⁴⁴¹ Волнения на балтийском флоте // Утро России. 1917. № 65. 8 марта.

⁴⁴² Кожевин В.Л. Российское офицерство... С. 131–132.

⁴⁴³ Там же.

⁴⁴⁴ М-ский С. Чья вина? (дезорганизация армии) // Дело народа. 1917. № 48. 13 мая.

В.Л. Кожевина, новый более мощный импульс выступление приобрело вследствие нежелания командования оформить каким-либо образом произошедшие перемены⁴⁴⁵.

Публицист газеты «Дело народа» подчеркивал, что факт присоединения всего командного состава армии к новому строю ещё не знаменует ничего, поскольку присоединились к победителю, присоединились не к революции, а правительству, которое меньше всего можно назвать революционным. По мнению публициста, именно поэтому искренность присоединения офицеров к революции являлась далеко не бесспорной. «Каждое слово офицера, напоминающее о старом порядке, встречало неизменно болезненный, зачастую резкий отзвук. А от таких слов и движений кадровое офицерство не могло уберечься, поскольку переодеться в несколько дней оно конечно не могло. Офицеры в массе своей сохраняли выжидательное положение, но при таких условиях действительной душевной спайки между офицерами и солдатами быть не могло»⁴⁴⁶.

Офицеры осознавали, что для продолжения войны, необходимо выстроить конструктивные взаимоотношения в армии. В сложившейся ситуации многие офицеры были готовы идти на уступки солдатам и революционной общественности. Уже 5 марта было опубликовано «Воззвание офицеров к солдатам», главная цель которого заключалась в преодолении отчуждения между офицерами и нижними чинами. Офицеры в воззвании обращались: «Боевые наши товарищи солдаты! Пробил час народного освобождения. Армия, флот и народ вместе с вами подняли святое знамя победы. И мы, ваши товарищи, на передовых позициях там, в боях, перед лицом смерти, получившие боевое крещение одинаково с вами, проливали кровь и смешивали ее с вашей на поле сражения. Верьте же, что свобода Родины нам дороже всего. Помните, что спасение и победа России в нашем взаимном доверии и единомыслии. Мы вместе с вами предаем старый строй проклятию»⁴⁴⁷. Офицеры делали акцент на том, что победа возможна только при доверии и взаимных действиях всего армейского организма.

---

⁴⁴⁵ Кожевин В.Л. Российское офицерство... С. 148.

⁴⁴⁶ М-ский С. Чья вина? (дезорганизация армии) // Дело народа. 1917. № 48. 13 мая.

⁴⁴⁷ Воззвание офицеров к солдатам // Новое время. 1917. № 14719. 5 марта.

Явный и неявный смысл данного дискурса состоит в том, чтобы продемонстрировать отсутствие каких-либо границ или преград между офицерами и солдатами. Авторы текста, обращаясь к военным братьям и товарищам, подчеркнули, что все существующие грани розни были стерты войной и главной ценностью является свобода и защита Родины.

Публицист «Русского инвалида» В. Короновский в своей заметке отмечал, что нет вопроса острее, чем офицерский. Автор указывал, что в силу непонятных причин его либо замалчивают, либо обсуждают в общих чертах. Публицист указывал, что «прошел месяц со дня низвержения строго режима, уже тысячи голосов потребовали проведения для себя экономических реформ. Но голос офицеров нигде не слышен. Офицеры старались установить дисциплину в войсках, без которой не мыслима борьба с дисциплинированным немцем»⁴⁴⁸. В. Короновский считал, что до сих пор существовала тенденция недоверия к командному составу и раскол между офицерами и солдатами. Автор также отмечал, что на фронте организации офицерских и солдатских советов и комитетов являются совместными, но чем ближе к тылу, тем сильнее разъединение. Солдаты отделяются от офицеров и объединяются с рабочими комитетами.

Обезоруживание, убийства офицеров, падение дисциплины в войсках привело к появлению воззвания от лица Временного правительства «К армии и народу», подписанному Гучковым и Алексеевым. В воззвании содержался призыв к поддержанию дисциплины и порядка в войсках: «Солдаты! Вам предстоит довершить великую историческую задачу нашей родины. Идите же за своими офицерами. Помните, что без уважения личности офицера не будет сплочённости, не будет победы. Всякие выступления, затрагивающие достоинство офицеров, подрывают их авторитет, ведут к разрухе нашей армии. Тот, кто был в окопах, знает, что невзгоды боевой жизни одинаковы для солдат и офицеров, пули одинаково калечат и того, и другого. Много героев офицеров пало жертвой храбрости, личным примером увлекаая солдат. Офицеры! Продолжайте

---

⁴⁴⁸ Короновский В. Офицерский вопрос // Русский инвалид. 1917. № 88. 16 апреля.

руководить нашими частями, уважайте честь и личность солдата, стремитесь завоевать его доверие к себе»⁴⁴⁹. В данном воззвании указывалось, что Временное правительство признавало недопустимым любые самоуправные и оскорбительные действия в отношении офицеров.

В беседе с корреспондентом газеты «Русское слово» генерал Алексеев указывал, что первоочередной задачей выступало сближение солдат и офицеров. Он подчеркивал, что «в настоящее время как пережиток существует если не разлад, то некоторое непонимание между офицерами и солдатами. Необходимо устранить эту отчуждённость и недоверие, спаять воедино оба элемента. Проведение в жизнь армии выборного начала невозможно. В мире нет армии, где бы избирался офицерский состав. Но слияние между офицерами и солдатами необходимо»⁴⁵⁰. Генерал Алексеев осознавал, что достижения революции, введение выборного начала слабо совместимы с боеспособной дисциплинированной армией, поэтому он призывал офицеров разъяснить солдатам смысл всех событий, произошедших в России.

Анализ этих текстов показал, что между различными дискурсами и событиями общественной жизни существовала тесная взаимосвязь. Преступные действия против офицеров способствовали тому, что в периодике стали появляться публикации воззваний военного министра и Временного правительства. Защитить офицеров и доказать несостоятельность обвинений против них предпринял ряд публицистов, прежде всего, военных периодических изданий.

Корреспонденты газеты «Русский инвалид» в качестве аргументов приводили тот факт, что большинство офицеров – это прапорщики и студенты, поэтому они не могут выступать опорой старой изжившей власти⁴⁵¹. Публицист М. Каминский, защищая офицеров, утверждал, что переоценка ситуации офицерской массой началась ещё в период кампании 1904–1905 гг. По его мнению, омоложение и участие офицеров в обсуждении армейских проблем на

---

⁴⁴⁹ К армии и народу! // Утро России. 1917. № 69. 12 марта.

⁴⁵⁰ Белгородский В. Беседа с генералом Алексеевым // Русское слово. 1917. № 57. 12 марта.

⁴⁵¹ В.в. В казармах // Русский инвалид. 1917. № 60. 10 марта.

страницах военной периодики являлось определенным показателем формирования значительного прогрессивного течения в офицерской среде. М. Каминский считал, что эти изменения сразу были замечены в политических верхах, что послужило для арестов, удаления офицеров со службы. Но, несмотря на это, по мнению публициста, в разных формах протесты в офицерской среде против существующего режима продолжались. Публицист М. Каминский подчеркивал, что «так было до начала второй отечественной войны, которая открыла глаза даже близоруким. Если до этого в офицерской среде находились ещё редкие лица, которые верили, что наверху находятся люди не глупее нас, то с началом этой войны, они поняли, что эти с верхов не добросовестны»⁴⁵².

Другой корреспондент газеты «Русский инвалид» В. Александрович в качестве довода в защиту офицерской корпорации подчеркивал, что офицеры от царской власти не имели никаких привилегий. По мнению публициста, самодержавие дало офицерам лишь «ограничение прав политических, общественных, личных, плохое материальное обеспечение»⁴⁵³. В. Александрович отмечал, что в ходе войны офицерский корпус понял, что интересы самодержавного режима противоречат благу народа.

В журнале «Разведчик» отмечалось, что в первые дни революции очень часто высказывалось мнение, что офицеры – приверженцы старого строя. «Они не желают быть здесь, а, следовательно, они не сочувствуют. Процент убитых офицеров в два раза больше, чем солдат. Разве это ничего не говорит? Разве целое море крови, пролитое офицерством на войне, может служить основанием для упрека их всех в нелюбви к родине? А между тем это было, это произносилось громко, вслух, в первые дни движения. Солдаты, науськанные Приказом № 1, начали смотреть на офицеров как на врагов, начали их обезоруживать, оскорблять»⁴⁵⁴.

Все попытки сохранить дисциплину в войсках были безуспешными. Временное правительство в условиях продолжавшейся мировой войны пыталось

---

⁴⁵² Каминский М. Революция и офицерская корпорация // Русский инвалид. 1917. № 66. 17 марта.

⁴⁵³ Александрович В. Офицеры и солдаты // Русский инвалид. 1917. № 86. 14 апреля.

⁴⁵⁴ Гражданин. Идите на встречу // Разведчик. 1917. № 1378. С. 205.

предпринять меры для наведения порядка. Весной 1917 г. один за другим от лица правительства публиковались воззвания, приказы, обращения к действующей армии. В этих документах содержался призыв во имя спасения родины и защиты завоеванной свободы сохранить единство, сплоченность и твердый внутренний порядок власти и подчинения, прекратить аресты и смещения офицеров⁴⁵⁵. Однако, апеллируя к патриотизму военных, думцы не давали никаких рецептов, позволявших снизить накал страстей и взаимной неприязни верхов и низов армии⁴⁵⁶.

В первый месяц после революционных событий офицеров именовали как противников установления демократических прав и свобод, обвинения касались только того, что они лишь примкнули к революции, как бы из необходимости.

Таким образом, революционные события 1917 г. привели к глубоким социально-политическим и культурным трансформациям. Особенно отчетливо это сказалось на положении офицерского корпуса российской армии. События февраля 1917 г. сыграли ключевую роль в трансформации общественных представлений об офицерстве. Бездействие офицеров в первые дни революции привело к тому, что они стали восприниматься в качестве приверженцев старого строя. Эта мысль активно транслировалась со страниц периодических изданий разной политической направленности. Пресса одновременно выступила в роли канала формирования и трансляции образа офицера как противника революции, защитника старого строя. Каждый текст интертекстуален, взаимосвязан не только с другими текстами, но и с социальными, политическими и культурными контекстами и реалиями февральских дней.

С опорой на одни и те же события и факты публицистами, общественными деятелями создавались тексты о революции, но они содержали разную смысловую нагрузку. Это привело к тому, что действия офицеров могли трактоваться по-разному, тем самым порождая и иной образ офицера. Таким

---

⁴⁵⁵ Наказания за самоуправные действия // Русское слово. 1917. № 78. 9 апреля.

⁴⁵⁶ Кожевин В.Л. Российское офицерство... С. 152.

образом, перед нами борьба нескольких дискурсов, от победы в которой зависела судьба российского офицерства.

2.3 «Борьба дискурсов» за офицерский корпус в условиях кризиса власти: от офицера-контрреволюционера к офицеру-мученику

После свержения самодержавия в кругах российской общественности были распространены обвинения против офицеров в личной заинтересованности продолжения войны, принадлежности к буржуазным слоям и приверженности старому строю. По мере углубления кризиса в армии, вызванного революционными событиями, изменялось отношение и поведение самих офицеров. В этих условиях началась постепенная консолидация офицерского корпуса и оформление их политических позиций. В условиях, когда любое действие офицеров приобретало политический окрас, оставаться вне политики было невозможно.

Участие армии и офицерского корпуса обуславливалось еще и тем, что за армию – главную вооруженную силу страны развернулась борьба среди политических партий⁴⁵⁷. Стоит отметить, что социалистические партии не рассчитывали на поддержку офицерского корпуса. Эсеры и меньшевики в политической борьбе за армию сосредоточили свое внимание на солдатах, средних и низших офицерах. Большевики главный упор делали в привлечении на свою сторону солдатской массы и низших слоев демократически настроенных офицеров. Только кадеты рассчитывали на поддержку офицерского корпуса, прежде всего, на средний и высший командный состав. Такое положение предопределило и дискурс публицистических текстов, выходивших на страницах прессы разной политической направленности.

Недоверие к офицерам, которое охватило солдатскую массу и российское общество, постепенно приводило к изменению отношений офицерства к

---

⁴⁵⁷ Загоруйко М.В. Борьба российских политических партий за влияние на офицерский корпус в феврале–октябре 1917 г. // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. Вып. № 30. С. 1.

революционной демократии и правительству. Все чаще их было принято обвинять в развале дисциплины и провоцировании антивоенных настроений⁴⁵⁸. В этих условиях консолидация офицерского корпуса проходила по пути создания различных органов.

Первые шаги офицеров в деле самоорганизации были предприняты уже в первые дни революции. Так, в Петрограде собранием офицеров 3 марта было принято решение о создании Совета офицерских депутатов⁴⁵⁹. Подобные организации создавались офицерами и за пределами столицы. Петроградский Совет офицерских депутатов, стремясь создать всероссийское офицерское правительство, выступил с идеей провести съезд офицеров в мае 1917 г. Однако, в Ставке к этой новости отнеслись достаточно скептически и насторожено. 15–16 апреля 1917 г. на заседании офицеров Ставки Верховного главнокомандующего было принято решение о создании Офицерского союза, отражающего интересы всего офицерства.

Создание союза предполагалось по профессиональному признаку. В качестве главной политической цели выдвигалось стремление не допустить возвращения к старому порядку. В качестве задач союза провозглашалось предотвращение возможности разложения армии и флота, падения дисциплины, борьба со всякими попытками как отдельных лиц, так и обществ создать рознь между офицерами и солдатами, поддержание престижа командного состава на должной высоте и борьба с течениями принижающими дух офицерского состава, подвергающегося оскорблениям и унижениям со стороны мало сознательных элементов⁴⁶⁰. Офицерский союз должен был отражать взгляды на происходящие события всего офицерского корпуса. Подчеркивалось, что «до настоящего времени голос офицеров ещё не был слышен. Армия ещё не сказала ничего по поводу переживаемых событий. За нее говорит всякий, кто хочет и что хочет»⁴⁶¹. В газете «Новое время» сообщалось, что «на съезде собрались преимущественно боевые офицеры не для красивых фраз, а для дела, а главное для того, чтобы

---

⁴⁵⁸ Гребенкин И.Н. Долг и выбор: русский офицер... С. 261.

⁴⁵⁹ Там же. С. 279.

⁴⁶⁰ Союз армии и флота // Новое время. 1917. № 14754. 17 апреля.

⁴⁶¹ Там же.

найти реальные способы достигнуть полного единения с солдатами, поднять дисциплину в армии и усилить ее боеспособность»⁴⁶². Деятельность Союза офицеров при Ставке активно поддерживалась кадетами. В работе съезда принимали участие видные деятели партии такие как, П.Н. Милюков, Ф.И. Родичев, А.И. Шингарев⁴⁶³. После вступительной речи М.В. Алексева выступил председатель съезда, кадет, подполковник Л.Н. Новосильцев, который заверил, что «совместными усилиями офицеров и солдат армия будет восстановлена и пойдет туда, куда поведет ее Верховный вождь»⁴⁶⁴.

Так, фактически одновременно проходило два съезда офицеров: в Могилеве 7–22 мая и в Петрограде 8–27 мая. По замечанию И.Н. Гребенкина, «два офицерских съезда, проходивших синхронно в столице и Ставке, можно рассматривать как единый форум, на котором офицерство продемонстрировало наиболее общие тенденции собственных политических настроений. Несмотря на то, что съезды созывались независимо различными центрами и всячески стремились дистанцироваться друг от друга, оба обнаружили достаточную близость политических приоритетов и требований, к которым в первую очередь относились единая твердая власть в интересах обороны и неременное продолжение войны до полной победы»⁴⁶⁵.

Процесс образования и деятельность офицерских организаций достаточно подробно представлены в исследовательской литературе. Краткое обращение к данному сюжету для нас необходимо в контексте изучения реакции российской общественности на самоорганизацию офицеров и появление офицерских организаций. По всей видимости, российская общественность по-разному относилась к появлению подобных организаций. Однако в той или иной степени большинством стремление офицеров создать свой орган было воспринято, если ни как контрреволюционное действие, то, как акт посягательства на права и свободы революционной демократии. Эти настроения были отражены в рапорте командующего 11-й армией А.Е. Гутора командующему войсками Юго-Западного

---

⁴⁶² Н.М. Съезд офицеров-делегатов армии и флота // Новое время. 1917. № 14781. 19 мая.

⁴⁶³ Загоруйко М.В. Борьба российских политических партий... С. 4.

⁴⁶⁴ Речь. 1917. № 108. 10 мая.

⁴⁶⁵ Гребенкин И.Н. Долг и выбор: русский офицер... С. 299.

фронта Брусилову в апреле 1917 г.: «Отношение к офицерам продолжает оставаться недоверчивым. Голосу убеждения офицеров не верят. Всякое собрание офицеров оценивается как начало организации контрреволюционного характера»⁴⁶⁶.

Подобное отношение к самоорганизации офицеров и их организациям прослеживается и на страницах отечественной периодической печати. Внимание российской общественности было приковано к деятельности командного состава. Об этом свидетельствуют публикации отечественных периодических изданий, освещавших ход и основные постановления съездов российских офицеров. В частности, была опубликована резолюция съезда в Ставке о состоянии в армии⁴⁶⁷. В ней сообщалось о полном упадке воинского духа среди значительной части солдатской массы, падении дисциплины. Это выражалось в систематических отказах целых войсковых частей выполнять боевые приказания или в исполнении таких приказаний лишь после продолжительных убеждений, в сведении авторитета начальников к нулю и в отсутствии доверия к командному составу⁴⁶⁸.

Публицист газеты «Утро России» П. Бурский в одной из своих заметок о взаимоотношениях командиров и подчинённых апеллировал к словам А.Ф. Керенского, произнесенных на съезде офицерских депутатов в Петрограде. П. Бурский приводил выдержки из речи военного и морского министра: «Офицеры сейчас переживают трудные минуты, но я призываю вас переносить все испытания стойко во имя счастья и чести страны. Вы должны пойти с открытым лицом и открытым сердцем к солдатам, и вы найдете путь к воссозданию армии»⁴⁶⁹. Однако, по замечанию публициста П. Бурского, из этих слов следовал следующий вывод: «Из этих исторических слов министра мы можем заключить, что инициатива в деле установления нормальных отношений между солдатами и офицерами должна исходить от офицеров, что, следовательно,

---

⁴⁶⁶ Революционное движение в русской армии. 27 февраля–24 октября 1917 г.: сб. док. / под ред. Л. С. Гапоненко. М., 1968. С. 72.

⁴⁶⁷ Офицерский съезд в Ставке. Резолюция о состоянии армии // Утро России. 1917. № 125. 21 мая.

⁴⁶⁸ Там же.

⁴⁶⁹ Бурский П. Офицеры и солдаты // Утро России. 1917. № 120. 16 мая.

офицерский состав был причиной создания той пропасти, которая едва не погубила все наши будущие политические и стратегические перспективы»⁴⁷⁰.

Пресса считала своим долгом проинформировать российское общество о надвигающейся угрозе для революционной демократии со стороны офицерских организаций. Об этом свидетельствует появление публикаций на страницах отечественных периодических изданий, в которых офицеры были причислены к контрреволюционерам. В газете Кронштадтского комитета РСДП(б) «Голос правды» была опубликована статья «Контрреволюция не дремлет», в которой указывалось, что «контрреволюция вьет себе гнездо в действующей армии»⁴⁷¹. К силам контрреволюции наряду с буржуазией, царистами были отнесены российские офицеры. Публицист Р. Раскольников указывал, что, несмотря на всеобщее негодование против генерала Алексева, приказавшего предавать военно-полевому суду революционеров, обезоруживающих жандармов, он не был смещен. Публицист с негодованием отмечал, что «напротив, теперь мы узнаем, что генерал Алексеев назначен Верховным главнокомандующим. И так, во главе действующей армии стоит кандидат в вожди контрреволюции. Естественно, что такие генералы, заседающие в ставке, стремятся употребить все средства для борьбы с революцией и революционными организациями. Даже официальные сообщения с фронта используются ими для своих контрреволюционных целей»⁴⁷².

Автор данной публикации сравнивал действия офицеров Ставки с действиями германцев и австрийцев, надеющихся на то, что различные организации внесут анархию в страну и деморализуют русскую армию. Он утверждал, что Ставка начала контрреволюционную пропаганду, главная цель которой заключалась в усилении недоверия к органам и партиям революционной демократии. Публицист предупреждал, что «революционный продукт должен зорко следить за этими генералами из Ставки и прийти на помощь к товарищам солдатам в окопах и просветить их ясным политическим сознанием»⁴⁷³. Таким образом, создание Союза офицеров стало тем событием, после которого

---

⁴⁷⁰ Бурский П. Офицеры и солдаты // Утро России. 1917. № 120. 16 мая.

⁴⁷¹ Раскольников Р. Контрреволюция не дремлет // Голос правды. 1917. № 18. 6 апреля.

⁴⁷² Там же.

⁴⁷³ Там же.

офицерский корпус российской армии был причислен к контрреволюционерам. Теперь в текстах речь идет о том, что офицерский корпус представляет собой угрозу и некий очаг контрреволюционных сил. В исследовательской литературе также существует мнение, что именно образование Союза офицеров Армии и флота сыграло решающую роль в мобилизации умеренных и консервативных сил против дальнейших реформ⁴⁷⁴.

Особую опасность в Союзе офицеров Армии и флота, образованном при Ставке, видел исполнительный комитет совета солдатских и рабочих депутатов. По инициативе исполкома верховному комиссару при Ставке была отправлена телеграмма со следующим содержанием: «Солдатские организации чрезвычайно смущены деятельностью Союза офицеров при Ставке. Все последние выступления Союза офицеров носят явно контрреволюционный характер. По имеющимся сведениям, все мало-мальки демократические проекты, попадая туда, выходят оттуда в искаженном виде при ближайшем участии Союза офицеров»⁴⁷⁵. В данном послании также указывалось, что распространение в армии реакционного «Вестника Союза офицеров» вызывает недоверие и раздражение солдатской массы. По мнению исполкома, появление Союза, который часто высказывается от имени всего офицерства, разрушает дело единения и доверия между солдатами и офицерами революционной армии. Так, социалистические партии, исключив офицеров из возможной сферы своего влияния, в прессе обращались к офицерскому корпусу как сборищу контрреволюционеров.

Недоверие к офицерам, прежде всего, примкнувшим к Союзу офицеров Армии и флота при Ставке, усиливалось не только со стороны солдатской массы. Деятельностью офицеров при Ставке Верховного главнокомандующего было недоволено и Временное правительство. Речь генерала Алексеева, занимающего в тот момент пост Верховного главнокомандующего, была расценена военным министром А.Ф. Керенским как прямое свидетельство несогласия с правительственным курсом. Исследователь И.Н. Гребенкин считал отставку

---

⁴⁷⁴ Rendle M. The officer corps, professionalism, and democracy in the Russian revolution // The Historical Journal. 2008. Vol. 51. №. 4. P. 921–942.

⁴⁷⁵ О союзе офицеров // Дело народа. 1917. № 119. 26 июля.

Алексеева и его замену А.А. Брусиловым одним из результатов деятельности офицерского съезда⁴⁷⁶.

К этому времени относится изменение риторики по отношению к офицерскому корпусу. Если в февральско-мартовские дни в представлениях общественности офицерство выступало неким реакционным элементом, сочувствующим старому режиму, то в апреле ситуация существенно изменилась. В качестве точки отсчета нового этапа трансформации образа офицера в сознании российской общественности выступают попытки объединения офицеров и появление идей создания общероссийских офицерских организаций в апреле 1917 г.

Однако, и в российском обществе в этот период времени произошли существенные изменения. Медовый месяц революции, опьянение свободой стали уступать место решению повседневных проблем, с которыми обыватели были вынуждены столкнуться. Новому правительству и народной милиции было достаточно трудно бороться с преступностью, охватившей российское общество. Не менее серьезной проблемой для горожан явились взаимоотношения с прислугой. Горничные, кухарки, прачки требовали дополнительной оплаты за сверхурочные часы. Извозчики заламывали неприемлемые для обывателя цены. Сплошной проблемой стала и поездка в трамвае – все вагоны были переполнены солдатами. Острым вопросом для горожан была дороговизна товаров. Таким образом, «эйфория первых месяцев революции уже к лету 1917 г. стала уступать место разочарованию от нереализованных надежд»⁴⁷⁷. Общественные настроения существенно изменились. Интерес городских обывателей к политике шел по нисходящей линии. Все больше простых граждан волновали частные проблемы. Временное правительство, которое откладывало решение многих вопросов до окончания войны, начинало терять свой авторитет. В сознании российской общественности стала утверждаться идея о несостоятельности новой власти.

---

⁴⁷⁶ Гребенкин И.Н. Долг и выбор: русский офицер... С. 292.

⁴⁷⁷ Меньковский В.И. Символ революции: «Образ Керенского» в исследованиях Б.И. Колоницкого // Журнал белорусского государственного университета. История. 2018. № 3. С. 106.

Данная трансформация в общественных представлениях привела к снижению неприязни по отношению к офицерам.

Сложившаяся обстановка способствовала тому, что в рамках второго периода, который условно можно очертить концом апреля–началом августа 1917 г., были предприняты попытки, прежде всего, со стороны публицистов военных периодических изданий реабилитировать российских офицеров в глазах общественности. Это представляло собой некую попытку укрепить патриотические настроения, сплотить офицеров и солдат, армию и общество для продолжения войны до победного конца. Так, в апреле были опубликованы первые заметки «Помогите офицерам», «Идите на встречу», где публицисты настаивали на том, что обвинения в контрреволюционном заговоре, выдвинутые против военачальников, носили ложный характер и не имели под собой реальных оснований.

Так, в заметке «Помогите офицерам» говорилось, что «если бы крики отчаяния исходили только от младшего командного состава, то на это можно было бы смотреть как единичные случаи упадка духа. Но, к сожалению, это не так. Такие имена как Алексеев, Гурко, Лечицкий, Драгомиров, Колчак, Юденич, о которых еще недавно с такою любовью говорила вся Россия, ныне вычеркнуты из списков действующей армии и все эти боевые генералы, не раз спасшие Россию от погрома, вынуждены были уйти по той же причине – осознание бессилия перед надвинувшейся анархией»⁴⁷⁸. Для усиления своей аргументации корреспонденты военных периодических изданий обращались к примерам доблести офицеров на фронтах мировой войны. Для защиты престижа офицерской службы высказывались идеи о необходимости поднять оклад командного состава, поскольку на офицеров возлагалась тяжелая задача подготовки и обучения войск⁴⁷⁹.

Некий интерес представляет собой письмо, поступившее в редакцию «Нового времени». По всей видимости, автор не хотел быть обнаружен, поэтому

---

⁴⁷⁸ Помогите офицерам // Разведчик. 1917. № 1386. С. 331.

⁴⁷⁹ Бурский П. В защиту офицеров // Утро России. 1917. № 129. 26 мая.

письмо было опубликовано и подписано графиней Софией Ростопчиной. Это письмо посвящалось статье «Офицеры» некоего г. Ксюпина. Автор письма вначале поприветствовал статью г. Ксюпина. Далее же продолжал «все же нельзя отделаться от чувства некоторой досады. Неужели же даже до такой степени, казалось бы, независимый и авторитетный журналист как автор этой статьи г. Ксюпин не мог стать на справедливую защиту офицеров, без делаемой им в начале статьи предпосылки: он оправдывает свое заступничество тем, что в свое время он много хлопотал и о солдатах. Отчего не решаются без подобных оправданий прямо и громко заявить офицеры – мученики?»⁴⁸⁰. Автор письма неуклонно пытался доказать, что офицеры являлись ни кем иным, как мучениками, верными присяге, любящими свое дело. По его мнению, о тяжелом положении офицерства свидетельствуют вопль отчаяния офицеров-авиаторов гвардейского авиационного отряда, уход боевого заслуженного генерала Гурко, самоубийства, кронштадтская трагедия. Автор убежден, что даже на съездах офицеры хлопотали не за себя, не о своих личных нуждах, а заботились о спасении того, что им дорого – об армии. Дискурс автора направлен на то, чтобы убедить российскую общественность в том, что офицеры являлись слугами Родины, которых лишили возможности работать, авторитета и власти. В заключении автор письма приходит к выводу, что «пока не соберутся дать офицерам права, а товарищам солдатам не внушат, что у них тоже есть обязанности, до тех пор у нас армии не будет. Будет, как и сейчас вооруженная толпа и при ней группа несчастных людей – офицеров, не знающих что же они теперь такое»⁴⁸¹.

Появление подобных статей, главная цель которых заключалась в восстановлении статуса офицера российской армии, необходимо рассматривать в контексте подготовки предстоящего летнего наступления России. Первоначально наступление русской армии, верной обязательствам перед Антантой, планировалось на конец апреля–начало мая 1917 г. Однако, февральско-

---

⁴⁸⁰ Графиня София Ростопчина. По поводу статьи г. Ксюпина «Офицеры» // Новое время. 1917. № 14796. 7 июня.

⁴⁸¹ Там же.

мартовские события сделали невозможным осуществление намеченных планов. Летнее наступление, в исследовательской литературе получившее название «Наступление Керенского», было назначено на июнь 1917 г. Многие офицеры, в частности генерал Алексеев, отмечали, что это наступление может привести к краху не только армии, но и России в целом. Тем не менее, 18 июня после артподготовки наступление началось.

По замечанию исследователя В.Н. Суряева, в ходе попытки наступления русской армии летом 1917 г. происходили события, которые ранее невозможно было даже представить⁴⁸². Речь идет о массовом бегстве, о неповиновении офицерам, об отказах исполнять приказы. В.Н. Суряев отмечал, что «в Галиции погибло до 80 % офицеров, в то время как солдаты почти все бежали»⁴⁸³.

Повсеместным явлением стало оставление своих позиций. Так, в «Разведчике» сообщалось, что «в 10 часов 607-й Млыновский полк самовольно оставил окопы и отошел назад, следствием чего явился отход и соседей, что дало возможность противнику развить свой успех. Наша неудача объясняется в значительной степени тем, что под влиянием агитации большевиков многие части, получив боевой приказ о поддержке атакованных частей, собирались на митинги и обсуждали, подлежит ли выполнению приказ, причем некоторые полки отказывались от выполнения боевых поручений и уходили с позиций без всякого давления противников. Усилия начальников и комитетов побудить солдат к исполнению приказа были безуспешны»⁴⁸⁴.

Солдат Е.В. Тумилович в своих воспоминаниях отмечал: «Немало хлопот стоило затратить командованию, чтобы уговорить войска пойти в наступление. Командир полка сам ходил по ротам и всячески старался повлиять на упрямый народ. “Братцы! В последний раз исполним свой долг перед родиной”, – чуть ли не со слезами говорил он бойцам. “А там и войне конец, и по домам пора”. В нем

---

⁴⁸² Суряев В.Н. Офицеры русской императорской армии... С. 190.

⁴⁸³ Там же.

⁴⁸⁴ Удар в спину // Разведчик. 1917. № 1391–1392. С. 412.

не чувствовалось вовсе старого офицера-солдата, и исполнять “свой долг” ему так же не хотелось, как и каждому из подчиненных ему солдат»⁴⁸⁵.

Примечателен случай на передовой, описанный в «Разведчике»: «Исчерпав все средства убеждения по отношению к стрелкам 12-й и 13-й Сибирской стрелковых дивизий, которые отказавшись исполнить боевое приказание, отказались вслед затем расформироваться по запасным полкам – утром, где находись стрелки, 15 июля были охвачены со всех сторон частями конницы, при этом, задержано до 100 человек, бродивших в окрестностях»⁴⁸⁶.

В ходе летнего наступления офицеры гибли не только от рук противника, но и собственных солдат. Так, 2-го июля был убит солдатами командующий 22-м гренадерским полком подполковник Рыков за то, что уговаривал солдат полка исполнить свой долг. Многие офицеры, уговаривающие солдат исполнить свой долг перед родиной, погибли от своих же пуль при аналогичных условиях⁴⁸⁷. «В одном окопе офицер на коленях умолял свою роту пойти в атаку и когда никто не откликнулся, пошел один. За ним поднялось еще два смельчака. Все они погибли»⁴⁸⁸.

Уговаривание солдат идти в атаку в июньские дни было достаточно распространенным явлением. Комиссар Временного правительства на Северном фронте В.Б. Станкевич в разгар наступления был вынужден отправиться на Бржезанский участок убеждать дивизию остаться в окопах, занятых у противника⁴⁸⁹. В качестве комиссара Северного фронта В.Б. Станкевич в ходе наступления под Двинском стал свидетелем событий, как части и целые дивизии отказывались выступить на фронт. Он приводил пример того, как до конца вечера 10 июля одна из дивизий упорно отказывалась занять свой участок, при этом чуть не расстреляла корпусного комиссара⁴⁹⁰.

---

⁴⁸⁵ «Смелым Бог владеет»: наступление Юго-Западного фронта... С. 134.

⁴⁸⁶ Передовая // Разведчик. 1917. № 1388. С. 363.

⁴⁸⁷ Гражданин. Идите на встречу // Разведчик. 1917. № 1378. С. 205.

⁴⁸⁸ Доклад об офицерстве // Разведчик. 1917. № 1399-1400. С. 485.

⁴⁸⁹ Станкевич В. Б. Июньское наступление на фронте // Революция 1917 года глазами ее руководителей. Roma, 1971. С. 284.

⁴⁹⁰ Там же. С. 288.

А.И. Деникин вспоминал, что «наступательный прорыв быстро исчерпался. Большинство частей находится в состоянии все возрастающего разложения. О власти и повиновении нет уже и речи, уговоры и убеждения уже потеряли силу – на них отвечают угрозами, а иногда и расстрелом. Были случаи, что отданное приказание спешно выступить на поддержку обсуждалось частями на митингах, почему поддержка опаздывала на сутки. Некоторые части самовольно уходят с позиций, даже не дожидаясь подхода противника»⁴⁹¹.

Многие современники событий сравнивали состояние армии 1917 г. с болезнью. В одной из публикаций, посвященных одному из признаков обострения болезни российской армии сообщалось: «Истязание генерала Я.Я. Любинского и убийство генерала П.А. Носкова – вот новые кошмарные иллюстрации к жизни наших войск на фронте. Щадя противников, мы в то же время избиваем своих начальников не потому, что они враги, изменники или поборники умершего царизма, а по иным соображениям, известным лишь той кучке людей, которая поставила себе целью доконать нашу армию собственными средствами. Не надо быть глубоким психологом, чтобы понять трагизм положения командного состава, находящегося под угрозой истязаний и смерти от своих же собственных братьев»⁴⁹².

Уже к 1 (14) июля наступление фактически полностью прекратилось. Неудача июньского наступления стала мощным катализатором для дальнейшего углубления революции. Сложившаяся обстановка на фронте и в тылу подготовила почву для действий левых партий. Все недовольные политикой Временного правительства объединились на улицах Петрограда под лозунгами большевиков. Июльский кризис, итогом которого стало формирование второго коалиционного правительства, продемонстрировал высокий уровень поляризации российского общества. Неудачное летнее наступление способствовало падению авторитета Временного правительства и А.Ф. Керенского.

---

⁴⁹¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Кн.1. Т.1. Крушение власти и армии... С. 498.

⁴⁹² Бурский П. Болезнь армии // Утро России. 1917. № 147. 16 июня.

В свою очередь, в отечественной периодике начинает активно циркулировать мысль о том, кто виновен в неудачном наступлении русской армии. Так, ответственность за провал была возложена на большевиков и им сочувствующих. На страницах военного журнала «Разведчик» была высказана идея о том, что «против революционной армии, сражающейся против войск Вильгельма, вонзили кинжал те, кто в тылу посягал на волю полномочных органов демократии и этим разжег междоусобия в ее рядах»⁴⁹³.

Развивавшийся общественный конфликт подталкивал политическое размежевание в среде офицерства, которое ни в социальном, ни в идейном плане давно не было однородно. «Все более заметно проявляли себя правый – консервативный и левый – демократический фланги, не принимавшие курс правительства и Советов»⁴⁹⁴.

Неудачное летнее наступление не могло не сказаться на позициях офицеров российской армии. В газете «Новое время» были опубликованы материалы беседы о возрождении боеспособности армии с бывшим помощником военного министра генералом В.Ф. Новицким. Он считал, что возродить армию можно, но не теми способами, которые практиковались до настоящего времени. Командир 2-го Сибирского армейского корпуса В.Ф. Новицкий указывал: «Я поклоняюсь перед энергией Керенского, но считаю, что он не увеличивает значение революционного энтузиазма в деле поднятия боеспособности армии. Мне кажется, что армия может пойти вперед с шансами на успех только под влиянием боевого чисто военного энтузиазма, который зарождается под влиянием факторов другого порядка, чем те лозунги, которые выставила революция»⁴⁹⁵. Генерал В.Ф. Новицкий считал, что некоторые лозунги, особенно социалистические, в корне противоречат самой идее войны. Он подчеркивал, что заставить идти армию к победе могут только любовь к отечеству, чувство долга и самопожертвования, доверие к вождям, сознание превосходства над противником и вражда к нему. В заключении генерал указывал, что «для войны нужны вожди

---

⁴⁹³ Удар в спину // Разведчик. 1917. № 1391–1392. С. 413.

⁴⁹⁴ Гребенкин И.Н. Долг и выбор: русский офицер... С. 275.

⁴⁹⁵ Сол. Ив. Возрождение армии (беседа с ген. Новицким) // Новое время. 1917. № 14835. 25 июля.

не революционные, а военные. Откуда им взяться, когда весь командный состав, все офицерство унижено, оскорблено, заподозрено, когда авторитет его уничтожен? ... Нужно укреплять позиции, восстановить власть и авторитет командного состава и офицеров, восстановить единоличную дисциплинарную власть начальника. Необходимо отменить, хотя бы на время войны, известную декларацию прав военнослужащих! Нужно ограничить компетенции войсковых комитетов хозяйственными и бытовыми вопросами»⁴⁹⁶.

Несмотря на все попытки восстановить былую славу офицеров-героев, в общественном сознании прочно укоренилась мысль о причастности офицеров к контрреволюции. Один из корреспондентов журнала «Разведчик» следующим образом описывал эту ситуацию: «Взгляд на офицера эволюционирует весьма мало, по-прежнему приходится слышать заявление о контрреволюционном настроении старшего офицерского состава»⁴⁹⁷.

Действительно, представления об офицерстве трансформировались медленно, поскольку к этому времени в общественном сознании прочно укрепился ассоциативный ряд: офицер-контрреволюционер, «буржуй», «пасынок революции». Зачастую употребление таких концептов по отношению к офицерам сопровождалось простым непониманием значений этих слов, особенно со стороны солдатских масс. Так, в отечественной публицистике сохранилось немало примеров причудливого употребления слова «буржуй», которое в некоторых кругах российского общества стало особенно любимым, склонялось во всех падежах. Публицист либеральной газеты «Утро России» С. Москвин, рассуждая по этому поводу отмечал, что от такого частого употребления, все должны были уяснить его смысл. С. Москвин описал разговор солдата и полкового священника:

– Сказывают, батюшка, – говорит солдат полковому священнику, – что деревню эту подпалили буржуи.

– Какие буржуи?

---

⁴⁹⁶ Сол. Ив. Возрождение армии (беседа с ген. Новицким) // Новое время. 1917. № 14835. 25 июля.

⁴⁹⁷ Н.В. Доклад об офицерстве // Разведчик. 1917. № 1399–1400. С. 485.

– Да эти, которые воры, грабители, убийцы, не признают правительства.
<...> Буржуи пьют нашу кровь, грабят нас, делают людей нищими и калечат

Пораженный этим ответом батюшка долго пытался объяснить солдату кто такие буржуи. Но он не верил⁴⁹⁸.

Опровергнуть, уже, казалось бы, устойчивую аксиому в сознании российского общества, было гораздо труднее, чем подкрепить существующее убеждение о контрреволюционности и реакционности офицерства. Об успехах социалистической агитации в войсках сообщала газета «Утро России»: «Так найдете в роте большевика с ораторским талантом, и можно быть уверенным, что в этой роте сформируется большевистское большинство. Но достаточно появиться лучшему оратору от меньшевиков, и рота постепенно станет меньшевистской. Устойчивости в убеждениях нет никакой»⁴⁹⁹. Далее в этой же заметке корреспондент С. Москвин поделился опытом беседы с солдатом о взаимоотношениях солдат и офицеров. По словам публициста, тут же посыпались обвинения в неискренности офицеров, в нежелании объединяться с солдатами, во враждебном отношении к ним.

– Напрасно вы так думаете, – возражал С. Москвин, – напротив офицеры за небольшим исключением идут вам на встречу с открытой душой.

– С хорошей открытой душой. Вот у нас совет офицерских депутатов выпустил воззвание и там сказано: «Солдаты, подадим друг другу руки». Пишут: подадим, а до сих пор так никто и не подал⁵⁰⁰.

По-прежнему обвинения офицеров в контрреволюционных действиях исходили из Совета рабочих и солдатских депутатов. На страницах «Нового времени» командующий 5-й армии Ю.Н. Данилов выступил с протестом против позиции члена центрального комитета Совета рабочих и солдатских депутатов от 5-й армии г. Сороко в отношении офицеров. Ю.Н. Данилов писал: «Как лицо, стоящее во главе командного состава 5-й армии, самым решительным образом протестую против такого огульного и тяжкого обвинения. Категорически

---

⁴⁹⁸ Москвин С. Печальные курьезы // Утро России. 1917. № 171. 14 июля.

⁴⁹⁹ Там же.

⁵⁰⁰ Там же.

настаиваю, что пока обвинения общего характера, направленные против высшего командования, не доказаны, они ведут лишь к дезорганизации армии»⁵⁰¹. Публичный ответ генерала от инфантерии Ю.Н. Данилова на обвинения г. Сороко свидетельствует об увеличении социальной и политической активности офицерства.

Продолжавшаяся мировая война привела политическую элиту того времени к осознанию опасности сложившейся ситуации. Военный и морской министр А.Ф. Керенский в подписанном 22 августа 1917 г. приказе «Армии и флоту» заявлял о готовности правительства оказать всемерную поддержку офицерству, которое кровью своею на поле брани доказало верность родине и революции⁵⁰². В правительственных кругах заговорили о братском единении солдат и офицеров в дни революции, а все притеснения представителей офицерского корпуса трактовались как незаслуженные, несправедливые, как пережитки старого строя. Изданию приказа А.Ф. Керенского предшествовал доклад военного комиссара Юго-Западного фронта В.П. Гобечиа о необходимости отметить доблесть и заслуги офицерского корпуса в последних боях. В.П. Гобечиа в своем докладе заявил, что «с наступлением революционной свободы офицерство явилось пасынками этой свободы и огульно было объявлено буржуями, слугами царского режима и сторонниками контрреволюции. В то время как для большинства свобода явилась праздником, когда в России не стало обездоленных и обиженных у офицеров отнимали все: права, престиж, оружие, даже георгиевское, добытое ценою жизнью. Однако с начала наступления, предпринятого 18 июня, стало для всех очевидным, что офицерство, обвиняемое во вражде к свободе, ради торжества свободы жертвовало жизнью»⁵⁰³. Так, и на уровне Временного правительства была осуществлена попытка реабилитировать офицерский корпус в сознании общественности. Безусловно, запоздавшие меры, политика дискредитации офицерского корпуса оказали влияние на его отношение к революционным событиям 1917 г. и подтолкнули к активным действиям.

---

⁵⁰¹ Данилов Ю. О настроении командного состава // Новое время. 1917. № 14838. 28 июля.

⁵⁰² Н.В. Доклад об офицерстве // Разведчик. 1917. № 1399–1400. С. 485.

⁵⁰³ Там же.

В конце лета ситуация в армии усугубилась. В одном из своих отчетов комиссар 5-й армии Северного фронта А.Е. Ходоров сообщал, что «особенно вредно сказывались на настроении солдат закрытые заседания офицеров, в большинстве случаев, штабных, приписанных к Союзу офицеров Армии и флота при Ставке»⁵⁰⁴. Назначенный в июне комиссаром Временного правительства на Северном фронте В.Б. Станкевич отмечал, что в офицерской среде проявлялось крайне нежелательное влияние отчуждения и замкнутости. По его мнению, это нашло отражение в устройстве тайных совещаний. В.Б. Станкевич считал, что «порождаемая замкнутость офицерства усиливала недоверие солдат и могла крайне вредно отразиться на успехе работы по поднятию авторитета командного состава»⁵⁰⁵. Замкнутость офицерства, создание офицерских организаций вызывало недоверие и со стороны Временного правительства. А.Ф. Керенский считал, что в связи с выступлением некоторых групп офицеров о необходимости восстановления единоличной власти начальников, необходимо сохранить новые демократические организации в армии. А.Ф. Керенский настаивал на том, что «в настоящее время следует опасаться не только опасности слева, сколько опасности организующейся правой, желающей вызвать контрреволюцию»⁵⁰⁶.

Неудача русской армии на фронтах мировой войны в июне 1917 г. продемонстрировала различным политическим силам, Временному правительству, российской общественности и самим офицерам, что армия в силу разных причин находится в глубоком кризисе. В условиях продолжавшейся войны были необходимы кардинальные меры для восстановления боеспособности армии.

Современники событий среди причин, породивших кризис, называли многие, в том числе, и агитацию большевиков на фронте. В газете «Армия и флот свободной России» (бывший «Русский инвалид») отмечалось, что летом 1917 г. наступил второй кризис в армии. «Первый произошел тогда, когда армия отказалась от прежней дисциплины, построенной на принуждении, на страхе.

---

⁵⁰⁴ Союз офицеров при Ставке // Дело народа. 1917. № 135. 24 августа.

⁵⁰⁵ Там же.

⁵⁰⁶ Армия и Флот свободной России. 1917. № 173. 16 июля.

Лишённая всякой дисциплины армия начала разлагаться, превращаться в толпу вооруженных необузданных людей. Но появились выборные комитеты, которые со всей энергией взялись за организацию армии на новых началах и стали создавать в ней дисциплину долга. Последние события показали, что нашу армию подточил червь большевизма. Они принялись за гибельную для России агитацию на фронте. Этот второй кризис ужаснее и опаснее первого. В данный момент армия находится под угрозой полного развала»⁵⁰⁷.

На страницах отечественных периодических изданий все чаще стали появляться статьи о «тяжелой болезни» русской армии. В качестве главного симптома называли – крайне ненормальные взаимоотношения между офицерами и солдатами. Причиной трудностей выстраивания конструктивных взаимоотношений между командирами и подчинёнными некоторые видели в политической неподготовленности офицерства и малосознательности солдата. «Кадровое офицерство прежней системой было сознательно оторвано не только от политической жизни, но и от всякого проявления общественности. Все эти бесконечные упрёки кадрового офицерства в реакционности, инертности, пассивности, в несознательности только затрудняли его положение. Солдату к революции приобщиться было легко, ибо это приобщение у него носило крайне позитивный характер. От офицера же требовалось чтобы он был и агитатором, и пропагандистом, и лектором, и митинговым оратором, и организатором, и педагогом, и воспитателем. ... Самая основная задача нашей армии – это восстановление авторитета офицера, право власти, право приказа теперь должно покоиться не на страхе наказания, а на чувстве уважения начальника за его знания и доблесть. Наш солдат до сих пор в офицере не может забыть представителя бывшей палки. Чувство злобы и долг ненависти за прошлое ещё до сих пор живы»⁵⁰⁸.

В газете «Армия и флот свободной России», характеризуя деятельность офицерского корпуса, отмечалось, что его условно можно разделить на три

---

⁵⁰⁷ Кельнич С. Армия спасения // Армия и флот свободной России. 1917. № 175. 29 июля.

⁵⁰⁸ Витязев П. Офицер и солдат // Армия и флот свободной России. 1917. № 176. 30 июля.

направления. К первой группе относились военачальники, занявшие нейтральную позицию. Они замкнулись в свою раковину и от всего сторонятся. Эта группа скорее наблюдает, чем действует. Второе направление придерживалось обратной тактики и всеми способами старалось подстроиться под солдат. Эта часть офицерства шла по линии наименьшего сопротивления, что в конечном итоге должно привести армию к развалу и дезорганизации. Третье направление выступает в роли идейных руководителей и деятелей всей реорганизации армии. Это офицерство деятельно работает рука об руку с солдатом. Это есть тот путь, на который должно стать все наше офицерство⁵⁰⁹.

Нарастающие негативные представления о политиках и демократии приводили к недовольству общества существующей властью. В свою очередь, это предопределило появление в широких общественных кругах осознания необходимости твердой власти. Данный социальный контекст был благоприятной почвой для укрепления образа офицера в качестве мученика. Так, рассуждая об офицерстве после летнего наступления, публицист А. Дубовский описал трагический путь русского офицера: «Совершился переворот и с первого дня офицеру пришлось принять на себя всю силу прибоя взбушевавшегося армейского моря. Офицера обвиняли в контрреволюционных замыслах, обливали грязью, ненавидели бессмысленно и жестоко, а в лучшем случае лишь – выносили, как печальное, но неизбежное наследие старого режима. Офицер терпел и молчал. Период полной бездеятельности масс миновал, наступил исторический отныне день 18 июля, и сообщение Ставки отметило чрезвычайное количество офицеров, убитых и раненых в боях. Многие части отказались наступать, офицеры одни бросались вперед. Оставьте офицера, не тревожьте молчание его подвига ни указаниями, ни благодарностями. Вы люди – чуждого мира – не знаете и никогда не поймете его стремлений и его психологии. Вспоминается ужасная действительность недавнего прошлого. На великом революционном празднике офицеры были париями, пасынками свободы. С них срывали оружие, и часто оружие со знаками Святого Георгия и Святой Анны.

---

⁵⁰⁹ Витязев П. Офицер и солдат // Армия и флот свободной России. 1917. № 176. 30 июля.

Бешеная кампания повелась против офицера. Действительность такова: подавляющее большинство русских офицеров – настоящие пролетарии армии, их содержание очень скромно, существование однообразно, омрачено усталостью и тяжелым трудом, и нужно неудержимое патриотическое призвание, чтобы тянуть армейскую ляжку. Довольно этих бессмысленных и пошлых обвинений в контрреволюционности»⁵¹⁰.

Таким образом, накануне и в период летнего наступления либеральной и военной прессой предпринимались попытки опровергнуть обвинения против офицеров в контрреволюционной деятельности. Дискурс социалистических партий, напротив, был направлен на закрепление подобных убеждений об офицерстве.

2.4 Корниловский мятеж: «Все офицеры, без исключения, взяты под подозрение только потому, что они офицеры...»

Последний этап трансформации образа офицера в сознании российской общественности связан с сюжетом, который вошел в историю как «корниловский мятеж». В отечественной исторической науке существуют разные взгляды на события августа 1917 г. Ряд исследователей называет действия Л.Г. Корнилова антиправительственным контрреволюционным мятежом. Другие же исследователи придерживаются взгляда, что генерал Корнилов действовал на основе соглашений с премьер-министром А.Ф. Керенским, который в последний момент решил отступить и нарушил договор с генералом. Сторонники последней точки зрения говорят не о «корниловском мятеже», а о «корниловском выступлении». Несмотря на существование разных трактовок августовских событий, очевиден тот факт, что «корниловское выступление» не было локальным политическим процессом, а представляло собой некий социокультурный процесс с важными последствиями для истории России.

---

⁵¹⁰ Дубовский А. Русский офицер // Армия и Флот свободной России. 1917. № 208. 27 августа.

По замечанию И.Л. Архипова, «“корниловский мятеж”, которому в течение нескольких месяцев предшествовали сложные манипуляции с политической символикой, – точно так же, как и после его “поражения”, – занимал объективное, самостоятельное место в общественном сознании»⁵¹¹. Действительно, образ Корнилова и тех событий, связанных с его именем, в течение длительного времени вызывали разные реакции в обществе и имели далеко идущие последствия не только для армии и офицерства, но и России. Непосредственное обращение к анализу событий, предшествовавших выступлению генерала Л.Г. Корнилова, позволяет реконструировать глубинные трансформации общественного сознания российских обывателей.

В июле из-за ухудшения экономического положения обыватели с ностальгией вспоминали, что при «старом порядке» продовольственные «хвосты» были короче. Так, в российском обществе все отчетливее осознавалась необходимость наведения порядка в стране, установления твердой власти. В своих воспоминаниях о событиях конца июля–начала августа меньшевик, публицист Н.Н. Суханов отмечал, что «реакция и депрессия глубоко проникли и в самый авангард, в самую надежную опору революции – в толщу петербургских рабочих. В самые июльские дни мы уже видели заводские резолюции против большевиков.... Теперь было хуже. Целый ряд заводов, отмежевываясь от большевиков, вслед за воинскими частями горячо поддерживал новую коалицию. Мы были отброшены далеко назад. Огромный запас сил революции был выпущен на ветер. Массы были принижены и расслаблены. Буржуазия воспрянула и рвалась в бой. Атмосфера прочной, глубокой реакции хорошо ощущалась всеми. Почва для действительной диктатуры была благоприятной»⁵¹². По замечанию И.Л. Архипова, в июле 1917 г. в массовом сознании становилась все более популярной идея о придании высшей государственной власти «военного лица»⁵¹³.

Необходимость в подобном лидере осознавало Временное правительство и сам премьер-министр А.Ф. Керенский, престиж которых к этому времени

⁵¹¹ Архипов И.Л. Корниловский мятеж как феномен политической психологии // Новый часовой. 1994 № 2. С. 25.

⁵¹² Суханов Н.Н. Записки о революции. [Электронный ресурс]: Кн. 5. Берлин-Петербург-Москва, 1923. URL: <https://www.magister.msk.ru/library/history/xx/suhanov/suhan005.htm> (дата обращения 11.06.2019).

⁵¹³ Архипов И.Л. Корниловский мятеж... С. 26.

значительно пошатнулся. Провал июньского наступления на фронте и события начала июля в Петрограде послужили тому, что А.Ф. Керенский все более склонялся к радикальным методам укрепления власти⁵¹⁴. Особо острая потребность в сильном руководителе, способном остановить развал армии и восстановить авторитет командного состава, была в высших военных кругах и офицерской корпорации. Так, к середине июля в разных кругах российского общества созревала идея о необходимости установления твердой власти и наведения порядка в стране. По замечанию генерала А.И. Деникина, «страна искала имя...Но, когда генерал Корнилов был назначен Верховным главнокомандующим, все искания прекратились. Страна – одни с надеждой, другие с враждебной подозрительностью – назвала имя диктатора»⁵¹⁵. Олицетворением этой твердой власти стал генерал Л.Г. Корнилов, воссозданный образ которого отвечал требованиям различных социальных групп.

Известность и популярность в армейских кругах генерал-лейтенанту Л.Г. Корнилову принесли служба в Туркестане, экспедиции в Афганистане, Индии и др. Преданность и уважение солдат на фронтах мировой войны он заслужил личной храбростью и инициативностью, которая порой приводила к неоправданным людским потерям. Известность всероссийского масштаба Л.Г. Корнилову принес успешный побег из плена. Генерал Л.Г. Корнилов был героем войны, умелым полководцем. В офицерских кругах он воспринимался либералом и демократом. В дни февральской революции он находился в Петрограде, участвовал в аресте Александры Федоровны. Для Временного правительства и демократических кругов Корнилов воспринимался как фигура, противостоящая в Ставке «царским генералам». Этот образ генерала был привлекателен и для мелкобуржуазной общественности, и для представителей крупного финансового капитала. Все это способствовало распространению в российском обществе идеи о том, что фигура генерала была наиболее удобной для

---

⁵¹⁴ Гребенкин И.Н. Долг и выбор: русский офицер... С. 340.

⁵¹⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Кн.2. Т.2. Борьба генерала Корнилова... С. 30.

укрепления власти. Л.Г. Корнилов был первой фигурой, которая смогла в себе соединить и олицетворить черты военного и гражданского лидера.

Такое отношение представителей разных слоев общества к генералу Л.Г. Корнилову свидетельствовало о том, что в массовом сознании обывателя изначально существовала ниша, которую могла бы заполнить фигура, которая, с одной стороны, отождествлялась бы с революцией, а с другой, символизировала бы собой порядок и сильную власть⁵¹⁶. Лавр Георгиевич оказался наиболее подходящей личностью для совмещения этих ролей. Историк И.Л. Архипов пришел к выводу, что «назначение на пост Верховного главнокомандующего Корнилова было в значительной степени реакцией на формирование в массовом сознании такого образа генерала»⁵¹⁷.

7 июля 1917 г. Корнилов был назначен Главкомандующим Юго-Западного фронта. В ходе летнего наступления он зарекомендовал себя, как умелый и жесткий военачальник. А.И. Деникин неоднократно подчеркивал, что призрак «генерала на белом коне» витал уже в воздухе и смущал душевный покой многих»⁵¹⁸. 19 июля последовало назначение генерала Лавра Георгиевича Корнилова на пост Верховного главнокомандующего русской армией. Так, назначение Корнилова свидетельствовало о новом этапе политического развития России. За несколько месяцев после свержения самодержавия на посту Верховного главнокомандующего сменили друг друга Великий князь Николай Николаевич, М.В. Алексеев, А.А. Брусилов, Л.Г. Корнилов. По замечанию И.Н. Гребенкина, «каждый поворот в политике правительства, вызванный правительственным кризисом и министерскими перестановками, приводил к назначению нового Главковерха, более соответствовавшего ожиданиям политического руководства на данном этапе»⁵¹⁹. А.И. Деникин считал, что «уход Брусилова знаменует собой явное признание правительством крушения всей его военной политики»⁵²⁰.

---

⁵¹⁶ Архипов И.Л. Корниловской мятеж... С. 25.

⁵¹⁷ Там же. С. 27.

⁵¹⁸ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Кн.1. Т.1. Крушение власти и армии... С. 529.

⁵¹⁹ Гребенкин И.Н. Долг и выбор: русский офицер... С. 377.

⁵²⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Кн.1. Т.1. Крушение власти и армии... С. 525.

Интерес общественности к фигуре генерала постоянно подогревался российской прессой, которая еще до назначения Корнилова на пост Главнокомандующего уделяла внимание его персоне. «Если левая печать, начиная с событий апрельского кризиса, со всей определенностью усиленно представляла Корнилова контрреволюционером и одним из вождей реакционной военщины, то коллеги справа связывали с его именем ожидания восстановления порядка в армии и успехов на фронте, преподнося его в качестве крупного военного и политического деятеля»⁵²¹. «Взоры очень многих людей – томившихся, страдавших от безумия и позора, в волнах которого захлебывалась русская жизнь, все чаще и чаще обращались к нему. К нему шли и честные, и бесчестные, и искренние, и интриганы, и политические деятели, и воины, и авантюристы. И все они в один голос говорили: “Спаси” ... Корнилов стал знаменем. Для одних – контрреволюции, для других – спасения Родины»⁵²².

А.И. Деникин считал, что «день 8 июля предрешил судьбу Корнилова. Именно тогда произошло вступление его в должность главнокомандующего Юго-Западным фронтом и посылка первого “требования” Временному правительству о наведении порядка в войсках. В глазах многих он стал народным героем, на него возлагались большие надежды, от него стали ждать спасения страны»⁵²³.

На страницах отечественных периодических изданий помещались речи и заявления генерала, адресованные военной и гражданской общественности. Так, ни одно периодическое издание не оставило без внимания заявление Корнилова перед вступлением в должность. Генерал-лейтенант заявил, что «вступит в должность только при условиях полного невмешательства в оперативные распоряжения и в назначения высшего военного состава, распространения смертной казни на те местности тыла, где расположены пополнения армии, невмешательства комиссаров и комитетов в боевые распоряжения офицеров»⁵²⁴. Требования генерала были удовлетворены премьер-министром А.Ф. Керенским.

⁵²¹ Гребенкин И.Н. Долг и выбор: русский офицер... С. 350.

⁵²² Деникин А.И. Очерки русской смуты. Кн.1. Т.1. Крушение власти и армии... С. 532.

⁵²³ Там же. С. 503.

⁵²⁴ Калашников В.В. Корниловский мятеж // Альтернативы. 2017. № 3. С. 127

О методах генерала Л.Г. Корнилова по «исцелению» российской армии достаточно восторженно сообщалось на страницах многих периодических изданий. «Дисциплина, борьба с темнотой, бодрость духа – вот те три положения, к которым сводится метод Корниловского лечения заболеваний нашей армии»⁵²⁵.

О признании в качестве символа твердой власти генерала Корнилова различными слоями общества свидетельствует восторженная встреча генерала на Государственном совещании, которое начало свою работу 12 августа в Москве. В Москве генерала встречали как «спасителя Отечества». Город был наводнён портретами и брошюрами, прославляющими Корнилова. Перед вокзалом построился 9 казачий полк, недавно переброшенный в Москву⁵²⁶. Генерала встречали овациями. Офицеры понесли его на руках к автомобилю⁵²⁷. «Солдаты бросали букеты цветов под ноги Главнокомандующего. Родичев на вокзале, обращаясь к Корнилову, заявил, что Л.Г. Корнилов для всей Москвы является символом единства»⁵²⁸.

Фотоснимки генерала Л.Г. Корнилова, сделанные во время Государственного совещания, передают ту восторженную атмосферу и общее ликование по поводу приезда Главнокомандующего. На страницах иллюстративного художественного журнала «Искры» на первой полосе было размещено фото генерала с громким заголовком «Народный герой в Москве». На страницах этого же журнала была подробно описана встреча генерала в Москве: «Еще после бегства из австрийского плена генерала Л.Г. Корнилова Москва жаждала видеть народного героя, прославившего целым рядом подвигов в Карпатах и русское имя, и русское оружие. Но когда генерал – наша надежда и упование – стал во главе верховного командования над нашей измученной и истрадавшейся армией, эта жажда Москвы стала еще сильнее»⁵²⁹. Именно так объяснял автор заметки стремление массы людей увидеть генерала Л.Г. Корнилова. «Появление народного героя было встречено музыкой почетного

⁵²⁵ Клерже Г. Дисциплина, борьба с темнотой, бодрость духа // Армия и Флот свободной России. 1917. № 183. 10 августа.

⁵²⁶ Калашников В.В. Корниловский мятеж... С. 128.

⁵²⁷ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Кн.2. Т.2. Борьба генерала Корнилова... С. 32.

⁵²⁸ Там же.

⁵²⁹ Б/п. Приезд генерала Корнилова // Искры. 1917. № 32. С. 250.

караула и бурей оваций. Его путь был усыпан цветами...Генерал снял фуражку и приветствовал Москву и ее население. Когда же Корнилов сел в автомобиль и, сопровождаемый своим текинским конвоем, поехал по Тверской молиться к Иверской, то вслед за ним потянулись многие десятки автомобилей лиц, желавших сопровождать народного героя. Собравшаяся по Тверской публика, а также масса народа, покрывавшая Иверскую площадь, с горячим энтузиазмом приветствовала Верховного главнокомандующего. Импровизированная встреча Москвой генерала Корнилова имела грандиозный характер и произвела на присутствующих сильное впечатление. Офицеры на руках выносят генерала Корнилова с Александровского вокзала на площадь. Юнкера, встречавшие Верховного главнокомандующего, проходят церемониальным маршем мимо Л.Г. Корнилова»⁵³⁰. Так, на страницах прессы начинают усиленно обсуждать действия Л.Г. Корнилова. Значительное число информационных сообщений о Корнилове приводило к тому, что его имя стало известно по всей России.

А.И. Деникин в «Очерках русской смуты», вспоминая о московском совещании, приводил в пример телеграмму за подписью М. Родзянко от 9 августа, адресованную Л.Г. Корнилову. В этой телеграмме председатель IV Государственной Думы писал: «Совещание общественных деятелей приветствует Вас, Верховного вождя русской армии. Совещание заявляет, что всякие покушения на подрыв Вашего авторитета в армии и России считает преступным и присоединяет свой голос к голосу офицеров, георгиевских кавалеров и казаков. В грозный час тяжёлого испытания вся мыслящая Россия смотрит на Вас с надеждой и верою. Да поможет Вам Бог в вашем великом подвиге на воссоздание могучей армии и России»⁵³¹.

Многие участники Государственного совещания отмечали неясность целей данного мероприятия. Однако, о предстоящем совещании сообщалось всеми периодическими изданиями. По замечанию публициста Н.Н. Суханова,

---

⁵³⁰ Б/п. Приезд генерала Корнилова // Искры. 1917. № 32. С. 250.

⁵³¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Кн.2. Т.2. Борьба генерала Корнилова... С. 32.

«рекламируя совещание, обывателя заставляли чего-то ждать от него»⁵³². Многие современники событий и публицисты подчеркивали особое значение выступления Главнокомандующего русской армией на московском совещании. Особенно восторженно генерала встречал правый фланг Государственного совещания в Москве.

В одной из заметок газеты «Новое время», освещающих работу совещания указывалось, что «самым выдающимся моментом второго дня государственного совещания в Москве была речь генерала Корнилова. Он первый смело вложил перст в рану»⁵³³. Л.Г. Корнилова именуют первым солдатом русской революционной армии. В данной публикации был сделан акцент на то, что «России угрожает гибель из-за позора, совершающегося в армии. Благодаря отмене воинской дисциплины она из доблестного войска местами обратилась в полную толпу разбойников. Она терзает своих вождей»⁵³⁴. Вслед за Главнокомандующим в газете подчеркивалось, что источником этого ужасного превращения стали неосторожные меры, принятые в армии не знающими людьми и не разбирающимися в основах армейского искусства. Так, в прессе появился дискурс, направленность которого заключалась в снятии ответственности за развал армии с командного состава и обвинении в этом правительственных действий.

В заметке «Нового времени» цитировали Корнилова: «Единственный выход – это вернуть начальнику полноту власти, возвысить общее положение офицерского корпуса – единственного сословия в революционной России, которое не потребовало улучшения своего нищенского положения. Офицеры, ведущие армию в бой, кладущие безропотно свои головы за родину в вознаграждение встречают издевательства, сверхчеловеческие унижения и наконец, смерть от рук темной толпы, развращаемой подлой проповедью. Также было необходимо установить порядок в тылу такой же, как и в боевой армии»⁵³⁵.

---

⁵³² Суханов Н.Н. Записки о революции. [Электронный ресурс]: Кн. 5. Берлин-Петербург-Москва, 1923. URL: <https://www.magister.msk.ru/library/history/xx/suhanov/suhan005.htm> (дата обращения 11.06.2019).

⁵³³ Первый солдат русской революционной армии // Новое время. 1917. № 14853. 15 августа.

⁵³⁴ Там же.

⁵³⁵ Там же.

Первая часть данной публикации, посвященная речи генерала Л.Г. Корнилова на Государственном совещании, свидетельствует о серьезных намерениях Главнокомандующего навести порядок в стране, что не могло не повлиять на укрепление образа защитника и спасителя России.

Во второй же части статьи содержалась информация о том, что Верховный главнокомандующий не допустит самой возможности контрреволюционных заговоров, прежде всего, со стороны командного состава. Для этого он потребовал сохранения на фронте политических комиссаров⁵³⁶. Так, генерал Корнилов предстал в лице некоего гаранта сохранения демократических достижений революции. Тем самым, ему удалось склонить на свою сторону представителей различных социальных групп. Но, несмотря на популярность генерала, участники Государственного совещания разделились на два крыла – левое и правое. Последнее бурными овациями приветствовало Верховного главнокомандующего, в то время как, представители левых течений отказались даже встать при появлении генерала Л.Г. Корнилова. «Даже в среде государственного совещания нашлись люди, которые сочли удобным оказать первому солдату революционной армии пренебрежение. Им кричали: “предатели, гады и другие столь же заслуженные эпитеты”»⁵³⁷.

Сформированный образ генерала Л.Г. Корнилова как патриота, спасителя России и защитника революции не мог не привести некоторые изменения в массовые представления об офицерах российской армии. В начале августа многие современники событий отмечали факт укрепления дисциплины в войсках и некоторого «потепления» во взаимоотношениях между офицерами и солдатами. «По донесениям, по газетам и по личным наблюдениям замечается некоторый перелом в армии, как на фронте, так и в тылу. Дорогой ценой куплен этот перелом. И может быть, еще большая жертва была бы необходима, если бы не смелое слово и решительные действия генерала Корнилова. Армия и вся Россия должны понять и оценить его подвиг. Принятие Правительством условия генерала

---

⁵³⁶ Первый солдат русской революционной армии // Новое время. 1917. № 14853. 15 августа.

⁵³⁷ Там же.

Корнилова дает залог успеха и надежду на возрождение армии и на спасение России»⁵³⁸. Так, военная газета «Армия и флот свободной России» улучшение взаимоотношений между офицерами и солдатами относила к личным заслугам генерала Л.Г. Корнилова. Тем не менее, налаживание отношений не было повсеместным, в частности, орган армейского комитета XII армии, являющийся авторитетом для солдат, по-прежнему выступал с обвинениями против офицеров в контрреволюционной деятельности⁵³⁹.

Таким образом, к концу июля–началу августа в общественных представлениях произошли определенные трансформации. Во многом это было обусловлено ухудшением социально-экономического положения и неудачными действиями на фронте. Для многих единственный выход виделся в установлении твердой власти, ее сосредоточении в руках сильного лидера. Создание такого образа генерала Л.Г. Корнилова в некоторой степени повлияло и на восприятие всех офицеров российской армии. Прежде всего, это отчетливо прослеживается в снижении заметок и статей на страницах периодических изданий, обвиняющих офицерство в контрреволюционной деятельности. Однако, дальнейшее развитие событий способствовало тому, что за офицером российской армии будет окончательно закреплён образ контрреволюционера.

После развернувшегося немецкого наступления на Прибалтику 21 августа пала Рига, что создало угрозу для Петрограда. Тогда, по согласованию с Керенским началось формирование отдельной Петроградской армии. Для безопасности Временного правительства Керенский заявил о создании новой структуры – Петроградского военного губернаторства. Утром 26 августа началась переброска войск к Петрограду. 28 августа Временное правительство отстранило Корнилова от должности Верховного главнокомандующего «с преданием суду за мятеж».

Политический деятель, член Государственной думы С.И. Шидловский отмечал, что уже на Государственном совещании сложилась довольно странная

---

⁵³⁸ Армия и Флот свободной России. 1917. № 149. 18 июня.

⁵³⁹ И.С. Укрепление дисциплины // Новое время. 1917. № 14558. 20 августа.

обстановка, распространялись какие-то неопределенные слухи о противостоянии Корнилова и Керенского, об их взаимных претензиях друг к другу. С.И. Шидловский считал, что «Корнилов приехал в Москву довольно необычным образом: во-первых, на очень короткое время, в своем специальном поезде, под охраною своего конвоя, состоявшего из каких-то восточных людей в белых папахах. Поезда Корнилов в Москве не покидал, жил в нем и только выезжал один раз в Большой театр для произнесения своей речи, и то под охраною своих собственных телохранителей. Вообще, во всем его приезде было что-то ненормальное, доказывавшее, что происходит какое-то скрытое брожение»⁵⁴⁰.

Л.Г. Корнилов указу А.Ф. Керенского не подчинился и потребовал от командующих Петроградского и Московского военных округов, всех фронтов и армий выполнять только его распоряжения, а также приказал Крымову продолжать поход на Петроград⁵⁴¹.

А.Ф. Керенский для подавления выступления Корнилова обратился за помощью к матросам-большевикам крейсера «Аврора», которые взяли под охрану Зимний дворец. На фронтах последовали аресты всех офицеров, заподозренных в участии в заговоре. Уже 29 августа по делу о мятеже Корнилова была создана чрезвычайная следственная комиссия. Все периодические издания считали своим долгом рассказать «правду» о выступлении Корнилова, были опубликованы экстренные выпуски газет. Их главная задача заключалась в правильном информировании общественности об августовских событиях, в нивелировании образа Корнилова как национального героя и замене его образом «контрреволюционера».

Центральный Исполнительный комитет Всероссийского Совета рабочих и солдатских депутатов от 29 августа опубликовал обращение ко всей армии, из которого следовало, что генерал Корнилов поднял восстание против революции и Временного правительства. Его обвинили в стремлении восстановить старый строй и лишить народ земли и воли. Также указывалось, что для достижения

---

⁵⁴⁰ Шидловский С.И. Воспоминания. [Электронный ресурс]: М., 1991. URL: http://az.lib.ru/s/shidlowskij_s_i/text_0010.shtml (дата обращения 13.07.2019).

⁵⁴¹ Калашников В.В. Корниловский мятеж... С. 136.

своей преступной цели он готов открыть фронт германцам и предать Родину. Обращаясь к офицерам и солдатам, а также используя аргумент о прямой опасности для Родины, ЦИК призывал не исполнять приказа генерала Корнилова⁵⁴².

Особый интерес представляет собой заметка под названием «Корниловщина», опубликованная на первой полосе литературно-художественного журнала «Путь освобождения»: «Полугодовщина революции – 27 августа, омрачилась контрреволюционным выступлением генерала Корнилова, поднявшего на революцию и свободу свою предательскую грязную руку <...> Выступление Корнилова подготавливалось давно. Буржуазия не могла равнодушно смотреть на победный ход русской революции. <...> На страницах буржуазной прессы в течение целых месяцев велась травля демократии, русское общество запугивалось ее грядущим владычеством, генералом Корниловым предъявлялись Временному Правительству требования “реформ” в армии, которые обезвредили бы армию и сделала ее послушным оружием в руках контрреволюционеров, а имя его усиленно муссировалось, как единственного спасителя России. 26 августа <...> глава контрреволюции Корнилов предъявил свои требования предоставления ему всей полноты власти»⁵⁴³.

Из приведенного отрывка следует, что выступление генерала Корнилова для обывателя было представлено, как акт против революции и свободы, подготовленный буржуазией. Отчетливо прослеживается противопоставление ранее существовавшего образа генерала как «единственного спасителя России» и только что созданного образа «главы контрреволюции» с «предательски грязной рукой». Реформы, предложенные Корниловым, теперь в глазах общества предстали не как средство укрепления обороноспособности армии, а способ сделать ее послушным оружием в руках контрреволюции. Дискурс автора также направлен на то, чтобы показать ошибочность предыдущих взглядов общества на деятельность бывшего Главнокомандующего. Употребление автором такого

---

⁵⁴² Ко всей армии // Новое время. 1917. № 14866. 29 августа.

⁵⁴³ Лысов. С. Корниловщина // Путь освобождения. 1917. № 4. С. 3.

словосочетания «имя его усиленно муссировалось» при характеристике действий Корнилова, предшествовавших августовским событиям, свидетельствует об уничижительном отношении и принижении всех заслуг генерала перед Отечеством.

Далее в этой же статье говорилось: «Тогда Корнилов был отстранен и на его место назначен генерал Клембовский. Но и он, а за тем и другие генералы Деникин, Эрдели, Лукомский, Марков и др. также отказались исполнять требования Временного правительства, заявив о своей солидарности с генералом Корниловым. Создалось такое положение, что армия осталась без полководцев, да еще в такой острый момент, когда не был ликвидирован немецкий прорыв у Риги. <...> Была большая опасность преступного пролития братской крови. <...> В борьбе с корниловщиной русская демократия показала свою сплоченность, свою организованность, свою гибкость – и победила»⁵⁴⁴.

Автор данного отрывка говорит о взаимосвязи генерала Корнилова с другими офицерами. Это не могло не привести к отождествлению образа предателя за всеми офицерами российской армии в общественных представлениях. Для убедительности своего дискурса автор подчеркнул существование опасности положения под Ригой, тем самым офицеры обвинялись в безрассудности своих действий в условиях национальной опасности.

В армейской газете «Армия и флот свободной России» (до июля 1917 г. выходила под названием «Русский инвалид») выступление генерала Л.Г. Корнилова называли «авантюрой, которую удалось прикончить»⁵⁴⁵. Некоторые корреспонденты газеты называли действия Корнилова обратной стороной большевистских выступлений. И движение генерала, и большевистские выступления отождествлялись с симптомами болезни, разъедающей государственный организм – болезни революционного максимализма⁵⁴⁶.

В газете «Дело народа» 28 августа был опубликован экстренный выпуск под названием «Восстание ставки против революции». В этой статье выступление

⁵⁴⁴ Лысов. С. Корниловщина // Путь освобождения. 1917. № 4. С. 4.

⁵⁴⁵ Б.В. Ликвидация авантюры и ближайшие задачи // Армия и флот свободной России. 1917. № 201. 1 сентября.

⁵⁴⁶ Геллер I. Урок пережитого // Армия и флот свободной России. 1917. № 203. 3 сентября.

генерала Л.Г. Корнилова было представлено как тщательно подготовленное действие с конкретной программой. Автор статьи писал: «Вот они спасители страны, защитники родины! Они наконец-то обнажили свой лик, и он оказался гнуснее, чем мы предсказывали <...> изменники страны – вот истинное имя контрреволюционеров»⁵⁴⁷. В данной заметке акцент был сделан на то, что партия эсеров сделала правильный выбор в борьбе за армию, сконцентрировав свое внимание на солдатской массе. В публикации также сообщалось, что «Петроград узнал о событиях к вечеру, тогда начали распространяться всевозможные слухи. Так предавали, что в Москве часть гарнизона перешла на сторону Корнилова»⁵⁴⁸.

Причастность некоторых офицеров к выступлению генерала Л.Г. Корнилова привела к новой волне обвинений в адрес офицерского корпуса. Снова со страниц периодических изданий посыпались обвинительные и язвительные заметки о контрреволюционной деятельности офицерства. Это привело к новому обострению взаимоотношений между командным составом и солдатами. Генерал-майор К.М. Оберучев в своих воспоминаниях отмечал, что «только были намечены пути преодоления трений между солдатами и офицерам, как вдруг взрыв...мятеж, к которому оказываются прикосновенны высшие воинские чины, генералы, офицеры»⁵⁴⁹. Офицеры все авансом были взяты под подозрение только потому, что они были офицерами.

Со стороны российской общественности особенно была сильна неприязнь к отдельным представителям офицеров Ставки. На страницах отечественной периодики, особенно социалистической направленности, активно выдвигались обвинения против генерала А.И. Деникина. Но даже, казалось бы, либеральная газета «Утро России» причисляла генерала к лагерю контрреволюционеров, стремящихся отнять у народа завоеванные политические свободы и вернуть Россию к прежнему образу правления⁵⁵⁰.

---

⁵⁴⁷ Восстание ставки против революции // Дело народа. 1917. № 139. 28 августа.

⁵⁴⁸ Там же.

⁵⁴⁹ Оберучев К.М. В дни революции: Воспоминания участников великой русской революции 1917 года. М., 2017. С. 159.

⁵⁵⁰ Дубовский А. Дело генерала Деникина // Утро России. 1917. № 232. 27 сентября.

В газете «Дело народа» один из участников подавления корниловского мятежа указывал, что назначение генерала Деникина главнокомандующим и генерала Маркова начальником штаба армий Юго-Западного фронта было встречено фронтом по крайней мере всеми, кто более ли менее знал деятельность этих генералов довольно недружелюбно за неблагожелательное отношение этих генералов к новой революционной России. И, в частности, к тем реформам, которые принесла революция. И действительно с первых же шагов их деятельности на фронте всем, кому приходилось с ними сталкиваться, в частности высшему выборному органу, исполнительному комитету фронта и комиссариата, стало ясно, что названные генералы старого закала. Шла упорная борьба между ними и исполнительным комитетом фронта и комиссариатом⁵⁵¹.

Озлобление и неприязнь к генералу А.И. Деникину настолько были сильны, особенно со стороны солдатских масс, что многие боялись самосуда по отношению к генералу. Также сильна была неприязнь и к генералу Маркову⁵⁵². В среде неарестованных штабных офицеров было крайне подавленное состояние. Газета «Утро России» сообщала: «В виду враждебного отношения массы многие офицеры Генерального штаба сняли аксельбанты и до сих пор не решаются надеть их, опасаясь эксцессов. На вокзале Бердичева открыто ведётся агитация, призывающая утроить самосуд над арестованными офицерами»⁵⁵³.

Так, выступление Верховного главнокомандующего русской армией Л.Г. Корнилова способствовало окончательному закреплению за офицерами образа контрреволюционера. Термин «контрреволюционер» стал отождествляться с понятием «корниловец». Употребление таких концептов при характеристике офицерского корпуса не могло не повлиять на отношение к офицерам общественности, опьяненной революцией. После корниловщины «доверие к офицерам, кое-где еще сохранившееся, было окончательно подорвано»⁵⁵⁴.

Интерпретация на страницах периодических изданий событий августа 1917 г. как подготовленного акта против революции, да еще и накануне

---

⁵⁵¹ Израилиц Н. Корниловщина на Юго-Западном фронте // Дело народа. 1917. № 168. 30 сентября.

⁵⁵² Дубовский А. Дело генерала Деникина // Утро России. 1917. № 232. 27 сентября.

⁵⁵³ Там же.

⁵⁵⁴ Оберучев К.М. В дни революции... С. 160.

годовщины революционных событий, привела к определенным изменениям социальной реальности. После выступления Корнилова поднялась страшная волна самосудов над офицерами по подозрению в «корниловщине». Особой трагичностью отличались события в Выборге⁵⁵⁵. Вооруженные солдаты в Выборге сбросили в море 7 офицеров⁵⁵⁶.

Самосуды над офицерами также состоялись в Гельсингфорсе на линейном корабле «Петропавловск». В газете «Утро России» сообщалось, что «трагическое убийство офицеров в Петропавловском до сих пор ещё не расследовано. Как известно революционный комитет отказался выдать убийц четырех офицеров. Самосуд был учинен после обсуждения всей командой крейсера. Затем был брошен жребий, который пал на нескольких матросов, выполнивших злодеяние беспрекословно»⁵⁵⁷. Также существовала и иная версия событий, восстановленная по рассказу одного из матросов «Петропавловска». Исходя из его рассказа, «из 300 человек экипажа 250 народ совершенно неграмотный, пьяницы. За два дня до катастрофы на кораблях появились ораторы в штатском платье. И начали проповедовать, что почти все морские офицеры сторонники генерала Корнилова, и что контрреволюционные идеи, главным образом, исходят из офицеров флота. Накануне разыгравшейся комедии был церковный праздник. За исключением революционного комитета все остальные матросы перепились и начали устраивать шумные митинги, продолжавшиеся всю ночь. На митинге решили допросить офицеров, подчиняются ли они временному правительству. Самый молодой из офицеров мичман Кандыба в очень вежливой форме заметил, что задавать подобные вопросы со стороны солдата не уместно. Тогда его ударили по затылку. Тогда лейтенант Тызенко схватил этого пьяного матроса за шиворот и швырнул его в сторону. Поднялся страшный шум, прибежали матросы с винтовками. И тогда четыре офицера пали от пуль 10 винтовок»⁵⁵⁸. У офицеров

---

⁵⁵⁵ Б/п. Самосуд над офицерами // Утро России. 1917. № 214. 3 сентября.

⁵⁵⁶ Там же.

⁵⁵⁷ Подробности убийства офицеров-моряков // Утро России. 1917. № 219. 10 сентября.

⁵⁵⁸ Там же.

были зафиксированы многочисленные пулевые ранения. «Удары штыками и прикладами наносили в голову, пробиты черепа, выбиты зубы»⁵⁵⁹.

На страницах всех отечественных периодических изданий освещался ход трагических событий. Излагались разнообразные версии, перепечатывались заметки из других органов печати. Так, на страницах «Утра России» была помещена перепечатка из газеты «Общее дело», в которой описывалась история одного из поручиков Гельсингфорса Александра Смирнова. «В полку служил молодой офицер поручик Александр Смирнов, по убеждению социалист, пользовался большой любовью солдат и при старом режиме. Как-то раз на митинге зашла речь о генерале Корнилове, только что назначенного Верховным главнокомандующим. На вопрос солдат поручик ответил, что считает генерала Корнилова выдающимся генералом. Эти слова вспомнили солдаты после корниловской истории и потребовали от Смирнова отречения. Он заявил, что порицает действия генерала, но это не удовлетворило солдат, и они решили препроводить Смирнова в революционный комитет Гельсингфорса. Это решение в последнюю минуту было изменено. Солдаты стали сами судить поручика. Двое из солдат схватили его за руки и двое за ноги и стали бить его о камни, затем полуживого решили зарыть его в землю, вырыли могилу и стали опускать несчастного головою вниз. Проходивший мимо матрос выхватил револьвер и застрелил поручика. Тело покойного до сих пор не захоронено, не было произведено дознание, убийцы не арестованы»⁵⁶⁰.

После выступления генерала Л.Г. Корнилова весь офицерский корпус был взят под подозрение. Преступные действия солдат против офицеров, только потому что они офицеры, привели к обострению взаимоотношений в армейской семье. Под воздействием агитации в частях антагонизм между командирами и подчиненными усилился, а в некоторых войсках проявлялся в более сильной форме, чем в первые месяцы революции, когда была принята декларация прав солдата. «Доверия к высшему командному составу нет никакого, в солдатской

---

⁵⁵⁹ Убийство офицеров на «Петропавловске» // Утро России. 1917. № 232. 27 сентября.

⁵⁶⁰ Развал армии. Палачи // Утро России. 1917. № 233. 28 сентября.

массе твердят угрожающе, что все генералы контрреволюционеры и посягают на завоеванную солдатами и рабочими свободу. Газеты крайне левых партий массами привозятся на фронт и своими статьями способствуют общему солдатскому возбуждению»⁵⁶¹.

3 сентября Временное правительство объявило, что мятеж генерала Корнилова подавлен. Также подчеркивалось, что велика смута, внесенная им в ряды армии и страны⁵⁶². Последствия выступления генерала Корнилова были действительно сильны. Офицерский корпус утратил доверие не только со стороны российской общественности, которую «правильно» проинформировали о событиях августа 1917 г., но и со стороны Временного правительства. В одной из заметок сообщалось, что до сих пор правительство говорит об отсутствии доверия к командному составу в политическом отношении, «но оно подготовлено тактически, и с его пребыванием на постах надо мириться. Теперь Временное правительство решило, что весь командный состав, не пользующийся доверием, будет заменен независимо от их чина, лишь бы они были надёжны в политическом отношении и подготовлены технически. Прежде всего, должны убрать тех, кому мы не верим, Алексеев не может оставаться на своем месте, он не принимает психологии современного войска»⁵⁶³. В соответствии с указаниями А.Ф. Керенского предписывалось заменить весь руководящий состав в Ставке Верховного главнокомандующего, поскольку он замешан в мятеже генерала Корнилова, новым преданным Республике, опытными офицерам. Керенский также требовал немедленного возвращения армии и флота к нормальной строевой жизни на основах взаимодействия командного состава и узаконенных выборных солдатских и матросских комитетов, немедленной передаче законным властям для производства следствия всех арестованных за время последнего кризиса всех имевших место случаев возмутительных убийств лиц командного состава. А.Ф. Керенский, возглавивший Российскую республику, указывал, что в основной массе лица без суда смертью казнившие своих офицеров по одному лишь

---

⁵⁶¹ Марков Б. Настроение в войсках // Утро России. 1917. № 220. 12 сентября.

⁵⁶² От временного правительства // Вестник Временного правительства. 1917. № 145. 3 сентября.

⁵⁶³ Оздоровление армии // Дело народа. 1917. № 149. 8 сентября.

подозрению в мятежных замыслах частично уже схвачены и будут преданы суду. Временное правительство заявило, что верность Республике большинства офицерского состава является несомненной, а потому все те, кто ведет проповедь дальнейшего усугубления недоверия ко всему командному составу, разрушают нашу боевую мощь и являются преступниками против Республики⁵⁶⁴.

Современник событий И.А. Бунин в своей книге «Окаянные дни», содержащей дневниковые записи, упоминал о трагических событиях, произошедших в Экономическом обществе офицеров: «В пять часов вечера узнал, что в Экономическое Общество Офицеров на Воздвиженке пьяные солдаты бросили бомбу. Убито, говорят, не то шестьдесят, не то восемьдесят человек»⁵⁶⁵. Автор проиллюстрировал настроение общественности, царившее в дни революции в России. И.А. Бунин в своем произведении описывал спор на площади, очевидцем которого он стал, между прапорщиком и рабочим: «Прапорщик старался говорить, как можно мягче, подбирая самые безобидные выражения, стараясь воздействовать логикой. Он почти заискивал, и все-таки рабочий кричал на него: “Молчать, побольше вашему брату надо, вот что!”»⁵⁶⁶. Этот диалог, зафиксированный в дневнике И.С. Бунина чуть позднее, в феврале 1918 г., с точностью передал ту неприязнь и уничижительное отношение к офицерам, бытовавшее в России практически повсеместно.

Выступление генерала Корнилова оставило огромный след в сознании российской общественности. Оценить последствия действий генерала пытались современники событий. Многие отмечали, что «корниловская авантюра оказала на армию глубокое и значительное по своим последствиям влияние. Она отразилась на боеспособности армии, подорвав одну из ее основ – доверие»⁵⁶⁷. «Корниловская авантюра сорвала тонкую пленку с заживающей раны и снова выдвинула на первый план недоверие солдат к командному составу, снова поставила в глазах широких масс все русское боевое офицерство в ряды

---

⁵⁶⁴ Действия правительства // Вестник Временного правительства. 1917. № 150. 10 сентября.

⁵⁶⁵ Бунин И.А. Окаянные дни. М., 2014. С. 31.

⁵⁶⁶ Там же. С. 8.

⁵⁶⁷ Н.К. Комиссары о настроении солдатских масс и очередных задачах работы в армии // Армия и флот свободной России. 1917. № 218. 23 сентября.

контрреволюционеров. Ряды армии расстроены, она остается фактически без руководства. Офицер замкнулся в себе, окончательно отдалился от солдата. Армия, не доверяющая своему руководителю, не может быть армией. Тяжело теперь быть русским офицером. Можно и даже нужно бороться с отдельными офицерами, но огульно ронять достоинство всего русского офицерства нельзя. Нельзя также винить и солдат в том, что память о прежнем режиме глубоко сидит в них и выливается в это недоверие»⁵⁶⁸. Ситуацию усугубляли слухи, согласно которым 1 октября должно было произойти объявление приказа о демобилизации и возвращении домой.

Некоторые же периодические издания указывали, что солдаты в восстании не находили ничего серьезного и опасного для Родины и революции, поскольку доверия к высшим штабам старшего состава никогда не было, а авторитет строевых офицеров подорвать невозможно⁵⁶⁹. Публицисты, пытающиеся противодействовать повсеместным обвинениям против офицеров, в качестве аргумента использовали тот факт, что за Корниловым пошла лишь незначительная часть офицеров, что свидетельствовало о том, что большинство офицерства стояло на стороне демократии⁵⁷⁰.

Отдельные попытки опровергнуть обвинения в контрреволюционности против офицеров предпринимались публицистами правых и военных периодических изданий. Для аргументации своей точки зрения они обращались к доблестным примерам гибели за Россию⁵⁷¹. Публицистическая направленность данных текстов заключалась в стремлении представить офицеров в качестве спасителя Отечества. Но данные представления не смогли стать действенным фактором при формировании общественного мнения, оставшись лишь для внутреннего использования в мемуарном наследии белоэмигрантов.

Таким образом, после корниловского мятежа за офицерами российской армии в сознании общественности окончательно закрепился образ контрреволюционера. В условиях революционных событий и тех изменений,

---

⁵⁶⁸ Григорьев Н. Больной вопрос // Голос фронта. 1917. № 12. 14 сентября.

⁵⁶⁹ К. ЗНЭ. Фронт и генерал Корнилов // Голос фронта. 1917. № 4. 5 сентября.

⁵⁷⁰ К. ЗНЭ. Они заговорили // Голос фронта. 1917. № 40. 18 октября.

⁵⁷¹ Раковский Гр. Трагедия офицерства // Армия и флот свободной России. 1917. № 224. 30 сентября.

вызванных революционным временем, были нарушены основы существования армии. Немалую роль в этом сыграла периодическая печать, которая своевременно сообщала обывателям о защитниках и противниках приобретенных прав и свобод. В такой ситуации офицерам российской армии было затруднительно выполнять свои прямые обязанности. Следствием чего стал морально-психологический упадок командного состава.

За несколько дней до Октябрьской революции общее собрание офицеров Петроградского полка опубликовало следующее постановление: *«Оглянувшись на пройденный нами путь последних месяцев, мы обращаем внимание на ту роль, которую мы офицеры играем. Мы находим, что работать и просто жить в той степени постоянного нервного напряжения, в той постоянной борьбе, которая, является всякий раз, когда приходится быть начальником, командиром, невозможно. Основания, на которых построена армия революционного периода сводятся к тому, что личность солдата ограждена законом и силою массы, личность же офицера гарантируется фактически только доверием солдат. Всякое отступление от психологии большинства является вызовом и влечет за собой подозрения, недоверие и злобу, вызывает конфликты, создаёт условия, невозможные для какой-либо работы. Солдаты не хотят воевать, и мы, офицеры, вынужденные заставлять их действовать вопреки голосу их собственного рассудка, тем самым перестаем в лучшем случае быть им близкими и понятными людьми. Кто не с нами, тот против нас, вот какой лозунг исповедует толпа. Точно банды разбойников, двигались войска, воруя, грабя, уничтожая, избивая и убивая. Мы были зрителями: остановить разгрома мы не могли, слова не действовали, заставить не было возможности. Офицер человек, и отдавая жизнь за родину, мы требуем и вправе требовать, чтобы, не становясь батраками толпы, мы могли бы уйти с пути унижений и оскорблений. Все грани давно позади, мы привыкаем к собственной беспомощности, улыбаемся на грязные обвинения, и молчим. И вот наши выводы: войска как такового нет, мы офицеры, как начальники не существуем. Армия в теперешнем состоянии и*

управляемая по теперешней системе защитить государство не может. Наоборот, она сама добьет его страшным характером своих настроений»⁵⁷².

Таким образом, выступление генерала Л.Г. Корнилова не являлось локальным действием, а представляло собой событие, оказавшее влияние не только на дальнейшее положение офицерского корпуса, но и всей России. Причастность некоторых офицеров к корниловскому мятежу привела к тому, что все офицеры были взяты под подозрение. Отечественная пресса позаботилась о том, чтобы российское общество было своевременно проинформировано об «истинных» намерениях генерала Л.Г. Корнилова и ему сочувствовавших.

Таким образом, подводя итог, стоит отметить, что за годы Первой мировой войны существенно изменился облик российского офицерства. Основные потери офицерского состава приходятся на первые два года войны, что свидетельствует о том, что к 1916–1917 гг. его значительную часть составляли, так называемые, офицеры военного времени. Это способствовало размежеванию внутри офицерского корпуса, который и до этого не отличался своей однородностью. С началом военных действий центральной темой в российской прессе становится война. Как и во время Русско-японской войны, публицисты и корреспонденты при характеристике офицеров обращались к их профессиональным качествам, примерам доблести и мужества, а не к сословному происхождению, сроку службы. Это позволяет сделать вывод о том, в представлениях российского общества офицерство выглядело монолитной группой. Данное утверждение объясняет тот факт, почему в период революционных событий 1917 г. преступные действия совершались против всех офицеров, независимо от их социального происхождения.

Изменения, произошедшие внутри офицерского корпуса, в том числе идейные и мировоззренческие, привели к разочарованию в самодержавном строе. Но несмотря на это, после свержения Николая II российском обществе утверждаются представления об офицере как о главном противнике установления демократических прав и свобод. Под воздействием ряда причин был сформирован

---

⁵⁷² Голос офицерства // Утро России. 1917. № 254. 22 октября.

ассоциативный ряд: офицер, контрреволюционер, буржуй, слуга самодержавия. Появление негативного образа российского офицера, во многом, было подготовлено критической кампанией против офицерства, развернувшейся на страницах отечественной периодики до мировой войны. Политические потрясения, вызванные революцией, обострили существующее противостояние между офицерами и нижними чинами, между миром военных и миром штатских. Постоянное тиражирование идей об ухудшении взаимоотношений между офицерами и солдатами приводило к нагнетанию обстановки в обществе и формированию соответствующей реальности. Теперь при характеристике офицерского корпуса в прессе на первый план вышло освещение внутрикорпоративных проблем и недостатков. Подобные изменения были зафиксированы и после Русско-японской войны. Это свидетельствует о высокой степени усталости общества от войны, о его стремлении выйти из мирового конфликта.

«Правильное» информирование общественности об отношении офицерства к социально-политическим изменениям в стране, использование идеологических конструктов способствовало расколу не только армейского организма, офицерского корпуса, но и всей страны на противоборствующие группы. Фигура российского офицера оказалась в центре борьбы двух противостоящих тенденций в борьбе за общественное мнение: одна, из которых было направлена на дискредитацию офицерства, другая, напротив, пыталась восстановить статус и положение русского офицера. Противоборство двух дискурсов нашло отображение в социальной практике и повседневной жизни в дни революции. Вплоть до начала Гражданской войны оставался открытым вопрос, кто же одержит победу в этой борьбе. Понятно было только одно, что статус и положение российского офицера в обществе уже никогда не будет прежним. Такая политика дискредитации офицерского корпуса в глазах общественности повлияла на отношение офицеров к революционным событиям и на их выбор.

Заключение

Образ офицера российской армии представлял собой динамическую систему представлений и мнений, формируемую на основе личного опыта взаимодействия с офицерами и из продуктов коллективного воображения, к которым относятся материалы отечественной прессы. Публицисты сознательно или непроизвольно в своих работах отождествляли определенные характеристики с офицерством, давали оценку их действиям. На дискурс об офицерстве корреспондентов различных периодических изданий оказывала влияние, во-первых, политическая направленность издания и мировоззренческая позиция самого автора, во-вторых, находилась ли страна в состоянии войны или шла по пути мирного развития.

Образ офицера в представлениях российского общества в 1904–1917 гг. существовал на разных уровнях: ментальном, социокультурном, идеологическом, индивидуальном. Несмотря на то, что в настоящей работе основное внимание уделялось рассмотрению идеологического уровня формирования образа офицера, были затронуты некоторые аспекты ментального, социокультурного и индивидуального уровней. Воссоздать некоторые компоненты ментального уровня формирования образа офицера позволили слухи о продажности, преступных действиях, распространившиеся об офицерстве в период Русско-японской войны и революции 1917 г. Социокультурный уровень образа офицера формировался на основе художественных произведений, в частности большую роль сыграла публикация в мае 1905 г. повести А.И. Куприна «Поединок».

Воссоздание идеологического уровня осуществлялось на основании анализа материалов периодических изданий различной политической направленности, издававшихся в 1904–1917 гг. Индивидуальный уровень формирования образа офицера напрямую зависел от уровня образования, социального положения, политических взглядов конкретного человека, а также его личного опыта взаимодействия с представителями офицерской корпорации. На основе анализа отечественной публицистики, материалов периодических изданий и других видов исторических источников была установлена взаимосвязь между источниками

формирования образа офицера. Так, например, высокая степень корреляции прослеживается между выходом «Поединка» и появлением критических публикаций в прессе об офицерстве. В свою очередь, данное положение свидетельствует о взаимосвязи не только источников, но и самих уровней формирования образа офицера в сознании российского общества.

Учитывая, что образ офицера на идеологическом уровне мог быстро меняться в зависимости от определенных импульсов или событий, были выделены следующие информационные поводы, способствовавшие увеличению числа текстов об офицерах российской армии:

- Поражение в Русско-японской войне;
- Участие офицерского корпуса в подавлении революции 1905–1907 гг.
- Реформы в армии 1909–1912 гг.;
- События Первой мировой войны;
- Свержение самодержавия;
- Создание Союза офицеров Армии и Флота;
- Корниловское выступление.

Содержательный анализ публикаций показал, что периодические издания разной политической направленности стремились осветить сюжеты, связанные с жизнью и службой офицерского корпуса, в контексте указанных информационных поводов. Интерпретация одного и того же события была различной в зависимости от политической ориентации печатного органа и мировоззренческих оснований самого публициста. Так, было установлено, что правой и либеральной прессой создание Союза офицеров армии и флота воспринималось, как попытка навести порядок в армии, левой печатью это трактовалось как консолидация контрреволюционных сил.

Данные импульсы представляли собой определенный контекст для восприятия информации об офицерском корпусе, наполняя публицистические тексты особым смыслом. Так, представления о приверженности офицерства монархическому строю вызвали разную реакцию у общественности в 1905 и 1917 гг.

Образ офицера имел и свою структуру: ядро, полупериферию, периферию. В ходе исследования было установлено, что в течение 1904–1917 гг. в публицистических текстах при характеристике офицерства чаще всего обращались к взаимодействию офицерского корпуса и монарха, командного состава и солдат, социальному происхождению офицеров. Эти символы и знаки являются наиболее важными и устойчивыми, что позволяет сделать вывод, что именно они входили в ядро образа офицера.

Вокруг ядра находится полупериферия, включающая в себя достаточно важные, хотя и менее устойчивые, чем в ядре знаки и символы. В полупериферию входили представления о взаимоотношениях офицерского корпуса и других социальных групп, офицеров различных родов войск. Освещение этих компонентов актуализировалось под влиянием различных событий. В отечественной публицистике и периодике в 1904–1909 гг. активно обсуждалась проблема взаимоотношений между миром военных и гражданских лиц. Появление данных текстов было обусловлено событиями революции 1905–1907 гг. В период же революции 1917 г. эта тема фактически не обсуждалась в публичном пространстве.

К периферии образа офицера относятся потенциально важные знаки и символы для образа в целом, но слабо используемые. Здесь речь идет, прежде всего, об уровне образования и подготовки, моральных качествах офицеров российской армии. Эта проблема детально обсуждалась лишь в военной печати. Гражданские публицисты обращались к этому сюжету только при оценке боевых действий командного состава, несмотря на то, что от уровня образования офицеров напрямую зависела боеспособность армии и взаимоотношения военного и гражданского общества.

Содержательный и количественный анализ отечественной публицистики и материалов периодических изданий позволил выделить этапы трансформации образа офицера в представлениях российского общества:

- офицер-защитник самодержавия и некомпетентный военачальник (1905–1907 гг.). Данные характеристики офицерского корпуса появились в контексте

поражения в Русско-японской войне и участия офицеров в подавлении революционных выступлений. Транслировались, прежде всего, со страниц либеральных и левых периодических изданий;

- офицер-воспитатель, учитель, отец-командир и защитник Родины (1905–1913 гг.). Эти характеристики офицерства распространены среди публицистов военных периодических изданий и самих офицеров. В некоторой степени представляют собой попытку создания автообраза;

- офицер-герой войны (1914–1915 гг.). Распространению подобных представлений содействовал патриотический подъем всего населения, огромные потери среди командного состава на фронтах мировой войны, мобилизация и производство в офицеры представителей интеллигенции и других социальных групп;

- офицер-некомпетентный военачальник (1916 г.). Отождествление этого убеждения с офицерством российской армии активно началось после поражения русской армии и ее отступления на фронте;

- офицер-противник установления демократических прав и свобод (февраль–середина апреля 1917 г.). Трансляция этих характеристик началась сразу же после свержения самодержавия. Со страниц печати, прежде всего, левого толка утверждалось, что офицерский корпус сочувствовал самодержавию и лишь присоединился к революции. При этом не учитывался тот факт, что социокультурный облик офицерства существенно изменился за годы войны, трансформировались представления офицеров о монархе. Нагнетание обстановки левой прессой вокруг вопроса о взаимоотношениях офицеров и солдат способствовало тиражированию негативного образа офицера. Это выступает подтверждением того, что ядро образа офицера в представлениях общества за годы войны подверглось слабым изменениям;

- офицер-контрреволюционер и офицер-мученик (конец апреля–середина августа 1917 г.). Попытки самоорганизации офицерского корпуса трактовались левыми периодическими изданиями как консолидация контрреволюционных сил. В период нарастания революционных событий характеристика офицеров как контрреволюционеров способствовало формированию соответствующей

социальной реальности. Со страниц правой, военной и умеренно-либеральной печати транслировались представления об офицере как о мученике, о его бесправном положении в обновленной России;

- офицер-контрреволюционер (с конца августа 1917 г.). Связь некоторых офицеров с выступлением генерала Л.Г. Корнилова способствовала отождествлению и закреплению за всеми офицерами российской армии образа контрреволюционера. Левая периодическая печать акцентировала внимание общественности на том, что она предупреждала о реакционности офицерства. Правыми и умеренными периодическими изданиями предпринималась попытка опровергнуть данное убеждение, ссылаясь на изменения социального состава офицерского корпуса и огромных потерь за годы войны.

Таким образом, в период 1904–1917 гг. произошли серьезные изменения в образе офицера в представлениях российского общества. Фактически на каждом из этапов трансформации образа офицера в сознании российской общественности прослеживается борьба двух или нескольких дискурсов. Под воздействием социально-экономических, политических и культурных контекстов на первый план выходил один из дискурсов, который влиял на содержательное наполнение всей структуры образа офицера. Образ офицера, конструируемый на страницах отечественных периодических изданий, выполнял функцию идентификации, что особенно было важно в условиях высокой фрагментации российского общества. Публицисты, формируя образ офицера в прессе, исходя из своей мировоззренческой модели, тем самым воспроизводили свою идентичность.

После событий августа 1917 г. была очевидна победа концепта контрреволюционер по отношению к российскому офицерству. Эта победа предопределила дальнейшую консолидацию офицерства и оформление его в различные организации, которые составили основу Белого движения. Отдельные попытки опровергнуть убеждение о причастности всего офицерского корпуса к контрреволюционной деятельности, а также существование определенных ценностных установок в офицерской среде и особого понимания долга защиты Отечества предопределили переход части офицерства на сторону большевиков в годы Гражданской войны.

Список использованных источников и литературы

Источники

Законодательные акты

1. Устав о всеобщей воинской повинности от 1 января 1874 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). – СПб.: Гос. тип., 1874. – Собр. 2. – Т. 49. – № 52983.
2. Правила о разбирательстве ссор, случающихся в офицерской среде» от 13 мая 1894 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). – СПб.: Гос. тип., 1898. – Собр. 3. – Т. 14. – № 10618.
3. Манифест «О введении всеобщей воинской повинности» от 1 января 1874 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1876. – Собр. 2. – Т. 49. – Ч. 1. – № 52982.
4. Высочайший указ Сенату «О временных правилах о повременных изданиях» от 24 ноября 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). – СПб.: Гос. тип., 1908. – Собр. 3. – Т. 25. – № 26962.
5. Свод военных постановлений 1869 г. Кн. 7.: Прохождение службы по военному ведомству. – СПб.: Гос. тип., 1907. – 396 с.
6. Россия. Законы и постановления. Временное положение о военной цензуре: [Утверждено 20 июля 1914 года]. – Пг.: Б.и., 1914. – 15 с.
7. Приказ № 1 Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов о демократизации армии от 1 марта 1917 г. // Хрестоматия по истории СССР. 1861–1917. – М.: Просвещение, 1970. – С. 528–529.
8. Постановление Временного правительства от 27.04.1917 г. «О печати» // Сборник указов и постановлений Временного правительства. – Пг.: Гос.тип., 1917. Отд. 2. – Вып. 1. – № 93. С. 212–215.
9. Декрет об уравнении всех военнслужащих в правах // Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. [Электронный ресурс]: Сб. документов. М., 1973. 456 с. – URL: http://militera.lib.ru/docs/da/sb_oktyabrskaya_revolutsiya_i_armiya/23.html (дата обращения 10.10.2018).

Делопроизводственные материалы

10. Материалы для составления краткого отчета о состоянии военного ведомства за 1903 г. // Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 401. – Оп. 5/929. – Д. 190.

11. Следственная комиссия по делу о сдаче крепости Порт-Артур японским войскам // Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 801. – Оп. 112. – Д. 52.

12. Секретная переписка к руководству строевой части // Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2158. – Оп. 1. – Д. 470.

13. О лицах, уличенных в политической неблагонадежности // Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 3147. – Оп. 1. – Д. 450.

14. Штаб особой армии о прокламациях противника // Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2158. – Оп. 1. – Д. 513.

Публицистика

15. *** Наше военное дело // Русский вестник. – 1889. – № 5. – С. 245–269.

16. D.W. Письма с дальнего Востока // Вестник Европы. – 1904. – № 8. – С. 472–498.

17. А.Б. Критические заметки // Мир божий. – 1904. – № 10. – С. 1–12.

18. Агафонов В. Мысли о войне // Мир божий. – 1904. – № 11. – С. 28–36.

19. Александрович В. Офицеры и солдаты // Русский инвалид. – 1917. – № 86. – 14 апреля.

20. Арсеньев К. На темы дня. Перелом в общественном настроении // Вестник Европы. – 1915. – № 10. – С. 361–371.

21. Б/п. Помогите офицерам // Разведчик. – 1917. – № 1386. – С. 331.

22. Б/п. Приезд генерала Корнилова // Искры. – 1917. – № 32. – С. 250.

23. Самосуд над офицерами // Утро России. – 1917. – № 214. – 3 сентября. – С. 3.

24. Баландин Д. Дух и инициатива – выше всего // Военный сборник. – 1914. – № 11. – С. 83–91.

25. Басаргин А. Литературная вылазка против военных // Московские ведомости. – 1905. – № 137. – 21 мая.

26. Белгородский В. Беседа с генералом Алексеевым // Русское слово. – 1917. – № 57. – 12 марта. – С. 2.
27. Белолипецкий В. Обстановка жизни молодого офицера // Военный сборник. – 1899. – № 8. – С. 423–438.
28. Бурский П. Болезнь армии // Утро России. – 1917. – № 147. – 16 июня. – С. 1.
29. Бурский П. В защиту офицеров // Утро России. – 1917. – № 129. – 26 мая. – С. 1.
30. Бурский П. Офицеры и солдаты // Утро России. – 1917. – № 120. – 16 мая. – С. 2.
31. Бутовский Н. Чувство порядочности в офицерской среде // Военный сборник. – 1898. – № 11. – С. 122–129.
32. В. Ликвидация авантюры и ближайшие задачи // Армия и флот свободной России. – 1917. – № 201. – 1 сентября. – С. 2.
33. В.в. Боритесь с провокацией // Русский инвалид. – 1917. – № 61. – 11 марта.
34. В.В. В казармах // Русский инвалид. – 1917. – № 60. – 10 марта. – С. 2.
35. Васильев Е. Война как общественное явление // Военный сборник. – 1906. – № 3. – С. 75–86.
36. Венчиков А. Дело чести // Мир божий. – 1893. – № 9. – С. 77–87.
37. Витязев П. Офицер и солдат // Армия и флот свободной России. – 1917. – № 176. – 30 июля. – С. 2.
38. Внутреннее обозрение // Русская мысль. – 1905. – № 5. – С. 195–211.
39. Военно-исторические психологические наброски // Русский инвалид. – 1915. – № 4. – 4 января. – С. 3.
40. Воззвание офицеров к солдатам // Новое время. – 1917. – № 14719. – 5 марта. – С. 2.
41. Волнения на балтийском флоте // Утро России. – 1917. – № 65. – 8 марта. – С. 6.
42. Восстание ставки против революции // Дело народа. – 1917. – № 139. – 28 августа. – С. 1.
43. Гейсман П.А. «Поединок» – г. А. Куприна и современные фарисеи с точки зрения критики. – СПб., 1905. – 29 с.

44. Геллер I. Урок пережитого // Армия и флот свободной России. – 1917. – № 203. – 3 сентября. – С. 2.
45. Гершельман А.С. Воспитание будущих офицеров // Военный сборник. – 1914. – № 12. – С. 27–42.
46. Голос офицерства // Утро России. – 1917. – № 254. – 22 октября. – С. 2.
47. Гр.Л.Д. Кто виноват? // Армия и Флот свободной России. – 1917. – № 206. – 6 сентября. – С. 3.
48. Гражданин. Идите на встречу // Разведчик. – 1917. – № 1378. – С. 205.
49. Графиня София Ростопчина. По поводу статьи г. Ксюпина «Офицеры» // Новое время. – 1917. – № 14796. – 7 июня. – С. 5.
50. Григорьев Н. Большой вопрос // Голос фронта. – 1917. – № 12. – 14 сентября. – С. 1.
51. Далинский. Евреи в армии // Военный сборник. – 1911. – № 10. – С. 75–99.
52. Действия правительства // Вестник Временного правительства. – 1917. – № 150. – 10 сентября.
53. Дмитриевский А. Идеал офицера. [Электронный ресурс]: Военная литература. – URL: <http://militera.lib.ru/science/vs17/28.html>. (дата обращения 24.06.2016).
54. Дмитриевский А. Воспитание воина может быть только в стыде наказания, а не в страхе наказания // Военный сборник. – 1913. – № 10. – С. 94–101.
55. Доманский М. В вагоне // Русский инвалид. – 1914. – № 218. – 3 октября. – С. 3.
56. Дрозд-Бонячевский А.И. «Поединок» Куприна с точки зрения строевого офицера [Электронный ресурс]: Военная литература. – URL: <http://militera.lib.ru/science/vs17/26.html>. (дата обращения: 13.01.2017).
57. Дрозд-Бонячевский А. Нравственный элемент, как основа управления, воспитания и обучения // Военный сборник. – 1907. – № 11. – С. 139–157.
58. Дубовский А. Дело генерала Деникина // Утро России. – 1917. – № 232. – 27 сентября. – С. 2.
59. Дубовский А. Русский офицер // Армия и Флот свободной России. – 1917. – № 208. – 27 августа. – С. 3.

60. Евдокимов Л.В. Нравственная настроенность как данная жизни армии // Военный сборник. – 1914. – № 7. – С. 133–136.
61. Евреи и войско // Русский вестник. – 1903. – № 3. – С. 391–393.
62. И.С. Укрепление дисциплины // Новое время. – 1917. – № 14558. – 20 августа. – С. 5.
63. Из общественной хроники // Вестник Европы. – 1908. – № 1. – С. 442–443.
64. Израилиц Н. Корниловщина на Юго-Западном фронте // Дело народа. – 1917. – № 168. – 30 сентября. – С. 2.
65. К армии и народу! // Утро России. – 1917. – № 69. – 12 марта. – С. 2.
66. К. ЗНЭ. Фронт и генерал Корнилов // Голос фронта. – 1917. – № 4. – 5 сентября. – С. 1.
67. Каминский М. Революция и офицерская корпорация // Русский инвалид. – 1917. – № 66. – 17 марта.
68. Качалов. Как на фронте был принят переворот // Русский инвалид. – 1917. – № 59. – 9 марта. – С. 2.
69. Каэль. О разных военных разностях (парадоксы и гиперболы) // Военный сборник. – 1911. – № 12. – С. 1–20.
70. Кельнич С. Армия спасения // Армия и флот свободной России. – 1917. – № 175. – 29 июля. – С. 3.
71. Клерже Г. Дисциплина, борьба с темнотой, бодрость духа // Армия и Флот свободной России. – 1917. – № 183. – 10 августа. – С. 1.
72. Ко всей армии // Новое время. – 1917. – 29 августа. – №14866. – С. 3.
73. Когловский Н. Об отношении народностей России к исполнению воинской повинности (по данным о призывах 1909–1911 гг.) // Военный сборник. – 1915. – № 1. – С. 139–148.
74. Короленко В.Г. Кто виноват (Несколько слов «Русскому инвалиду») // Русской богатство. – 1912. – № 6. – С. 130–145.
75. Короновский В. Офицерский вопрос // Русский инвалид. – 1917. – № 88. – 16 апреля. – С. 2.

76. Краснов П.Н. На войне. Причины неудачи Мукденской операции // Русский инвалид. – 1905. – № 97. – 7 апреля. – С. 4.
77. Крит М. Подготовка офицеров // Военный сборник. – 1914. – № 8. – С. 34–54.
78. Кудленко С. К воспитанию войск // Военный сборник. – 1913. – № 12. – С. 27–58.
79. Кудленко С. Причины наших военных неудач в последней войне // Военный сборник. – 1913. – № 12. – С. 55–58.
80. Кузьмин-Караваев В.Д. Вопросы внутренней политики // Вестник Европы. – 1914. – № 8. – С. 417–424.
81. Ладыженский, полковник. О командном составе армии и системе его подбора // Военный сборник. – 1906. – № 10. – С. 158–178.
82. Листовки и воззвания комитетов РСДРП 1904–1905 гг. // Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 16141. – Оп. 1. – Д. 737.
83. Листовки РСДРП и партии эсеров к солдатам (февраль 1905–сентябрь 1907 гг.) // Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 1759. – Оп. 4. – Д. 2011.
84. Лысов. С. Корниловщина // Путь освобождения. – 1917. – № 4. – С. 3.
85. Львов В. Жрецы и жертвы // Образование. – 1905. – № 7. – С. 85–107.
86. Марков Б. Настроение в войсках // Утро России. – 1917. – № 220. – 12 сентября. – С. 4.
87. Марков В.И. Несколько слов о значении офицерской семьи и воспитании будущих офицеров // Военный сборник. – 1914. – № 12. – С. 181–185.
88. Меньшиков М.О. Воспитание энергии // Письма к русской нации. – М.: Изд-во журнала «Москва», 1999. – С. 228–232.
89. Меньшиков М.О. Из писем к ближним. – М.: Воениздат, 1991. – 224 с.
90. Меньшиков М.О. Как работать? // Письма к русской нации. – М.: Изд-во журнала «Москва», 1999. – С. 13–18.
91. Меньшиков М.О. Остановите бегство // Письма к русской нации. – М.: Изд-во журнала «Москва», 1999. – С. 33–37.

92. Меньшиков М.О. Что такое касты? // Письма к русской нации. – М.: Изд-во журнала «Москва», 1999. – С. 17–19.
93. Меньшикова М.О. Крупные люди // Русский вестник. – 1911. – № 3. – С. 16.
94. Москвин С. Печальные курьезы // Утро России. – 1917. – № 171. – 14 июля. – С. 2.
95. М-ский С. Чья вина? (дезорганизация армии) // Дело народа. – 1917. – № 48. – 13 мая. – С. 1.
96. Мстиславский С.М. Без евреев // Русское богатство. – 1912. – № 2. – С. 1–35.
97. Н.В. Доклад об офицерстве // Разведчик. – 1917. – № 1399–1400. – С. 485.
98. Н.К. Комиссары о настроении солдатских масс и очередных задачах работы в армии // Армия и флот свободной России. – 1917. – № 218. – 23 сентября. – С. 2.
99. Н.М. Нравственная подготовка войск в мирное время (по опыту русско-японской войны) // Военный сборник. – 1911. – № 4. – С. 87–92.
100. Н.М. Съезд офицеров-делегатов армии и флота // Новое время. – 1917. – № 14781. – 19 мая.
101. Н.П.А. По поводу гибели русских тихоокеанских эскадр // Мир божий. – 1905. – № 7. – С. 40–44.
102. Наказания за самоуправные действия // Русское слово. – 1917. – № 78. – 9 апреля. – С. 2.
103. Наши герои // Вестник X армии. – 1914. – 19 ноября. – № 17. – С. 2.
104. Нестерпимый маскарад // Русский инвалид. – 1917. – № 15. – 16 января. – С. 4.
105. Нижний чин. Одна из причин успеха пропаганды в войсках // Разведчик. – 1906. – № 798. – С. 97–98.
106. Новые книги. М.Л. Усов Евреи в армии // Русское богатство. – 1911. – № 6. – С. 162–163.
107. О союзе офицеров // Дело народа. – 1917. – № 119. – 26 июля.
108. О. Кр. Армейская дидактика // Русское богатство. – 1912. – № 3. – С. 145–152.
109. Обзор печати // Русский инвалид. – 1914. – № 220. – 5 октября. – С. 4.

110. Оздоровление армии // Дело народа. – 1917. – № 149. – 8 сентября. – С. 3.
111. От временного правительства // Вестник Временного правительства. – 1917. – № 145. – 3 сентября. – С. 1.
112. Офицерский вопрос // Русский инвалид. – 1905. – № 113. – 23 апреля. – С. 6.
113. Офицеры и солдаты // Русский инвалид. – 1917. – № 86. – 14 апреля. – С. 3.
114. Первый солдат русской революционной армии // Новое время. – 1917. – № 14853. – 15 августа. – С. 5.
115. Передовая // Разведчик. – 1917. – № 1388. – С. 363.
116. Печальное явление // Русский инвалид. – 1914. – № 1. – 1 января. – С. 4.
117. Пильский Армия и общество (Элементы вражды и препятствий) // Мир божий. – 1906. – № 8. – Ч. 3. – С. 213–228.
118. Пильский П.М. Армия и общество // Мир божий. – 1906. – № 8. – Ч. 1. – С. 207–232.
119. Пильский П.М. «Во мраке касты» («Поединок» Куприна) // Русская мысль. – 1905. – № 11. – С. 64–79.
120. Подробности убийства офицеров-моряков // Утро России. – 1917. – № 219. – 10 сентября. – С. 3.
121. Развал армии. Палачи // Утро России. – 1917. – № 233. – 28 сентября. – С. 3.
122. Раковский Гр. Трагедия офицерства // Армия и флот свободной России. – 1917. – № 224. – 30 сентября. – С. 2.
123. Раскольников Р. Контрреволюция не дремлет // Голос правды. – 1917. – № 18. – 6 апреля. – С. 1.
124. Режепо П. Офицерский вопрос. – СПб.: Русская скоропечатня, 1909. – 35 с.
125. Речь П.Н. Милюкова, произнесенная на заседании Государственной думы 1 ноября 1916 г. // Российские либералы: кадеты и октябристы. – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 176–186.
126. Рыбалко К. О пьянстве в армии // Русский инвалид. – 1913. – № 248. – 19 ноября. – С. 5–6.
127. С. Прапорщики и капитаны // Разведчик. – 1917. – № 1365. – С. 6.
128. Сагатский П. Брожение в войсках // Разведчик. – 1906. – № 804. – С. 229–230.

129. Сахаров В. Мысли по современным вопросам // Военный сборник. – 1907. – № 6. – С. 63–94.
130. Свидорский В. Общество офицерской работе // Русский инвалид. – 1917. – № 80. – 7 апреля. – С. 3.
131. Слонимский Л. Вопросы внутренней жизни. Эволюция общественного настроения в 1914–1915-х гг. // Вестник Европы. – 1916. – № 1. – С. 412–421.
132. Сол. Ив. Возрождение армии (беседа с ген. Новицким) // Новое время. – 1917. – № 14835. – 25 июля. – С. 5.
133. Союз армии и флота // Новое время. – 1917. – № 14754. – 17 апреля. – С. 2.
134. Союз офицеров при Ставке // Дело народа. – 1917. – № 135. – 24 августа. – С. 2.
135. Стародум Н.Я. Журнальное и литературное обозрение // Русский вестник. – 1905. – № 6. – С. 599–726.
136. Тхоржевский К. Отец-командир // Русский вестник. – 1888. – № 11. – С. 134–150.
137. Убийство офицеров на «Петропавловске» // Утро России. – 1917. – № 232. – 27 сентября. – С. 2.
138. Удар в спину // Разведчик. – 1917. – № 1391–1392. – С. 412.
139. Филатович Б. На заре // Русский инвалид. – 1917. – 8 марта. – № 58. – С. 2.
140. Шарапов, подполковник. Клин, расколовший русскую армию // Разведчик. – 1906. – № 802. – С. 180–183.
141. Шумков Г. Что делать с порочным элементом в армии? // Военный сборник. – 1911. – № 11. – С. 103–116.

Периодическая печать

142. Армия и Флот свободной России. – Петроград. – 1917. № 134. 1 июня – № 224. 30 сентября.
143. Вестник Временного правительства. – Петроград. – 1917. № 1. 1 марта – № 165. 30 сентября.
144. Вестник Европы. – Санкт-Петербург. – 1903. № 1–12. – 1904. № 1–12. – 1905. № 1–12. – 1906. № 1–12. – 1907. № 1–12. – 1908. № 1–12. – 1909. № 1–12. – 1910. № 1–12. – 1911. № 1–12. – 1912. № 1–12. – 1913. № 1–12. – 1914. № 1–12. – 1915. № 1–12. – 1916. № 1–12. – 1917. № 1–10.

145. Вестник X армии. – Б.м. – 1914. № 3. 16 октября – № 59. 31 декабря.
146. Военный сборник. – Санкт-Петербург. – 1900. № 1–12. – 1901. № 1–12. – 1902. № 1–12. – 1903. № 1–12. – 1904. № 1–12. – 1905. № 1–12. – 1906. № 1–12. – 1907. № 1–12. – 1908. № 1–12. – 1909. № 1–12. – 1910. № 1–12. – 1911. № 1–12. – 1912. № 1–12. – 1913. № 1–12. – 1914. № 1–12. – 1915. № 1–12. – 1916. № 1–12. – 1917. № 1–9.
147. Голос солдата. Б.м. – 1906. – № 4. 9 мая – № 7. 5 июля.
148. Голос фронта. – Б.м. – 1917. № 422. 1 января – № 615. 31 августа.
149. Дело народа. – Петроград. – 1917. № 1. 1 марта – № 168. 30 сентября.
150. Иллюстрированная летопись Русско-Японской войны: (по официальным данным, сведениям печати и показаниям очевидцев): с картами и планами, портретами, изображениями боевых эпизодов, рисунками из военного походного быта. – Санкт-Петербург. – 1904. Вып. 1–8.
151. Мир божий. – Санкт-Петербург. – 1903. № 1–12. – 1904. № 1–12. – 1905. № 1–12. – 1906. № 1–8.
152. Московские ведомости. – Москва. – 1905. № 119. 3 мая – № 137. 21 мая.
153. Новое время. – Петроград. – 1917. № 14705. 11 февраля – № 14838. 22 июля.
154. Образование. – Санкт-Петербург. – 1905. № 7.
155. Петербургская газета. – Санкт-Петербург. – 1905. № 123. 3 мая.
156. Путь освобождения. – Москва. – 1917. № 1–4.
157. Разведчик. – Санкт-Петербург. – 1905. № 741–792. – 1908. № 897–948. – 1917. № 1365–1414.
158. Речь. – Петроград. – 1917. № 1. 1 января – № 230. 30 сентября.
159. Русская мысль. – Москва. – 1903. № 1–12. – 1904. № 1–12. – 1905. № 1–12. – 1906. № 1–12. – 1907. № 1–12. – 1908. № 1–12. – 1909. № 1–12.
160. Русский вестник. – Санкт-Петербург. – 1888. № 1–12. – 1899. № 1–12. – 1900. № 1–12. – 1901. № 1–12. – 1902. № 1–12. – 1903. № 1–12. – 1904. № 1–12. – 1905. № 1–12. – 1906. № 1–12. – 1910. № 1–9. – 1911. № 1–5.

161. Русский инвалид. – Санкт-Петербург. – 1905, 1912. 1913. № 139. 2 июля – № 278. 31 декабря. 1914. № 1. 1 января – № 297. 21 декабря. 1917. № 1. 1 января – № 151. 1 июля.

162. Русское богатство. – Санкт-Петербург. – 1905. № 1–12. 1906. № 5–12. – 1907. № 1–12. – 1908. № 1–12. – 1909. № 1–12. – 1910. № 1–12. – 1911. № 1–12. – 1912. № 1–12. – 1913. № 1–12.

163. Русское слово. – Москва. – 1915. № 150. 1 июля. – № 176. 31 июля. 1917. № 50. 4 марта – № 78. 9 апреля.

164. Утро России. – Москва. – 1917. № 1. 1 января – № 235. 1 сентября.

Источники личного происхождения

165. Арамилев В. В дыму войны. Записки вольноопределяющегося (1914–1917 гг.) – М.: Молодая гвардия, 1930. – 340 с.

166. Блок А.А. Дневник. – М.: Советская Россия, 1989. – 512 с.

167. Генерал-адъютант Н.В. Рузский // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. – М.: Советский писатель, 1990. – С. 142–168.

168. Господи! Скоро ли кончатся наши муки!..»: дневники прапорщика К.В. Ананьева / Первая мировая война: взгляд из окопа. – М.; – СПб.: Нестор-История, 2014. – С. 137–215.

169. Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. [Электронный ресурс]: – Париж: Т-во объединённых издателей, 1939. – URL: http://militera.lib.ru/research/golovnin_nn/index.html (дата обращения 05.09.2019).

170. Грулев М. Злобы дня в жизни армии. – Брест-Литовск, 1911. – 331 с.

171. Данилов Ю.Н. Россия в мировой войне, 1914–1915 гг. – Берлин: Слово, 1924. – 396 с.

172. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Кн.1. – Т.1. Крушение власти и армии (февраль-сентябрь 1917). – М.: Айрис-пресс, 2015. – 592 с.

173. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Кн.2. – Т.2. Борьба генерала Корнилова (август 1917 г. – апрель 1918 г.). – М.: Айрис-пресс, 2015. – 736 с.

174. Деникин А.И. Путь русского офицера / А.И. Деникин. – М.: Вече, 2016. – 320 с.

175. Оберучев К.М. В дни революции: Воспоминания участников великой русской революции 1917 года. – М.: Кучково поле, 2017. – 320 с.
176. Дневник императора Николая II. 1890–1906 гг. – Берлин: Слово, 1923. – 260 с.
177. Дубенский Д.Н. Как произошел переворот в России // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. – М.: Советский писатель, 1990. – С. 37–84.
178. Линка Н.В. «И чего эти девчонки бегают? Сидели бы дома с папой и мамой. Высечь вас некому!»: Воспоминания Н.Д. Линки о Первой мировой войне. Июнь 1914–июнь 1918 г. // Россия XX век. 2016. [Электронный ресурс]: – URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1026837> (дата обращения 05.09.2019).
179. Лукомский А.С. Воспоминания генерала А. С. Лукомского. – Т. 1. Период Европейской войны. Начало разрухи в России. Борьба с большевиками. – Берлин: Книгоиздательство Отто Кирхнер и Ко., 1922. – 320 с.
180. Милюков П.Н. Воспоминания. – М.: Политиздат, 1991. – 528 с.
181. Смелым Бог владеет»: наступление Юго-Западного фронта 1916 г. глазами нижнего чина Е. В. Тумиловича / Первая мировая война: взгляд из окопа. – М.; – СПб.: Нестор-История, 2014. – С. 29–136.
182. Станкевич В. Б. Июньское наступление на фронте // Революция 1917 года глазами ее руководителей. – Roma: Edizioni Aurora, 1971. – 531 с.
183. Степун Ф.А. Из писем прапорщика-артиллериста. [Электронный ресурс]: – Томск: «Водолей», 2000. – URL: <http://militera.lib.ru/db/stepun/01.html> (дата обращения 06.09.2019).
184. Суханов Н.Н. Записки о революции. [Электронный ресурс]: Кн. 5. – Берлин-Петербург-Москва: Издательство З.И. Гржебина, 1923. – 375 с. – URL: <https://www.magister.msk.ru/library/history/xx/suhanov/suhan005.htm> (дата обращения 11.06.2019).
- Художественная литература*
185. Куприн А.И. Поединок и др. / Александр Иванович Куприн. – М.: ЗАО Фирма «Бертельсманн Меди Москау АО», 2014. – 600 с.

Художественно-документальные произведения

186. Бунин И.А. Окаянные дни. – М.: ДАРЪ, 2014. – 272 с.

Словари и справочные издания:

187. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. [Электронный ресурс]: в 4 т. / И.Ф. Масанов. – М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1956–1960. – URL: <http://feb-web.ru/feb/masanov/default.asp> (дата обращения 14.03.2018).

188. Русская военная периодическая печать (1702–1916). Библиографический указатель. – М.: типография Библиотеки им. В. И. Ленина, 1959. – 243 с.

189. Русская периодическая печать (1895–окт.1917): Справочник. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. – 351 с.

190. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 2008. – 921 с.

191. Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865–1905 гг. Система административных взысканий: Справочное издание. – СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2011. – 412 с.

Исследования

192. Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию. 1907–1917. – М.: Три квадрата, 2003. – 256 с.

193. Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). В 4 т. – Т. 1. 1914 год. Начало. – М.: Издательский дом КДУ, 2014. – 335 с.

194. Айрапетян М.Э., Кабанов П.Ф. Первая мировая империалистическая война 1914–1918 гг. – М.: Просвещение, 1964. – 207 с.

195. Андронов С.А. Большевицкая печать в трех русских революциях. – М.: Политиздат, 1978. – 344 с.

196. Антонов-Овсеенко А.А. Выступление Л.Г. Корнилова в августе 1917 года на страницах газет и в мемуарах участников событий // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». – 2014. – № 1. – С. 151–156.

197. Анфертьев И.А. Новые направления в современной отечественной историографии. Военно-историческая антропология: теоретические и междисциплинарные проблемы новой отрасли исторической науки //

Гуманитарные чтения РГГУ. 2010. Теория и методология гуманитарного знания. Россиеведение. Общественные функции гуманитарных наук: Сб. материалов. – М.: РГГУ, 2011. – С. 319–328.

198. Аракелов М.П., Загоруйко М.В. Влияние событий мировой войны и Февраля 1917 г. на формирование российского офицерского корпуса // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). – 2011. – № 2. – С. 87–101.

199. Аристов А.В. Взаимоотношения самодержавия и офицерского корпуса российской империи в начале XX века // Вестник военного университета. – 2007. – № 3 (11). – С. 96–99.

200. Архипов И. Л. Общественная психология петроградских обывателей в 1917 году // Вопросы истории. – 1994. – № 7. – С. 49–58.

201. Архипов И.Л. Корниловской мятеж как феномен политической психологии // Новый часовой. – 1994. – № 2. – С. 25–30.

202. Ахун М.И., Петров В.А. Царская армия в годы империалистической войны. – М.: Изд-во Всесоюзного об-ва политкаторжан и СС-поселенцев, 1929. – 123 с.

203. Бажуков В.И. Военная антропология: методология, направления, современное состояние. – М.: МАКС Пресс, 2009. – 220 с.

204. Бажуков В.И. Методологические проблемы военной антропологии // Вопросы культурологии. – 2007. – № 5. – С. 24–27.

205. Бакунцев А.В. «Окаянные дни»: особенности работы И.А. Бунина с фактическим материалом // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2013. – № 4. – С. 22–36.

206. Бережной А.Ф. Царская цензура и борьба большевиков за свободу печати (1895–1914). – Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. – 288 с.

207. Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. – М.: Наука, 1986. – 120 с.

208. Бескровный Л.Г. Очерки по источниковедению военной истории. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. – 450 с.

209. Борщукова Е.Д. Влияние русских писателей на общественные процессы в годы Первой мировой войны // Вестник Прикамского социального института. Гуманитарное обозрение. – 2013. – № 2 (7). – С. 12–17.
210. Борщукова Е.Д. Особенности общественного сознания российских подданных в начальный период Первой мировой войны // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2010. – № 4. – С. 55–59.
211. Борщукова Е.Д. Публицистика времен Первой мировой войны и формирование общественного сознания российского общества // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2011. – № 2. – С. 103–106.
212. Бринюк Н.Ю. Офицеры и революция: гражданская позиция российского офицерства в 1917 г. по архивным материалам // Вестник архивиста. – 2015. – № 1. – С. 193–207.
213. Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. – М.: Новый хронограф, 2015. – 720 с.
214. Буравчииков А.А. В ногу с революцией. – Киев: Выща школа, 1988. – 141 с.
215. Буравченков А.А. Роль демократического офицерства в революции. – Киев: Выща школа, 1990. – 250 с.
216. Бурджалов З.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. – М.: Наука, 1967. – 407 с.
217. Варзаков И.В. Проблемы подготовки офицерского корпуса российской армии перед русско-японской войной // Вестник Пермского университета. – 2010. – Вып. 1 (13). – С. 5–7.
218. Владимирова В. Контрреволюция в 1917 г. (корниловщина). – М.: «Красная новь», 1924. – 224 с.
219. Водак Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. – 2011. – № 4 (38). – С. 286–291.
220. Волков С. В. Статус офицера в русском обществе XVIII–XX вв. // Ориентир. – 1996. – № 2. – С. 64–66.
221. Волков С.В. Русский офицерский корпус. [Электронный ресурс]: Военная литература. – М.: Воениздат, 1993. URL: http://militera.lib.ru/h/volkov_sv1/index.html (дата обращения: 26.05.2016).

222. Волков С.В. Русский офицерский корпус. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – 414 с.
223. Волков С.В. Русское офицерство как историко-культурный феномен // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. – М.: «Росспэн», 2002. – С. 165–181.
224. Гайлит О.А., Мамонтова М.А. История российской повседневности: учебное пособие / О.А. Гайлит, М.А. Мамонтова. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2019. – 128 с.
225. Гагкуев Р.Г. Бердичевские узники: арест генерала А.И. Деникина и офицеров штаба Юго-Западного фронта в дни корниловского выступления (август–сентябрь 1917 г.) // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9, № 2. – С. 313–339.
226. Гагкуев Р.Г. Русское офицерство в эпоху революции и Гражданской войны // Военно-исторический журнал. – 2016. – № 4. – С. 69–70.
227. Гефнер О.В. «Образ армии в периодической печати Западной Сибири (конец XIX–начало XX вв.) // Вестник Ом. ун-та. – 2011. – № 3. – С. 76–80.
228. Гефнер О.В. Социальный статус офицерства русской армии в конце XIX–начале XX вв.: локальный подход // Омский научный вестник. – 2012. – № 3 (109). – С. 15–18.
229. Голиков А.Г. Источниковедение отечественной истории: учеб. Пособие для студ. Учреждений высш. проф. образования / А.Г. Голиков, Т.А. Круглова; под ред. А.Г. Голикова. – М.: Издательский центр «Академия», 2012. – 464 с.
230. Головин Н.Н. Мысли об устройстве будущей Российской Вооруженной силы. Общие основания. – Белград: Издание Русского военно-научного института, 1939. – 80 с.
231. Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. В 2-х томах. – М.: Айрис-Пресс, 2011. – 1272 с.
232. Голубин Р.В. Трансформация общественных настроений в России в годы Первой Мировой войны // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: История. – 2002. – № 1. – С. 92–96.

233. Гольдин С. Русская армия и евреи накануне Первой мировой войны [Электронный ресурс]. – URL: http://www.lechaim.ru/ARHIV/185/goldin.htm#_ftn23 (дата обращения: 13.03.2017).

234. Гребенкин И.Н. Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 528 с.

235. Гребенкин И.Н. Российское офицерство и политическая жизнь России в начале XX в. // Вестник ТГУ. – 2009. – Вып. 3 (71). – С. 220–228.

236. Гришин Г.Н. Изменения социального состава офицерского корпуса русской императорской армии в ходе Первой мировой войны 1914–1918 годов // Международная жизнь. – 2014. – № 14. – С. 168–176.

237. Гужва Д.Г. Русская военная периодическая печать в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. – 2007. – № 12. – С. 37–41.

238. Гуцин А.В. Русская армия в войне 1904–1905 гг.: историко-антропологическое исследование влияния взаимоотношений военнослужащих на ход боевых действий. – СПб.: Реноме, 2014. – 256 с.

239. Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. – М: Добросвет, 2011. – 232 с.

240. Дежнев В.Н. Православие и русская императорская армия в начале XX в. // Государство, общество, церковь в истории России XX в.: сб. материалов XIII Международной научной конференции (Иваново, 12–13 марта, 2014). – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2014. – С. 83–87.

241. Дейк ван Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.

242. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Ленанд, 2015. – 320 с.

243. Дружинин К.И. Исследование душевного состояния воинов в разных случаях боевой обстановки по опыту Русско-японской войны 1904–1905 гг. – СПб.: Русская Скоропечатня, 1910. – 147 с.

244. Есин Б. И. Русская дореволюционная газета. 1702–1917 гг. Краткий очерк. – М.: Издательство МГУ, 1971. – 88 с.

245. Жирков Г.В. Журналистика России: от золотого века до трагедии. 1900–1918 гг. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2014. – 382 с.
246. Журавлев В.А. Без веры, царя и отечества: Российская периодическая печать и армия в марте–октябре 1917 г. – СПб.: Мин. обр. РФ, СПбГУ МВД РФ, 1999. – 260 с.
247. Журавлев В. А. Периодическая печать о российском офицерстве 1917 г.: нерешенные проблемы и трагические последствия // Клио. – 1999. – № 1 (7). – С. 49–60.
248. Журавлев В.А. «Чужая война» и деформация общественного сознания: периодическая печать Петрограда 1917 года о российском обществе и армии // Ученые записки Спб филиала РТА. – 2015. – № 2 (54). – С. 192–200.
249. Загоруйко М.В. Борьба российских политических партий за влияние на офицерский корпус в феврале–октябре 1917 г. // Государственное управление. Электронный вестник. – 2012. – № 30. – С. 1–16.
250. Зайончковский П. А. Офицерский корпус русской армии перед Первой мировой войной // Вопросы истории. – 1981. – № 4. – С. 21–29.
251. Зайончковский П.А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны // П.А. Зайончковский (1904–1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. – М.: РОССПЭН, 1998. – С. 24–69.
252. Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903. – М.: Мысль, 1973. – 351 с.
253. Закиров В.Ю. Социально-мировоззренческая трансформация офицерского корпуса русской армии в период I мировой войны и Гражданской войн (1914–1920 гг.) // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2015. – № 4 (5). – С. 14–17.
254. Замятин Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. – М.: Знак, 2006. – 488 с.
255. Иоффе Г. 3. «Белое дело». Генерал Корнилов. – М.: Наука, 1989. – 291 с.
256. Ипполитов Г.М. Гибель русской армии в 1917 году и офицерство // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2017. – № 11. – С. 116–124.
257. Йоргенсен М.В., Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод. – Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. – 352 с.

258. Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов (1917–1920 гг.). – М.: Наука, 1988. – 276 с.
259. Какурин Н.Е. Разложение армии в 1917 г. – М.: Государственное издательство, 1925. – 210 с.
260. Калашников В.В. Корниловский мятеж // Альтернативы. – 2017. – № 3. – С. 124–138.
261. Катков Г. М. Дело Корнилова. – М.: Русский путь, 2002. – 240 с.
262. Кенез П. Идеология Белого движения // Гражданская война в России: перекресток мнений. – М.: Наука, 1994. – С. 94–105.
263. Керсновский А.А. История русской армии. В 4 т. Т. 3: 1881–1915 гг. – М.: Голос, 1994. – 352 с.
264. Керсновский А.А. История русской армии. В 4 т. Т. 4: 1915–1917 гг. – М.: Голос, 1994. – 368 с.
265. Киган Д. Первая мировая. [Электронный ресурс]: – М: АСТ, 2004. – URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1047214> (дата обращения 22.12.2018).
266. Коган И. Карательные экспедиции 1905–1906 годов. – М., 1925. – 24 с.
267. Кожевин В.Л Публицистические выступления интеллигенции в защиту русского офицерства. Год 1917-й // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2018. – № 2 (18). – С. 148–152.
268. Кожевин В.Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв. – Омск: Из-во Ом. гос. ун-та, 2011. – 260 с.
269. Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 664 с.
270. Коробков Ю.Д. Между двуглавым орлом и красным знаменем. Общественное сознание российского общества в 1917 г.: Монография. – Магнитогорск: МаГУ, 2000. – 129 с.
271. Кривицкий А.Ю. Традиции русского офицерства. – М: Воениздат, 1945. – 105 с.
272. Кужилин С.Ф. Корниловское выступление 25 августа–2 сентября 1917 г. // Память о прошлом – 2017: Материалы и доклады VI историко-архивного форума, посвященного 100-летию революции 1917 г. в России. Составители О.Н. Солдатова, Г.С. Пашковская (Самара, 18–20 апреля 2017 г.), 2017. – С. 200–205.

273. Кузнецов В.Д. Деятельность русской православной церкви по религиозному воспитанию учащихся классических гимназий и военно-учебных заведений накануне первой русской революции // Клио. – 2011. – № 5 (56). – С. 65–71.

274. Кузнецов Д.А. Борьба политических партий России за офицерский корпус в Февральской революции 1917 г. // Проблемы социальных и гуманитарных наук. – 2019. – Вып. № 1 (18). – С. 61–66.

275. Кузнецов Д.А. Участие высшего командного состава русской армии в заговоре против Николая II // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2017. – № 1 (10). – С. 41–45.

276. Култышев П.Г. Военная эйфория и чувство тревоги в сознании и поведении офицеров русской армии летом-осенью 1914 года // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – 2018. – Т. 28, № 1. – С. 33–39.

277. Куперт Ю.В., Луценко А.В. Роль общественного сознания в Русско-японской войне // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – № 1 (39). – С. 15–28.

278. Каккинен Н.И. Апрельский кризис 1917 г. как отражение эволюции общественного сознания российского общества // ADVANCED SCIENCE: сборник статей III Международной научно-практической конференции. В 2 ч. Ч. 1. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. – С. 186–188.

279. Ларьков Н.С. Генерал Анатолий Пепеляев: начало военной карьеры // Вестник ТГУ. – 2014. – № 385. – С. 106–112.

280. Ларьков Н.С. Сибирский белый генерал. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. – 312 с.

281. Левицкий Н.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. [Электронный ресурс]: – М.: Государственное Военное Издательство Наркомата Обороны Союза ССР, 1938. – URL: http://militera.lib.ru/h/levicky_na/index.html (дата обращения 16.07.2018).

282. Лемке М. 250 дней в царской ставке (25 сент. 1915–2 июля 1916). – Пг.: ГИЗ, 1920. – 859 с.

283. Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX–начала XX вв. – Самара: ООО «Книга», 2011. – 448 с.

284. Леонтьева О.Б. Образы исторической реальности в современной отечественной историографии // Историческая экспертиза. – 2015. – № 2 (3). – С. 4–19.
285. Леонтьева Т.Г. Православный Российской империи на фронте и в тылу (1914–1917 гг.) // Вестник ТвГУ. Серия: История. – 2015. – № 1. – С. 41–57.
286. Лобачева Г.В. Крах монархического идеала в общественной психологии накануне февраля 1917 г. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1993. – 361 с.
287. Мавродин В.В. Брусиллов. – М.: ОГИЗ: Политиздат, 1943. – 27 с.
288. Мазур Л.Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2013. – № 3 (117). – С. 243–256.
289. Мартынов Е.И. Корнилов (Попытка военного переворота). – Л.: Военная типография Упр. делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1927. – 161 с.
290. Мартынов Е.И. Политика и стратегия. – М.: Издательский дом «Финансовый контроль», 2003. – 449 с.
291. Мартынов Е.И. Царская армия в Февральском перевороте. – Л.: Военная типография Упр. делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1927. – 212 с.
292. Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века. Учебно-методический комплект (Учебное пособие, Хрестоматия). – М.: Флинта: Наука, 2004. – 368 с.
293. Меньковский В.И. Символ революции: «Образ Керенского» в исследованиях Б.И. Колоницкого // Журнал белорусского государственного университета. История. – 2018. – № 3. – С. 102–109.
294. Миленко В.Д. Куприн. Возмутитель спокойствия. – М: Молодая гвардия, 2016. – 400 с.
295. Миллюков П.Н. История второй русской революции. Т. 1. Борьба буржуазной и социалистической революции. Вып. 1. Противоречия революции. – Киев: Летопись, 1919. – 171 с.
296. Миронов Б.Н. Социальная история России периода Империи (XVIII–начала XX вв.) – СПб.: «Дмитрий Булавкин», 2009. – 549 с.

297. Морозова Н.В., Назарова Т.П. Эволюция «образа врага» в сознании русского общества в годы Первой мировой войны (по материалам центральной печати). – Волгоград: ФГБОУ ВО Волгоградский ГАУ, 2015. – 336 с.

298. Мультиатули П.В. Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. [Электронный ресурс]: – СПб.: Сатисъ, 2002. – URL: <http://militera.lib.ru/research/multatuli/index.html> (дата обращения 16.07.2018).

299. Недоступов Д.А. Эволюция общественных настроений в России 1914–1918 гг.: проблемы изучения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2018. – № 3. – С. 8–18.

300. Нечкина М.В. Исторические традиции русского военного героизма. – М.: Воениздат, 1942. – 22 с.

301. Никифоров А.Л. Военные реформы в русской императорской армии в 1905–1912 гг. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Санкт-Петербург, 29 апреля 2016 г.). – СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2016. – С. 98–103.

302. Окорочков А.З. Октябрь и крах буржуазной прессы. – М.: Мысль, 1970. – 404 с.

303. Оськин М.В. Российские дезертиры Первой мировой войны // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История Русской православной церкви. – 2014. – № 5 (60). – С. 46–60.

304. Пайпс Р. Русская революция. Кн. 1. Агония старого режима. 1905–1917. – М.: «Захаров», 2005. – 480 с.

305. Панченко В.С. Подпольная печать большевиков в борьбе за массы в годы нового революционного подъема (1910–1914). – Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1974. – 206 с.

306. Первая мировая война 1914–1918 годов. В 6 т. / В. А. Золотарев. – М.: Кучково поле, 2014–2017.

307. Петров Ю.А. Российская революция 1917 года: власть, общество, культура // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – № 2. – С. 13–24.

308. Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии: 1827–1914. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 556 с.

309. Пирогов Д.В. Военная общественность и Военное министерство – на пути к сотрудничеству // Вестник ПСТГУ. – 2014. – Вып. 5 (60). – С. 61–69.

310. Плавская Е.В. Публицистика как вид исторических источников: проблема определения // Вестник РГГУ. – 2008. – № 4/08. – С. 81–93.

311. Поликарпов В.В. От Цусимы к февралю: царизм и военная промышленность в начале XX века. – М.: Индрик, 2008. – 552 с.

312. Поляков С.А. Роль императорской гвардии в февральской революции 1917 г. // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2013. – № 4 (54). – С. 86–90.

313. Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны (1914–март 1918 г.). – Екатеринбург: УрО РАН, 2000. – 414 с.

314. Потапов Н.М. Печать и война. – М.–Л.: Гос. воен. изд-во, 1926. – 82 с.

315. Революционное движение в русской армии. 27 февраля–24 октября 1917 г.: сб. док. / под ред. Л. С. Гапоненко. – М.: Наука, 1968. – 621 с.

316. Родигина Н.Н. «Героический сотник», «Женщина-герострат» и другие: образы путешественников из Сибири в столицу в еженедельных журналах второй половины XIX–начала XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2015. – Т. 22, № 1. – С. 10–14.

317. Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX–начала XX века. – Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2006. – 343 с.

318. Родигина Н.Н. Детям о революции: динамика образов и понятий «революционного» в журнале «Задушевное слово» начала XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2017. – Т. 24, № 3. – С. 72–77.

319. Родигина Н.Н. Такие разные Сибири: русская журнальная пресса второй половины XIX–начала XX века о сибирском Севере. // Пути России. Север – Юг: сб. трудов конференции «Пути России. Север – Юг» (Москва, 18–19 марта 2016 г.). – СПб.: Общество с ограниченной ответственностью «Нестор-История», 2017. – С. 31–40.

320. Савельева И.М., Полетаев А.В. Обыденные представления о прошлом: теоретические подходы // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л.П. Репиной. – М.: Кругъ, 2008. – С. 50–76.

321. Семенова Е.Ю. Историография проблемы мировоззрения российского общества в Первую мировую войну // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2011. – Т. 13, № 3. – С. 213–221.

322. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – М.: РОССПЭН, 2006. – 288 с.

323. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – 383 с.

324. Сенявская Е.С. Человек на войне, или тернистый путь от военной истории к военной антропологии // Исторический вестник. – 2018. – Т. 24. – С. 10–43.

325. Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология: проблемы становления новой отрасли исторического знания // Вестник РГНФ. – 2005. – № 3 (40). – С. 7–14.

326. Симонов Д.Г. Социальная мобильность офицерского корпуса русской армии во время Первой мировой войны // Вестник ТвГУ. Серия «История». – 2015. – № 3. – С. 103–117.

327. Суржик Д.В. События 1917 г. В современной российской общественно-исторической ситуации // Исторический формат. – 2017. – № 3–4. – С. 297–306.

328. Суряев В.Н. О служебных взаимоотношениях офицеров и солдат Русской императорской армии в начале XX века // Вестник Пермского университета. Сер. История. Пермь. – 2015. – № 2 (29). – С. 123–130.

329. Суряев В.Н. Офицеры русской императорской армии. 1900–1917. – М.: «Русское историческое общество», Русская панорама, 2012. – 272 с.

330. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа и текста дискурса / Пер. с нем. – Х.: Изд-во Гуманитарный центр, 2017. – 356 с.

331. Ушаков А. И., Федюк В. П. Лавр Корнилов. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 398 с.

332. Федюк В.П. Российский обыватель в 1917 г.: от революционной эйфории к ненависти // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 6. – С. 385–389.

333. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя. 1552–1917 / Пер. с англ. С.Н. Намуйлова. – Смоленск: «Русич», 2001. – 512 с.

334. Цветков В.Ж. Лавр Георгиевич Корнилов // Вопросы истории. – 2006. – № 1. – С. 55–84.

335. Чикин П. Традиции русского офицера. – Киев: Отд. агитации и пропаганды Политупр. 3-го Укр. фронта, 1944. – 23 с.

336. Чуракова О.В. Военно-историческая антропология: горизонты исследовательской траектории в XXI веке // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2015. – Т. 9, № 2. – С. 93–104.

337. Шелохаев В.В. Либералы и массы в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. – 1996. – № 7. – С. 31–38.

338. Шестопалова А.С. «Необъявленная война инородцев» против армии: национальный вопрос в российской армии (по материалам отечественной публицистики) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2019. – № 58. – С. 78–81.

339. Ярославский Е.М. Русско-японская война и отношение к ней большевиков / Е.М. Ярославский. – М.: Госсозэкиздат, 1939. – 46 с.

340. Brenton T. Was Revolution Inevitable? Turning Points of the Russian Revolution. Oxford University Press, 2017. – 364 p.

341. Feldman R.S. The Russian general staff and the June 1917 offensive // Soviet Studies. – 1968. – Vol. 19, №. 4. – P. 526–543.

342. Halévy E. The world crisis of 1914–1918, an interpretation. – Oxford: Clarendon press, 1930. – 57 p.

343. Longley D.A. Officers and men. A study of the development of political attitudes among the sailors of the Baltic Fleet in 1917 // Soviet studies. – 1973. – Vol. XXV, № 1. – P. 28–50.

344. Rendle M. Defenders of the Motherland: The Tsarist Elite in Revolutionary Russia // The Russian Review. – 2010. – Vol. 69, № 4. – P. 723–724.

345. Rendle M. The officer corps, professionalism, and democracy in the Russian revolution. The Historical Journal. – 2008. – Vol. 51, № 4. – P. 921–942.

346. Stone N. The Eastern Front 1914–1917. – London: Penguin, 1975. – 351 p.

347. Stone D.R The Russian Army in the Great War. – Lawrence, 2015. – 359 p.

348. Taylor B.D. Politics and the Russian Army. Civil-Military Relations, 1689–2000. – Cambridge, 2003. – 374 p.

349. Wildman A.K. The End of the Russian Imperial Army: The Old Army and the Soldier's Revolt (March–April 1917). – Princeton, 1980. – 434 p.

350. Wildman A.K. The end of the Russian Imperial Army: The Road to the Soviet Power and Peas. Vol. II. – Prinston, 1987. – 434 p.

351. Wodak R. The discourse-historical approach // Methods of critical discourse analysis / Ed. by R. Wodak, M. Meyer. – London: Thousand Oaks, New Delhi, 2001. – P. 63–72.

Диссертации и авторефераты диссертаций

352. Акопов А.А. Формирование образа врага на страницах газеты «Северокавказский край» в годы Первой мировой войны : дис. ... канд. ист. наук. – Пятигорск, 2008. – 185 с.

353. Арутюнян К.С. Трансформация общественного сознания в условиях социального кризиса : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Саранск, 2013. – 21 с.

354. Белогуров С.Б. История военной периодической печати в России (XIX – начало XX вв.) : дис. ... докт. ист. наук. – М., 1997. – 222 с.

355. Белогурова Т.А. Отражение общественных настроений в российской периодической печати 1914–февраля 1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. – Брянск, 2006. – 240 с.

356. Богомолов И.К. Образ противника в русской периодической печати 1914–1915 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2015. – 33 с.

357. Борщукова Е.Н. Патриотические настроения россиян в годы Первой Мировой войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Спб., 2002. – 24 с.

358. Гулин А.О. Провинциальное общество в условиях Первой мировой войны (на материалах Владимирской, Костромской и Ярославской губерний) : дис. ... канд. ист. наук. – Кострома, 2016. – 273 с.

359. Закиров В.Ю. Мировоззрение личности офицера российской армии в условиях кризиса идентичности социума (социально-философский анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2015. – 19 с.

360. Пирогов Д.В. Вопросы подготовки русской армии к войне в военной периодике 1905–1914 гг. : автореф. ... канд. ист. наук. – М., 2017. – 26 с.

361. Родигана Н.Н. Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX вв. : автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Омск, 2006. – 40 с.

362. Семенова Е.Ю. Влияние Первой мировой войны на мировоззрение, общественные настроения и поведенческие практики городского населения поволжских губерний Российской империи (июль 1914 г.–февраль 1917 г.) : автореф. дис. ... док. ист. наук. – Саратов, 2013. – 50 с.

363. Титко В.В. Прогрессивная печать России в военно-патриотическом воспитании воинов русской армии (1886–1917) : дис. ... канд. ист. наук. – Спб., 1995. – 282 с.

364. Шайпак Л. А. Борьба политических партий России за армию в начале XX века (на материалах Среднего Поволжья) : дис. ... док. ист. наук. – Чебоксары, 2015. – 532 с.

365. Эйдук Д.В. «Образ врага» и перспективы войны в русской периодической печати в 1914–1915 гг.: по материалам газеты «Утро России» : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Спб., 2008. – 26 с.

366. Яковлев М.Н. «Военный сборник» и его место в политике самодержавия по отношению к армии (1858–1905 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. –Л., 1986. – 211 с.